

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

26 2025
ЧАСТЬ IV

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (577) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Константин Васильевич Мельников* (1890–1974), советский архитектор.

Константин Мельников родился в небогатой рабочей-крестьянской московской семье в 1890 году. В раннем возрасте Константин полюбил рисовать, поэтому сначала его отдали в иконописную мастерскую Прохорова в Марьиной роще, а затем устроили в дом выдающегося ученого и педагога, инженера Владимира Чаплина. Всего через два года обучения Мельникова приняли в Московский университет живописи, ваяния и зодчества, где он дважды поощрялся премией за архитектурные проекты.

С 1918 года молодой Константин разрабатывал проекты благоустройства столицы под руководством известных мастеров Алексея Щусева и Ивана Жолтовского. Начиная с работ в духе неоклассики, он постепенно искал способы создания новых архитектурно-художественных образов.

Во время обучения в МУЖВЗ Мельников по заданиям фирмы «В. Залесский и В. Чаплин» проектировал фасады первого в России автомобильного завода АМО (в настоящее время завод ЗИЛ).

Как один из лучших выпускников Мельников был приглашен в архитектурно-планировочную мастерскую строительного отдела Моссовета — там работали 12 мастеров, которые в шутку называли себя двенадцатью апостолами. В их числе были Жолтовский, Щусев, а также Веснин, братья Пантелеймон и Илья Голосовы, Ладовский и другие. Первым заданием для Мельникова стало проектирование поселка для служащих Алексеевской психиатрической больницы.

В начале 1920-х годов Константин отказался от всех традиционных стилей, не присоединился ни к одной архитектурной группе, а, наоборот, дистанцировался от всех, чтобы создать первое сооружение в фирменном новом стиле — деревянный павильон «Махорка» на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке.

По проекту Константина Мельникова был сделан первый саркофаг для тела В. И. Ленина, где вождь пролежал с 1924 года до Великой Отечественной войны в здании мавзолея, спроектированном Алексеем Щусевым. Саркофаг был в форме четырехгранной удлиненной пирамиды и полностью выполнен из стекла.

В 1925 году архитектор принял участие в международной выставке в Париже, представляя свой проект — павильон СССР, выполненный из дерева с частично остекленными стенами. Павильон Мельникова заявил западу

о современных авангардных достижениях Советского Союза и прославил архитектора на международной арене.

После успеха в Париже у Мельникова наступил золотой период — он проектировал многочисленные рабочие клубы и другие общественные здания, а также жилые дома и крупные гаражи (Бахметьевский, ВАО «Интурист», гараж Госплана СССР).

Самой яркой работой Мельникова стал его собственный дом, построенный в 1927–1929 годах в Кривоарбатском переулке. Это был дом-скульптура, творческий манифест архитектора-художника XX века. Автор проекта отстранился от всех традиций домостроения и все придумал заново. В архивах Мельникова есть проект такого же дома, только из трех цилиндров — это был модуль, на основе которого он собирался строить целые поселки. Он ставил эксперимент на себе. Но поскольку модуль остался в единственном экземпляре и не повторился, он стал уникальным.

С конца 1930-х годов Мельникову стало труднее реализовывать новаторские идеи в архитектуре — его проекты стали все чаще критиковать, а со временем архитектора и вовсе изолировали от творческого процесса, но не арестовывали, потому что когда-то он проектировал саркофаг Ленина. С 1936 года Константин вместе с женой попал в жуткую нищету. Вся их одежда была изношена до предела. Единственный доход Константин получал, работая печником.

В 1949 году Мельникова пригласили преподавать в Саратов. Там он вместе с женой жил в профессорском общежитии, где у них была большая угловая комната.

В 1965 году Мельникову без защиты диссертации присвоили ученую степень доктора архитектуры, а в 1972-м — почетное звание заслуженного архитектора РСФСР.

Столетний юбилей архитектора ЮНЕСКО отметила тем, что объявила 1990 год годом Константина Мельникова. По результатам опроса членов Российской академии архитектуры и строительных наук, проводившегося в 2001 году, Константин Васильевич Мельников занял первое место среди выдающихся отечественных архитекторов XX века и третье — в мировом списке.

О жизни и творчестве Константина Мельникова было создано несколько документальных фильмов и написано множество книг, среди которых — широко известная среди специалистов и любителей архитектуры книга Галины Зеличенко «Константин Мельников и его дом».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Айтнякова А. Б.

Легализация термина «денежное обязательство» 231

Астафьева С. А.

О проблеме начала течения срока домашнего ареста, применяемого к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) 233

Бангоян Д. А.

История и предпосылки развития института по ограничению монополистической деятельности в Российской Федерации 235

Бангоян Д. А.

Общие положения монополистической деятельности на товарных рынках, ее понятие и виды 238

Бессмертная В. О.

Актуальные проблемы, возникающие при составлении завещания в чрезвычайных обстоятельствах 241

Величко К. А.

Определение размера и объема возмещения убытков юридических лиц: актуальные проблемы методического обеспечения и судебной практики 244

Веркнер М. В.

Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции 246

Демченко И. Я., Воронина О. В.

Пособничество в должностных преступлениях 248

Евтеев Д. А.

Контроль деятельности нотариата как инструмент взаимодействия с публичной властью: теоретико-правовой анализ 250

Ермухаметов А. В.

Закрепление категории общественного блага в конституционном праве 253

Ермухаметов А. В.

Понятие и содержание общественного блага как правовой категории 255

Жмакин И. А.

Основные подходы к пониманию юридической природы статуса главы муниципального образования 258

Зелов Д. Н.

Практика применения мер административной ответственности за экологические правонарушения 259

Иванов С. И.

Логические основы процесса доказывания 263

Исаева К. К.

Криминалистическая характеристика неуплаты средств на содержание детей 264

Калинина О. С.

Защита прав и интересов предпринимателей ... 266

Камчатный А. С.

Ответственность за продажу китовой продукции 268

Капранов Д. С.

Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность исполнительных органов 271

Капранов Д. С.

Цифровая трансформация регионального управления: опыт функционирования правительства Ульяновской области 274

Карамышев И. О.

Рассмотрение наследственных дел в судебном порядке 277

Карамышев И. О.

Виды рецидива преступлений 278

Каукин Д. Н.

Использование идеологических методов в реализации антикоррупционной политики СССР (1929–1941 гг.) 280

Кафтаев А. Р.

Особенности регулирования труда иностранных работников в России 282

Кирмизов М. С.

Электронное правосудие: теория и практика ... 286

Кисаримов А. А.

Реализация административной ответственности государственных служащих: квалификация правонарушения, обстоятельства и виды наказаний 290

Ковешникова А. И.

Незаконная организация и проведение азартных игр 292

Колесникова К. А.

Наследственные права несовершеннолетних: некоторые проблемы реализации 293

Колобова С. Р.

Признание права собственности на земельные участки: вопросы судебной практики 296

Кононенко М. Н., Елисеев И. В.

Организация субботника на предприятии: правовые аспекты 298

Корнилов В. А.

Проблемы административной ответственности за совершение правонарушений в области дорожного движения 300

Корнилов В. А.

Административная ответственность в области автомобильного транспорта и дорожного движения 302

Кравцов Г. И.

Нововведения в сфере регулирования банковской деятельности 305

Кремер А. А., Карамышев И. О.

Доказывание по обособленным спорам 306

Кремер А. А., Карамышев И. О.

Сравнительный анализ процедуры внесудебного банкротства в России и в зарубежных странах 308

Кремер А. А., Карамышев И. О.

Понятие и признаки обособленного спора в делах о несостоятельности и банкротстве ... 310

Кремер А. А.

Исполнительная надпись: инструмент защиты или обход закона? 311

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Легализация термина «денежное обязательство»

Айтнякова Алина Бирхатовна, студент
Тюменский государственный университет

Данная статья посвящена некоторым аспектам и особенностям исполнения денежных обязательств в России согласно Гражданскому Кодексу РФ. Особый акцент в статье сделан на методы выполнения денежных обязательств, включая наличные деньги, перевод на банковский счет и другие способы исполнения обязательств. Основной идеей исследования является утверждение о том, что денежные обязательства представляют собой важный институт гражданского права, который претерпел значительные изменения и совершенствовался с течением времени. Сегодня выполнение денежных обязательств является хорошо отлаженным механизмом, несмотря на некоторые существующих проблемы, требующие детального внимания со стороны органов государственной власти.

Ключевые слова: денежные обязательства, наличные деньги, договор, ответственность, закон.

Legalization of the term «monetary obligation»

This article is devoted to some aspects and features of the fulfillment of monetary obligations in Russia, according to the Civil Code of the Russian Federation. Particular emphasis in the article is placed on the methods of fulfilling monetary obligations, including cash, transfer to a bank account, and others. The main idea of the study is the assertion that Monetary obligations are an important aspect of civil law, which has undergone significant changes and has been improved over time. Today, the fulfillment of monetary obligations is a well-established mechanism, despite some existing problems that require attention from government authorities.

Keywords: monetary obligations, cash, contract, responsibility, law.

Исполнение денежного обязательства представляет собой важнейший аспект гражданских и коммерческих отношений, где ключевую роль играют добросовестность и разумность сторон. Когда одна сторона обязуется уплатить определенную сумму денег, возникает правовая ответственность, которая требует строгости в соблюдении условий договора и закона.

В соответствии с законодательством РФ, денежное обязательство должно исполняться в установленный законом или договором срок, в оговоренном месте и указанным способом. При ненадлежащем исполнении возможны серьезные последствия для должника: от начисления пеней до подачи иска в суд и взысканию судебных расходов. Однако различные обстоятельства, как форс-мажор, могут смягчить последствия для должника. Всё это находит свое отражение в характеристике действий по исполнению денежного обязательства в виде обязанности должника уплатить кредитору определенную сумму денежных средств.

При изучении действующего гражданского законодательства установлено, что отсутствует конкретизиро-

ванное определение понятия что же представляет собой «денежное обязательство», вместо этого используются такие термины, как «погашение», «взыскание», «удовлетворение». В результате чего происходит неоднозначное определение в гражданско-правовой квалификации, что же конкретно подразумевается под термином «денежное обязательство», так как по настоящее время не определены четкие границы данного определения.

Выделение денежных обязательств в науке гражданского права в качестве самостоятельного института обязательств, в свою очередь, обусловлено особой природой денег как вида имущества. Например, наиболее распространенным денежным обязательством являются обязательства по договору займа и выдаче кредита, по оплате товаров, работ, услуг по договорам купли-продажи, по возврату неосновательного денежного обогащения или возмещения стоимости неосновательного обогащения и т. д.

Деньги являются потребляемыми вещами, несмотря на то, что в процессе их использования не происходит утрата их физических свойств (уничтожение), и более того, им

может быть свойственно приращение, обусловленное их участием в финансовых операциях, инвестициях и начислением процентов. Выдел денежной доли и денежный раздел как способ разделения имущества при невозможности его раздела в натуре широко используются в гражданско-правовом обороте, что подтверждается статьями ГК РФ и практикой судебных решений.

При изучении рассматриваемой темы установлено, что в юридической литературе указывается, что денежное обязательство представляет собой обязанность должника уплатить кредитору определенную или определяемую сумму денежных средств в соответствии с гражданско-правовой сделкой (условиям договора) и по другим основаниям, предусмотренным законодательством РФ. Однако, несмотря на многообразие научных трудов и мнений ученых-практиков, по настоящее время на законодательном уровне нет единого определения термина «денежное обязательство».

Основная проблема легализации данного определения, заключается в установлении границ понятия «денежное обязательство» на законодательном уровне, которая позволит в будущем унифицировать подходы к толкованию и применению соответствующих норм. Конкретизация данного определения позволит способствовать эффективной защите прав кредитора и должника. Так как определение этого термина употребляется только для целей ГК РФ, а потому в связи с определенными ограничениями круга денежных обязательств, установленными ГК РФ, вряд ли может быть применено ко всем видам гражданско-правовых денежных обязательств.

Так, например, согласно закону обязательством является разновидность правовой связи между управомоченным и обязанным лицами (сторонами обязательства), вытекающей из предусмотренных законом оснований, в силу которой обязанное лицо (должник) в пользу управомоченного лица (кредитора) обязано совершить определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности, только при условии соблюдения сторонами требований добросовестности, разумности, справедливости и законности.

В ГК РФ содержатся основные положения по исполнению различных обязательств между кредитором и должником. Значение исполнения обязательств заключается в том, что позволяет достигнуть цели кредитора и должника, удовлетворить интересы обеих сторон и тем самым, стимулируют развитие гражданских правоотношений.

В контексте норм гражданского права особое место занимают исполнения денежных обязательств, регламент которых прописан в главе 22 ГК РФ, так в соответствии со ст. 307 ГК РФ уплата денежных средств выделена законодателем в качестве самостоятельного действия должника. Это положение указано неслучайно, так как уплата денег является, по сути, одной из возможностей передачи денег и исполнения обязательств. Выделение

денежных обязательств в науке гражданского права в качестве самостоятельного вида обязательств, в свою очередь, обусловлено особой природой денег, как вида имущества.

Согласно ст. 309 ГК РФ, обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований — в соответствии с обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями [1]. Фактически, это говорит о том, что денежные обязательства исполняются в соответствии с договором между сторонами. Если договора нет — законом РФ.

Исполнение денежных обязательств представляет собой вручение денежных средств оговоренным способом должником кредитору в размере, установленном предметом договорных обязательств. Расчетами по денежным обязательствам называется совершение любых действий (в т. ч. и платежа), которые должны привести к прекращению денежного обязательства.

Кроме того, исполнение денежного обязательства должно быть своевременным. Это означает, что кредитор вправе запросить у должника уплату денежного обязательства в оговоренный срок. В том случае, если должник отказывается или не имеет возможности оплатить долг в установленный срок, кредитор может запросить оплату штрафа, процентов или же расторгнуть договор, что предполагает аннулирование выполнения услуг или передачу товара. При этом, важно отметить, что расторжение договора часто ведет за собой немедленную уплату денежного обязательства, например, в течение 2-х недель с момента расторжения. В противном случае кредитор может обратиться в суд с исковым заявлением и взыскать причитающиеся ему суммы задолженности. [4].

Проанализировав все вышесказанное, мы можем сделать вывод о том, что исполнение денежных обязательств, согласно законодательству Российской Федерации, имеет определенные характерные черты, которые важно знать и учитывать при заключении и осуществлении сделок между должником и кредитором. Для того, чтобы исполнение денежных обязательств было максимально четким и эффективным, необходимо заключать договор, в котором четко прописаны все основные положения, в том числе — ответственность сторон за неисполнение договора. Также в договоре необходимо прописать штрафы, пени и проценты за невыполнение должником своих денежных обязательств, а также условия расторжения договора на основе данного нарушения.

Во-вторых, следует точно соблюдать сроки исполнения обязательств. Законодательство, как правило, учитывает конкретные сроки с целью осуществления платежей, по этой причине стороны обязаны быть внимательными и честно осуществлять собственные обещания в определенные сроки.

Также важно отметить, что в силу экономических санкций и сложной международной политической си-

туации сегодня существуют определенные сложности с проведением финансовых операций по выполнении должностных обязательств между российскими и иностранными юридическими лицами. Для того, чтобы обеспечивать безопасность и своевременность таких сделок целесообразно пользоваться страховкой или банковской гарантией.

В целом, в нынешних условиях реализации экономического рынка, характерные черты выполнения денежных обязательств следует принимать во внимание, а также предсказывать все возможные риски. Только лишь детальное исследование и подготовка могут гарантировать успешное исполнение договорных обязательств и избежать возможных финансовых потерь для сторон.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)
2. Жукова Д. В., Петров И. В. Особенности исполнения денежных обязательств в гражданском праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 3–1 (90).
3. Казакова И. А., Куркина Н. В., Митячкина Е. С. К вопросу надлежащего исполнения денежных обязательств // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1
4. Швалова К. А., Никитина А. В. Ненадлежащее исполнение денежных обязательств по российскому гражданскому праву // Вестник науки. 2023. № 10 (67).

О проблеме начала течения срока домашнего ареста, применяемого к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым)

Астафьева Софья Акрамовна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В статье автор проводит анализ уголовно-процессуального законодательства, регулирующего начало течения срока домашнего ареста применительно к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым), выявляет пробел правового регулирования домашнего ареста и формулирует предложение по совершенствованию нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: домашний арест, меры пресечения, несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, уголовно-исполнительная инспекция.

В соответствии с частью 1 статьи 107 УПК РФ домашний арест как мера пресечения заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением запретов и осуществлением за ним контроля [1].

Для отечественного уголовного процесса домашний арест в целом является достаточно ординарной мерой пресечения, избираемой как альтернатива заключению под стражу.

Однако, как следует из положений частью 3 статьи 107 УПК РФ и частью 2 статьи 108 УПК РФ, избрание домашнего ареста в отношении несовершеннолетнего по общему правилу возможно только в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Как свидетельствуют данные судебной статистики, представленные на рисунке 1, за период с 2022 по 2024 годы несмотря на общую тенденцию по снижению преступности и числа осужденных несовершеннолетних совершенно четко прослеживается, что наибольший

удельный вес несовершеннолетних осужденных за совершение тяжких преступлений.

С учетом изложенного видится актуальным рассмотрение некоторых аспектов избрания меры пресечения в виде домашнего ареста к несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым).

Как нами ранее упоминалось, домашний арест является реальной альтернативой заключению под стражу, поэтому его избрание осуществляется исключительно по судебному решению.

Однако исследование порядка избрания домашнего ареста несовершеннолетним привело нас к ряду проблем, правовое регулирование которых отсутствует.

Так, с одной стороны, в соответствии с части 2 статьи 107 УПК РФ срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения. Таким образом, справедливо предположить, что юридически домашний арест начинает действовать с указанного момента.

В то же время с другой стороны, в соответствии с пунктами 11–12 приказа Минюста России № 189, МВД России

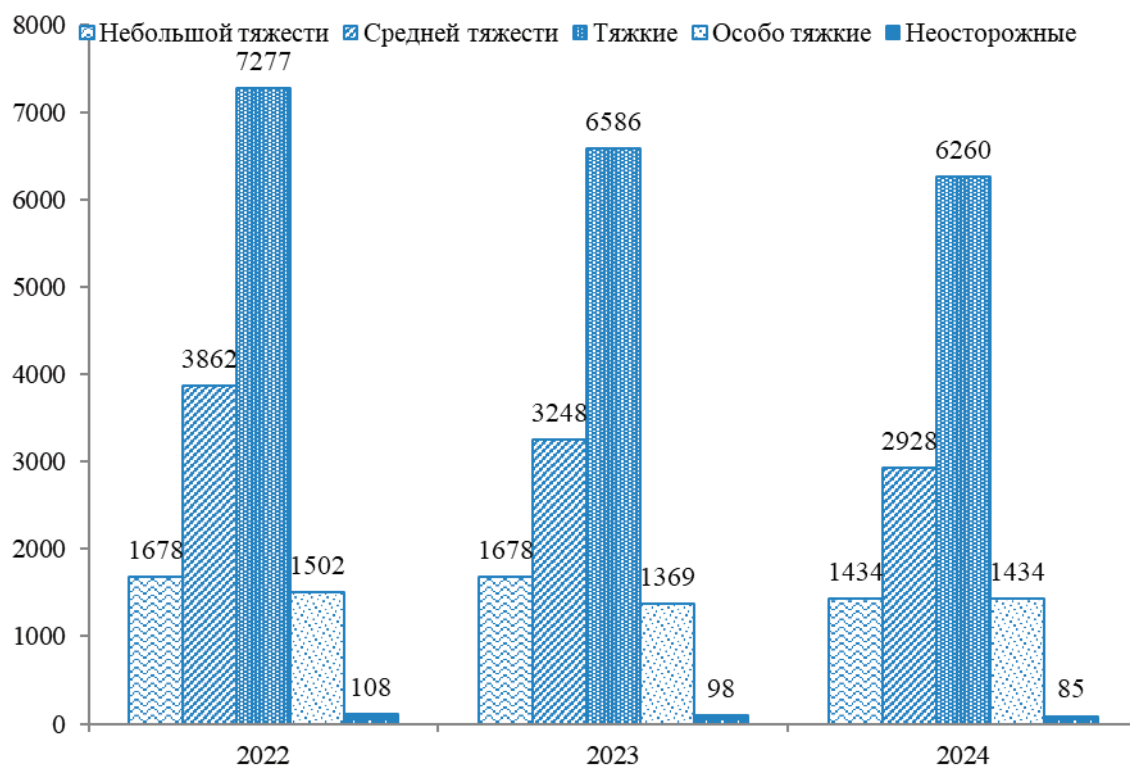

Рис. 1. Число осужденных несовершеннолетних по категориям тяжести преступлений за 2022–2024 гг. [2]

№ 603, СК России № 87, ФСБ России № 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» (далее — Порядок), при первом посещении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, в отношении которого избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, Инспекция в присутствии законных представителей, а при их отсутствии — педагога или психолога разъясняет ему правила поведения и существо наложенных запретов [3]. Таким образом, из буквального толкования положений Порядка следует, что фактически реализация домашнего ареста осуществляется с момента прибытия инспектора в жилое помещение, назначенное судом местом исполнения домашнего ареста несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого.

Таким образом, остается неясным вопрос о моменте начала домашнего ареста и возложении соответствующих ограничений и обязанностей на несовершеннолетнего. Также немаловажным остается вопрос, кто и в каком порядке осуществляет надзор за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым с момента вынесения судебного решения и до момента прибытия инспектора в жилое помещение, в котором исполняется домашний арест?

В соответствии с положениями части 12 статьи 107 УПК РФ подозреваемый или обвиняемый доставляются

в органы предварительного расследования или суд автомобилем контролирующего органа, однако в указанном пункте не упомянуто, в каком порядке и в какие сроки несовершеннолетний подозреваемый или обвиняемый должен быть помещен из суда в жилище, назначенное местом исполнение домашнего ареста.

Кроме того, следователь в соответствии с пунктом 4 Порядка информирует инспекцию о предстоящем судебном заседании. При этом ни в одном нормативном акте обязательность присутствовать среди участников судебного заседания, на котором решается вопрос об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, на Инспекцию не возлагается.

Полагаем, что возложение такой обязанности на уголовно-исполнительную инспекцию поспособствует устранению ныне существующего бесконтрольного периода. В ситуации, когда представитель Инспекции непосредственно будет принимать участие в судебном заседании, то сразу после оглашения судебного решения появляется возможность ознакомить несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого с правилами поведения и условиями исполнения домашнего ареста, а также сопроводить его до места исполнения домашнего ареста.

Таким образом, с учетом изложенного нами предлагается дополнить Порядок пунктом 4.1, в котором установить обязанность Инспекции присутствовать на судебном заседании, на котором решается вопрос об избрании несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде домашнего ареста.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями. — Текст: электронный // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 23.06.2025).
3. Приказ Минюста России N 189, МВД России N 603, СК России N 87, ФСБ России N 371 от 31.08.2020 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.09.2020 (дата обращения: 23.06.2025).

История и предпосылки развития института по ограничению монополистической деятельности в Российской Федерации

Бангоян Давид Артемович, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует историю и предпосылки развития института по ограничению монополистической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: антимонополистическая монополистическая деятельность, история развития.

История развития права в России носит уникальный характер. Вместе с этим и институт по регулированию монополистической деятельности в отечественной правовой системе формировался с учетом особенностей исторического развития государства. Процесс формирования антимонопольного законодательства условно можно разделить на два этапа: первый этап период до 1917 года, когда Россия только «вставала на рельсы» социализма и плановой экономики, и второй этап: начало 1990-х годов, когда образовался Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур, а также начал действовать указ о либерализации цен, который фактически означал переход рыночным отношениям.

Рассматривая первый исторический этап развития института по ограничению монополистической деятельности, необходимо отметить, что широкое проявление общественных отношений в данной сфере относится к XIX веку и связано с развитием промышленности. Несомненно, и до данного периода в законодательстве имперской России встречались положения, которые регулировали ограничения в торговой деятельности, однако в силу характера складывающихся общественных отношений такое регулирование можно назвать косвенным, имеющим лишь элементы антимонопольного регулирования. Как отмечает Л. В. Муравьева: «До конца XIX столетия в России имела место деятельность лишь отдельных промышленных союзов, носящих характер краткосрочных соглашений. Со временем появляются новые для россий-

ской природы хозяйствования формы промышленных объединений (или предпринимательских союзов) — синдикаты и тресты. Так в 70-х годах XIX века был образован страховой синдикат, в 1887 году — сахарный синдикат и другие менее значительные» [1]. Как уже было сказано ранее одной из причин возникновения подобных союзов, которые по своей сущности направлены на монополизацию рынка, явилась промышленная революция. По мнению историка А. С. Орлова, «...промышленная революция достигла пика своей интенсивности в 1890-е годы» [2]. Для создания института по регулированию общественных отношений необходимо их широкое распространение. Отсутствие до XIX века специальных норм, с помощью которых государство регулировало бы общественные отношения на рынке, обусловлено неразвитостью монополистических взаимодействий между субъектами.

Говоря о правовом регулировании антимонопольной деятельности, необходимо отметить, что большое внимание в рамках первого периода уделено вопросу ответственности. Основными правовыми нормами в борьбе против монополий выступали статьи 913 и 1180 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 1885 года. Так, статья 913 закрепляла следующее положение: «за стачку, сделку или необоснованное повышение цен на продовольственные припасы. Например, другое соглашение торгующих к возвышению цен на предметы продовольствия, виновные подвергаются наказаниям и взысканиям, определенным в статье 1180 сего Уложения»

[3]. В свою очередь статья 1180 расширяла положения статьи 913, добавляя в качестве субъекта «промышленников», и предусматривала ответственность за следующее деяние: «За стачку торговцев или промышленников для возвышения цены не только предметов продовольствия, но и других необходимой потребности товаров, или для непомерного понижения сей цены, в намерении стеснить действия привозящих или доставляющих сии товары, а чрез то препятствовать и дальнейшему в большем количестве привозу оных» [4]. С. И. Ожегов определяет «Стачку», как: «тайный взаимный сговор, соглашение для достижения какой-н. общей цели» [5]. Исходя из вышеизложенных положений, можно сделать вывод, что уже на данном историческом этапе государство столкнулось с деструктивными последствиями монополистической деятельности и пыталось ограничить данное явление в экономике посредством установления ответственности. Несмотря на уголовное преследование за монополистические действия, количество синдиков, трестов и картелей росло. Необходимо отметить, что к борьбе с синдикатами на местах присоединились земские органы: «28 июня 1908 года, по инициативе Московского земства, состоялось совещание представителей губернских земских управ, на котором был выработан устав Союза по заготовке кровельного железа, и с декабря 1908 года начались закупки. В этих целях «союз земств» вступил на путь массовых объединенных закупок кровельного железа у заводов, не входящих в синдикат» [6]. Данное положение можно рассматривать с точки зрения развития рыночного механизма по ограничению монополистической деятельности. В условиях сложившейся обстановки: увеличения количества предприятий, объединяющихся в монополистические организации, усложнения рыночных отношений на товарных рынках - необходимость создания государством иных средств регулирования деятельности таких субъектов предпринимательства, помимо уголовной ответственности, стала очевидной. Как указывает Г. П. Сазонов: «Признавая, что действующие законы не заключают постановлений, регулирующих деятельность возникающих в настоящее время картелей, синдикатов и трестов, что при отсутствии таких законов исполнительная власть лишена средств препятствовать этим союзам превращаться в монополистические организации, вредные для общества и для государства, что поэтому является назревшей необходимостью в выработке правительством законодательных мер, нормирующих новые экономические явления» [7]. Позиция, изложенная Г. П. Сазоновым, носит безусловный характер, поскольку деятельность государства в то время была направлена только на борьбу с уже образовавшимися монополистическими организациями, что не позволяло эффективно противодействовать подобным объединениям. Отсутствие правовых норм, регулирующих деятельность предпринимателей и не допускающих создание картелей, трестов и синдикатов, послужило причиной быстрого увеличения количества доминирующих на рынке

объединений. Необходимо отметить, что не только государство и земства предпринимали попытки урегулирования деструктивной деятельности монополистических объединений, но и предприниматели, промышленники. Одним из внутри рыночных примеров борьбы является противостояние пароходному синдикату «Русское общество пароходства и торговли», которое занималось торговыми перевозками по Азовскому и Черному морям. Торговцы и промышленники обратились к нему с просьбой о снижении тарифов, произвольно повышенных синдикатом. В противном случае, например, самарские мукомолов заявили, что будут вынуждены, в целях борьбы с синдикатом, перевозку всей своей муки поручить пароходчикам, не вошедшим в синдикат [8]. Столкнувшись с негативными последствиями, начали разрабатываться и усовершенствоваться негосударственные методы демополизации рынка, однако их было недостаточно устранения образовавшихся синдикатов, трестов и картелей. Необходимо было привести законодательство в соответствие с фактическими рыночными условиями, однако в досоветской России реализовать комплекс таких мероприятий не удалось.

Вторым крупным историческим этапом развития антимонополистической деятельности является период начиная с 1990-х годов. Так в 1990 году был создан Государственный комитет РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур [9]. Чуть позже постановлением Совета министров РСФСР принято временное положение, регламентирующее деятельность данного комитета, устанавливая следующие задачи его деятельности: «создание наиболее благоприятных условий для развития всех видов предпринимательства в различных сферах экономики, в первую очередь в области производства товаров народного потребления, переработки сельхозпродуктов, сервиса, торговли, деятельности коммерческих банков, рекламы, информатики, научно-технического прогресса с целью усиления деловой активности в Республике» [10]. Создание данного комитета имеет фундаментальное значение в развитии института по борьбе с монополиями, поскольку он стал первым специализированным органом, в компетенцию которого вошло регулирование общественных отношений на товарных рынках. Основными предпосылками для создания Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур по мнению А. С. Орлова явилось проведение в последней четверти двадцатого века либеральных реформ [11]. Появление частной собственности предоставило возможность предпринимателям развивать собственные предприятия. Подобное развитие без установленных ограничений, как и в девятнадцатом - начале двадцатого века, способствовало бы монополизации рынка крупными предприятиями или объединением предпринимателей, что привело бы к негативным последствиям. Уже в 1991 году был принят Закон «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который

устанавливал: «...Организационные и правовые основы предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции и направлен на обеспечение условий для создания и эффективного функционирования товарных рынков». [12]. Данное положение выражает позицию законодателя относительно необходимости регулирования общественных отношений еще до их возникновения: деятельность органов акцентирована в том числе на недопущение образования монополистических организаций и союзов. В марте 1997 года Государственный комитет Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур преобразован в Государственный антимонопольный комитет Российской Федерации [13]. Однако просуществовал он недолго и 22 сентября 1998 года Указом Президента Российской Федерации были упразднены ряд комитетов и служб, занятых антимонопольным регулированием, на их месте образовано Министерство Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства [14]. Частое изменение органов антимонопольного регулирования связано не только с ускоренным развитием общественных отношений на товарных рынках, но и объективными причинами: выстраиванием правовой системы и системы органов государственной власти после распада Советского союза. Создание единого органа по регулированию антимонопольной деятельности является логическим следствием процесса достижения необходимого контроля над общественными отношениями на товарном рынке. Последним этапом становления отечественного института по ограничению монополистической стало упразднение Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства. Так Указ Президента РФ от 9 марта 2004 года закрепляет следующее положение: «Образовать... Федеральную антимонопольную службу, передав ей функции по контролю и надзору упраздняемого Министерства Российской Федерации по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства, за исключением функций в сфере защиты прав потребителей и поддержки малого бизнеса, и преобразуемой Федеральной энергетической комиссии Российской Федерации» [15]. Данное изменение носило организационный характер и произошло по объективным причинам: сформировавшаяся в последнем десятилетии двадцатого века система

органов требовала окончательной доработки с учетом познаний, полученных в ходе практической деятельности. Необходимо было скорректировать систему исполнительной власти, и антимонопольный орган не стал исключением. Далее в компетенцию данной службы только передавались некоторые полномочия по регулированию общественных отношений, регулирование которых требовалось с призмы антимонопольной координации. Так, например, указом Президента РФ № 373 от 21 июля 2015 года ФАС России переданы функции в сфере тарифного регулирования [16]. В 2006 году был принят Федеральный закон «о защите конкуренции», который определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, в том числе предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции [17]. С принятием данного нормативно-правового акта завершился процесс по формированию фундаментальных положений, регулирующих антимонопольную деятельность государственных органов. Развитие данного института носит комплексный характер, поэтому параллельно с развитием структуры антимонопольных органов широкое развитие также получило уголовное и административное право, которые закрепляют составы преступлений и правонарушений, совершаемых с целью нарушения равенства субъектов рыночных отношений.

Подводя итог, можно отметить, что история становления института по ограничению монополистической деятельности в России разделена на два этапа: имперский и постсоветский. Предпосылками развития антимонопольной деятельности является деструктивное влияние доминирующих субъектов на рынок и экономику, которое значительно увеличилось после промышленной революции. Первому этапу свойственен фрагментарный подход к решению проблемы: наличие ответственности, предусмотренной уголовным законодательством, а также единичными попытками урегулирования отношений с помощью внутри рыночных механизмов, при этом положения законодательства, которые комплексно регулировали данный вид отношений, отсутствовали. Начало второго этапа ознаменовалось проведением либеральных реформ в последней четверти двадцатого века и характеризуется комплексным, динамичным развитием института антимонопольного регулирования общественных отношений на товарных рынках, обусловленных закрепленными в конституции гарантиями.

Литература:

1. Муравьева Л. А. Экономическое развитие России во второй половине XIX — начале XX века // Журнал «Международный бухгалтерский учет». 2017. № 21. С. 1279.
2. История России: Учебник — 5-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина: Изд. Проспект, 2023, стр. 352.
3. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. — Пг., 1916. С. 192
4. Россия. Законы и постановления. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Первого составленный. Издание 1916 года / Россия. Законы и постановления. — Пг., 1916. С. 261–262

5. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: Азъ, 1994. — 907, [1] с.; 27 см.; ISBN 5-85632-007-7 (В пер.)
6. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. - Санкт-Петербург: Изд-во О. Н. Поповой, 1911. с. 84.
7. Сазонов Г. П. [Без названия] // Экономист России. Еженедельный журнал. № 7-8 4(17) апреля 1909 г. С.18
8. Сазонов Г. П. [Без названия] // Экономист России. Еженедельный журнал. № 12 2(15) мая 1909 г. С.15
9. Закон РСФСР «О республиканских министерствах и государственных комитетах РСФСР» (В редакции Закона РСФСР от 19.09.1990 № 172-1) // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102010240 (дата обращения 29.04.2024)
10. Постановление Совета Министров РСФСР от 10.09.1990 N 344 «Вопросы Государственного комитета РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур» (вместе с «Временным положением о Государственном комитете РСФСР по антимонопольной политике и поддержке новых экономических структур»)// http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=28&nd=102557407&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%EA%EED%E1%E2%E3%E8%FF++ (дата обращения 29.04.2024)
11. История России: Учебник — 5-е изд., перераб. и доп. / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева, Т. А. Сивохина: Изд. Проспект. 2023. С. 393.
12. Закон РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 22 марта 1991 года № 948-1 // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3IIOLg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102011007&page=1&rdk=0#I0
13. Указ Президента Российской Федерации от 17.03.1997 № 249 «О совершенствовании структуры федеральных органов исполнительной власти» // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&link_id=4&nd=102046202
14. Указ Президента РФ от 22 сентября 1998 г. № 1142 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102055568&rdk=0>.
15. Указ президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 11 от 15 марта 2004 г.
16. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2015 № 373 «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 30 от 27 июля 2015 г.
17. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание Законодательства Российской Федерации № 31 от 31 июля 2006 г.

Общие положения монополистической деятельности на товарных рынках, ее понятие и виды

Бангоян Давид Артемович, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье автор исследует общие положения о монополистической деятельности на товарных рынках историю и предпосылки развития института по ограничению монополистической деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: антимонополистическая монополистическая деятельность, история развития.

Действующее законодательство не дает определение понятию «монополия», однако в науке ее определяют как «экономическую категорию, характеризующую определённую структуру рынка с преобладанием на нем единичного продавца или покупателя, продающего (приобретающего) товар, на который не имеется близких заменителей» [1]. Исходя из данного определения, монополия является особым субъектом рыночных отношений, который занимает доминирующее положение среди товаров тех или иных видов. Многообразие форм монополий и характер рыночных отношений делает субъектов,

занимающих доминирующее положение, неотъемлемым явлением экономики. Необходимо отметить, что государство нередко само становится доминирующим субъектом на определённых рынках, например, ОАО «РЖД», АО «Почта России», акции которых полностью принадлежат исполнительному органу власти в лице Российской Федерации [2]. Понимая данное обстоятельство, основная функция государства заключается именно в ограничении монополистической деятельности субъектов, занимающих доминирующее положение. Понятие «монополистической деятельности» закреплено в законе и определяется как:

«злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением, соглашения или согласованные действия, запрещенные антимонопольным законодательством, а также иные действия (бездействие), признанные в соответствии с федеральными законами монополистической деятельностью» [3]. Ключевой особенностью данного понятия является негативная проекция описанной деятельности. Если сама «монополия» характеризуется как «экономическая категория», которая возможна при наличии определенных обстоятельств, то «монополистическая деятельность» термин, обозначающий меру ненадлежащего поведения, запрещенного законодательством. Основываясь на законодательстве, доктор юридических наук Е. П. Губин выделяет четыре вида монополистической деятельности: «... Злоупотребление хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением; антиконкурентные соглашения; антиконкурентные согласованные действия; антиконкурентная координация экономической деятельности» [4]. Рассмотрим каждый вид монополистической деятельности.

Злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением.

Доминирующее положение на рынке законодатель определяет как: «положение хозяйствующего субъекта (группы лиц) или нескольких хозяйствующих субъектов (групп лиц) на рынке определенного товара, дающее такому хозяйствующему субъекту (группе лиц) или таким хозяйствующим субъектам (группам лиц) возможность оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара на соответствующем товарном рынке, и (или) устранять с этого товарного рынка других хозяйствующих субъектов, и (или) затруднять доступ на этот товарный рынок другим хозяйствующим субъектам». Из данного термина можно выделить основные, общие признаки хозяйствующих субъектов, которые занимают доминирующее положение на рынке: во-первых, доминирующее положение возможно при соучастии хозяйствующих субъектов; во-вторых, деятельность субъекта или субъектов происходит на определённом товарном рынке; в-третьих, хозяйствующие субъекты на занимаемом рынке способны влиять на обращение товаров; в-четвертых, хозяйствующие субъекты способны ограничить доступ других предпринимателей, либо исключить других предпринимателей из занимаемого ими рынка. Как было отмечено ранее, само по себе занятие тем или иным хозяйствующим субъектом доминирующего положения может быть следствием объективных обстоятельств. Для определения доминирующего положения как монополистической деятельности необходим фактор «злоупотребления». Положения Гражданского Кодекса РФ указывают на пределы осуществления прав в рамках предпринимательских отношений: «Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке». Таким образом, Гражданский кодекс определяет злоупотребление доминирующим положением как злоупотребление

правом. Вместе с тем Е. П. Губин пишет: «Занятие субъектом предпринимательства доминирующего положения свидетельствует не о наличии особого права, а о существовании определенной экономической ситуации». Исходя из позиции автора, термин «злоупотребление доминирующим положением» шире и не может полностью охватываться термином «злоупотребление права». Данное положение нашло отражение в Федеральном законе «О защите конкуренции», который определяет понятие «злоупотребление доминирующим положением» как: «действия (бездействие) занимающего доминирующее положение хозяйствующего субъекта, результатом которых являются или могут являться недопущение, ограничение, устранение конкуренции и (или) ущемление интересов других лиц (хозяйствующих субъектов) в сфере предпринимательской деятельности либо неопределенного круга потребителей». В данном случае понятие толкуется шире и предполагает под «злоупотреблением» определенные действия (бездействия), которые могут быть связаны с злоупотреблением права, а могут быть связаны с совершением иных экономических действий.

Антиконкурентные соглашения. Понятие «соглашение» законодатель определяет, как договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме. В юридической литературе подобные соглашения делятся на два вида в зависимости от положения договаривающихся субъектов. Выделяются вертикальные соглашения и горизонтальные соглашения. Необходимо также отметить, что в обоих случаях целью соглашения является осуществление монополистической деятельности, поэтому не все соглашения между хозяйствующими субъектами являются антиконкурентными. Сущность горизонтальных соглашений состоит в том, что они достигаются между хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на одном рынке и изначально являющиеся конкурентами. Примерами подобных соглашений являются описанные ранее синдикаты, которые были распространены в досоветской России. Понятие вертикальных соглашений определено законодательно: «вертикальное соглашение — соглашение между хозяйствующими субъектами, один из которых приобретает товар, а другой предоставляет (продает) товар». Существенным отличием данного вида соглашения является то, что стороны не являются конкурентами, каждый из них осуществляет свою деятельность на различных рынках или занимает различные ниши в производстве и распределении.

Согласованные действия. Согласованными действиями хозяйствующих субъектов являются действия на товарном рынке при отсутствии соглашения, которые удовлетворяют совокупность следующих условий:

- 1) результат таких действий соответствует интересам каждого из указанных хозяйствующих субъектов;
- 2) действия заранее известны каждому из участвующих в них хозяйствующих субъектов в связи с публичным заявлением одного из них о совершении таких действий;

3) действия каждого из указанных хозяйствующих субъектов вызваны действиями иных хозяйствующих субъектов, участвующих в согласованных действиях, и не являются следствием обстоятельств, в равной мере влияющих на все хозяйствующие субъекты на соответствующем товарном рынке.

Исходя из законодательного толкования понятия согласованных действий, можно выделить основную отличительную от антиконкурентного соглашения черту: отсутствие предварительного соглашения между субъектами. То есть данные отношения возникают не в результате какого-либо консенсуса, а являются чередой прогнозируемых, конклюдентных действий хозяйствующих субъектов. В юридической литературе термин «согласованные действия», который применяется в рамках отношений, указанных в Федеральном законе «О защите конкуренции», Е. П. Губин считает неудачным и предлагает определять складывающиеся отношения как: «параллельное поведение хозяйствующих субъектов при отсутствии между ними соглашения, которое приводит к антиконкурентным последствиям». Позиция автора обоснована и достаточно точно описывает уже возникшие противоправные отношения хозяйствующих субъектов, однако для выявления подобных отношений термин «согласованные действия» с указанными критериями подходит наилучшим образом, поскольку определяет саму формулу взаимодействия.

Антиконкурентная координация экономической деятельности. Координация экономической деятельности определено как: «согласование действий хозяйствующих субъектов третьим лицом, не входящим в одну группу лиц ни с одним из таких хозяйствующих субъектов и не осуществляющим деятельности на товарном рынке, на котором осуществляется согласование действий хозяйствующих субъектов». Хотя данное определение и выражено через термин «согласование действий», но оно по своей природе не тождественно такому виду монополистической деятельности, как «согласованные действия», поскольку одной из сторон данных отношений является координатор, который не входит в одну группу лиц ни с одним из хозяйствующих субъектов и не осуществ-

ляет хозяйствующую деятельность на товарном рынке. Необходимо отметить, что Закон о защите конкуренции не приводит примерного перечня запрещенных видов антиконкурентной координации, однако практикой выделены следующие случаи: направление писем о необходимости информирования о получении заявок от других лиц на выставление коммерческого предложения; включение в типовый договор аренды нежилого помещения условия о страховании гражданской ответственности и имущества арендатора. Как и в случае с остальными видами монополистической деятельности, по своей природе данная деятельность в целом не является противоправной. Так, например, в соответствии с положениями ст. 123.8 Гражданского кодекса РФ целью создания ассоциаций (союзов) является координация предпринимательской деятельности, представление и защита общих имущественных интересов. Поэтому координация будет признаваться антиконкурентной, противоречащей антимонопольным нормам, только в том случае, если она приводит к последствиям, сходным с последствиями при совершении антиконкурентных соглашений.

Подводя итог, можно сказать, что понятия «монополистическая деятельность» и «монополия» не тождественны, имеют разную смысловую нагрузку. Монополия рассматривается как экономическое явление, а под монополистической деятельностью понимается злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением. Понимая, что невозможно полностью исключить монополистические образования из товарного рынка, политика государства направлена именно на ограничение монополистической деятельности. Для эффективной борьбы с данным видом деструктивной деятельности законодатель обобщил возможные модели противоправного поведения хозяйствующих субъектов и выделил из них несколько форм монополистической деятельности. Выделение форм имеет важное значение для ограничения монополистической, так как оно придает возникшим общественным отношениям юридическую квалификацию. В дальнейшем на основании определенной юридической квалификации будет избран тот или иной метод по ограничению противоправного общественного отношения.

Литература:

1. Государственная экономическая политика: учебник // Отв. ред. А. В. Сидорович. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. 1998. С.254
2. Структура капитала // Почта России. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9544>; <https://www.pochta.ru/company/capital-structure> (дата обращения 29.04.2024)
3. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 19.04.2024) // СЗ РФ. 2006. № 31(ч.1). Ст. 3434.
4. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник // отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно.- 3-е изд., перераб. и доп.- Москва: Норма: ИНФРА-М. 2020. С. 573
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. 11.03.2024) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301
6. Антиконкурентные соглашения и недобросовестная конкуренция: учебное пособие // отв. редактор: С. А. Пузыревский. М., 2016. С. 102

7. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.07.2011 г. № 8032/11 по делу А76–15244/2010–45–358.
8. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 20 октября 2010 г. № КА-А40/12768–10 по делу № А40–19296/10–84–47.

Актуальные проблемы, возникающие при составлении завещания в чрезвычайных обстоятельствах

Бессмертная Виталия Олеговна, студент магистратуры

Научный руководитель: Голикова Светлана Витальевна, кандидат юридических наук, доцент
Севастопольский государственный университет

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, возникающие при составлении завещания в чрезвычайных обстоятельствах. Проведен анализ правовых аспектов, связанных с требованиями к форме завещания, составленного в чрезвычайных обстоятельствах, рассмотрены вопросы, связанные с реализацией права на составление завещания в чрезвычайных обстоятельствах.

Ключевые слова: наследование, завещание, чрезвычайные обстоятельства.

Наследование, являясь институтом гражданского права, обеспечивает одну из важнейших функций — охранительную, поскольку указанный институт призван обеспечить защиту интересов как наследодателя, так и наследников. Право распоряжаться принадлежащим имуществом после смерти является одним из ключевых прав на охрану права частной собственности и заключается в возможности каждому иметь имущество, владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим имуществом, в том числе и после смерти.

Наследование заключается в переходе имущества от умершего лица, именуемого наследодателем, к иным лицам, именуемым наследниками по таким основаниям, как завещание, наследственный договор и закон.

Особое внимание стоит уделить наследованию по завещанию, поскольку в правоприменительной практике этот вопрос вызывает наибольший практический интерес.

Право по распоряжению имуществом после смерти выражает один из важнейших принципов наследственного права — принцип свободы завещания, который закреплен в статье 1119 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее — ГК РФ) и заключается в возможности завещателя распорядиться своим имуществом после смерти, а именно по своему усмотрению завещать принадлежащее имущество любым лицам, определить доли в наследстве, лишить наследства одного или нескольких наследников по закону, а также в случаях, предусмотренных гражданским законодательством, включить в завещание иные распоряжения.

Законодательство предъявляет требования к форме завещания, и по общему правилу завещание должно быть составлено в письменной форме, собственноручно подписано завещателем и удостоверено нотариусом. Удостоверение завещания иными лицами допускается в случаях, определенных гражданским законодательством. В случае нарушения положений гражданского законодательства,

в зависимости от оснований недействительности завещания, завещание является недействительным в силу признания его таковым судом (оспоримое завещание) или независимо от такого признания (ничтожное завещание). Несоблюдение условий о письменной форме завещания и его удостоверения влечет ничтожность независимо от признания его таковым судом.

Однако гражданское законодательство допускает составление завещания в простой письменной форме. Согласно статье 1129 ГК РФ [3] гражданин, который находится в положении, явно угрожающем его жизни, и в силу сложившихся чрезвычайных обстоятельств лишен возможности совершить завещание в соответствии с общими правилами, предъявляемыми к форме завещания, может изложить последнюю волю в отношении своего имущества в простой письменной форме в присутствии двух свидетелей и при условии собственноручного написания и подписания документа, из содержания которого следует, что он является завещанием. Также существенным признается тот факт, что завещание, совершенное в чрезвычайных обстоятельствах, утрачивает силу, если завещатель в течении одного месяца после прекращения указанных обстоятельств не совершит завещание по общим правилам, касающихся форм и порядка совершения завещания.

Одной из проблем составления завещания при чрезвычайных обстоятельствах является отсутствие законодательного закрепления дефиниции «чрезвычайные обстоятельства», что порождает множество научных дискуссий на предмет легального толкования указанной дефиниции. Как справедливо отмечает И. П. Кожокар: «Особое место занимают понятийные пробелы, которые возникают, если используемый для обозначения гражданско-правового понятия термин влечет различное толкование либо может означать разные понятия, либо является неюридическим профессионализмом, но при этом используется в акте ши-

рокого применения, либо применяется в особом, не общеизвестном смысле» [7, с. 189].

В теории является достаточно затруднительным сформулировать дефиницию «чрезвычайные обстоятельства», поскольку до конца учесть все существенные признаки, которые позволяли бы квалифицировать обстоятельства как чрезвычайные и отграничить их от иных проблематично. Вопросами чрезвычайных ситуаций в свое время занимались исследователи в разных областях, однако многие из предложенных в литературе определений понятия «чрезвычайная ситуация» построены без учета правил логик о соразмерности определения, изобилуют признаками, которые нельзя отнести к существенным, и при этом не содержат весь набор существенных признаков [8, с. 73].

В соответствии со ст.3 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 года № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [1] под обстоятельствами введения чрезвычайного положения понимаются те обстоятельства, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер, а именно обстоятельства, конфликты, сопровождающиеся насильственными действиями, создающие непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан, нормальной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации.

В соответствии с п.7 ч.1 ст.83 Трудового кодекса Российской Федерации [4] в качестве оснований прекращения трудового договора по независящим от воли сторон обстоятельствам относят наступление чрезвычайных обстоятельств, препятствующих продолжению трудовых отношений (военные действия, катастрофа, стихийное бедствие, крупная авария, эпидемия и другие чрезвычайные обстоятельства).

Согласно ч. 3 п. 1 ст. 887 ГК РФ [2] под чрезвычайными обстоятельствами при передаче вещи на хранение понимается пожар, стихийное бедствие, внезапная болезнь, угроза нападения и т. п.

Таким образом, анализируя приведенные выше правовые нормы, можно сделать вывод, что единообразное понимание дефиниции «чрезвычайные обстоятельства» у законодателя отсутствует, дефиниция раскрывается через перечисление обстоятельств, не зависящих от воли человека, либо обстоятельств, влекущих за собой общественную опасность.

Здесь же стоит отметить, что несмотря на то, что в п. 1 ст. 887 ГК РФ [2] внезапная болезнь рассматривается в качестве чрезвычайного обстоятельства при передаче вещи на хранение, как показывает судебная практика по делам о наследовании, ухудшение состояния здоровья, в качестве чрезвычайных обстоятельств не рассматривается, поскольку сам по себе факт плохого самочувствия и по-

следующей смерти не свидетельствует о чрезвычайных обстоятельствах.

То есть можно сделать вывод, что термин «чрезвычайные обстоятельства» влечет различное толкование в зависимости от сферы правового регулирования.

Наличие или отсутствие чрезвычайных обстоятельств на практике оценивается судом в каждом конкретном случае с учетом степени фактической опасности, влекущей угрозу жизни и здоровью человека, а также возможности приглашения лица, имеющего права на удостоверение завещания. Так, в мотивировочной части судебного решения Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Российской Федерации приходит к выводу, что для признания завещания совершенным в чрезвычайных обстоятельствах помимо соблюдения требований к форме завещания, необходимо установить совокупность следующих условий: положение гражданина должно быть исключительным и явно угрожать его жизни, а обстоятельства, повлекшие угрозу жизни должны быть непредвиденными и не позволяющими обратиться к нотариусу, характер обстоятельства должен быть внезапным и стремительным, в связи с чем завещание невозможно отложить. То есть разрешая дело, суд оценивает наличие или отсутствие чрезвычайных обстоятельств через его существенные признаки [10].

Конституционный суд Российской Федерации в определении об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кулаковской Юлии Александровны и Сазонова Игоря Алексеевича на нарушение их конституционных прав подпунктом 1 пункта 1, пунктами 2 и 3 статьи 1127, а также пунктами 1 и 3 статьи 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации от 9 июля 2024 года [9] разъяснил правовые механизмы применения завещания, составленного при чрезвычайных обстоятельствах. Ввиду того, что правовые последствия волеизъявления завещателя наступают после его смерти, законодательство предъявляет повышенные требования к форме завещания, в том числе из-за того, что завещатель вследствие повышенной угрозы его здоровью может находиться в уязвимом состоянии, именно поэтому настолько строго ограничен круг лиц, уполномоченных удостоверять завещания. Для квалификации завещания как составленного в чрезвычайных обстоятельствах суду необходимо установить комплекс юридически значимых обстоятельств: нахождение лица в положении, явно угрожающем его жизни, наличие чрезвычайных обстоятельств, препятствующих прибытию нотариуса или уполномоченных на удостоверение завещания лиц, факт собственноручного написания или подписания завещателем в отсутствии какого-либо влияния со стороны заинтересованных лиц в присутствии двух свидетелей документа, из содержания которого следует, что он представляет собой завещание.

Однако такая позиция порождает множество проблем, связанных с ничтожностью завещания. Явная угроза жизни человека может возникнуть в тех обстоятельствах, когда лицо объективно лишено возможности в собствен-

норучном написании завещания в письменной форме. Например, в качестве таких обстоятельств можно выделить заболевания, связанные с заболеванием опорно-двигательного аппарата, неграмотность, отсутствие в таких обстоятельствах предметов, необходимых для собственноручного написания завещания и другие.

Также еще одним существенным требованием к форме завещания составленного в чрезвычайных обстоятельствах является требование о присутствии двух свидетелей. Однако, как верно отмечает А. П. Горелик, требование о присутствии двух свидетелей дискуссионно и алогично [5, с. 76]. Действительно, если лицо находится в чрезвычайных обстоятельствах и изъявило желание составить завещание, а лиц, присутствовавших при составлении указанным гражданином завещания нет в живых, либо таких свидетелей попросту не было рядом в момент совершения завещания, то и подтвердить в суде факт совершения завещания в чрезвычайных обстоятельствах не будет представляться возможным.

Г. Н. Загорский справедливо замечает: «Вполне оправданным и обоснованным представляется использование при изложении последней воли современных технических

средств: видеокамеры, мобильного телефона с камерой и т. п., поскольку данные средства с высокой степенью достоверности отражают истинную волю завещателя и более устойчивы к повреждению информации, чем бумажный носитель [6].

В заключении необходимо отметить, что к решению выделенных проблем необходимо подойти комплексно, на практике существует множество препятствий, связанных с выражением воли в исключительных чрезвычайных обстоятельствах где невозможно выполнить императивное требование о присутствии двух свидетелей, соблюдении письменной формы завещания. Кроме того, все же необходимо решить вопрос, связанный с отсутствием легального толкования дефиниции «чрезвычайные обстоятельства», что порождает определенные проблемы в процессе правоприменения.

В основе разработки новых положений должен лежать современный способ фиксации последней воли завещателя, который обеспечил бы гарантию реализации права по распоряжению имуществом после смерти. В частности, одним из таких способов является использование технических средств при составлении завещания.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023 г.) // Собрание законодательства РФ. — 04.06.2001. — № 23. — ст. 2277.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — № 5. — ст. 410.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // Собрание законодательства РФ. — 03.12.2001. — № 49. — ст. 4552.
4. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1. — ст. 3.
5. Горелик А. П. Завещание в чрезвычайных обстоятельствах: условия совершения и проблемы реализации. / А. П. Горелик. // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — № 11. — С. 74–77. — Текст: непосредственный.
6. Загорский Г. Н. Форма завещания. / Г. Н. Загорский. // Вестник Московского университета МВД России. — 2009. — № 4. — С. 81–83. — Текст: непосредственный.
7. Кожокаръ И. П. Неполнота гражданско-правовой регламентации (пробел законодательства) как дефект. / И. П. Кожокаръ. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2018. — № 4 (44). — С. 186–193. — Текст: непосредственный.
8. Фролов А. И. Понятие чрезвычайной ситуации по российскому законодательству. / А. И. Фролов. // КриминалистЪ. — 2015. — № 1 (16). — С. 72–76. — Текст: непосредственный.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.07.2024 г. № 1757-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кулаковской Юлии Александровны и Сазонова Игоря Алексеевича на нарушение их конституционных прав подпунктом 1 пункта 1, пунктами 2 и 3 статьи 1127, а также пунктами 1 и 3 статьи 1129 Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=819270#I3tMvoUuQjOiyD4f1>.
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016 г. № 18-КГ16–101 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=475083#CjEMvoU4WvHckxCs>.

Определение размера и объема возмещения убытков юридических лиц: актуальные проблемы методического обеспечения и судебной практики

Величко Кирилл Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор

Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Возмещение убытков, как установлено статьей 15 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [2], является ключевым способом защиты нарушенных прав хозяйствующих субъектов. Совокупный размер материального ущерба представляет собой комплексную денежную оценку финансовых потерь, включающую реальный ущерб (фактические расходы на восстановление права, утрату или повреждение имущества) и упущенную выгоду (неполученные доходы при обычных условиях оборота). Несмотря на законодательное закрепление принципа полного возмещения (ст. 15, 393 ГК РФ), практическая реализация этого института сталкивается со значительными проблемами, особенно в части определения объема и размера компенсации [8].

Основной проблемой выступает недостаточная разработанность методической базы для исчисления убытков. Действующие нормативные акты, такие как устаревшая Временная методика Госарбитража СССР (1990 г.) [7], Разъяснение Президиума ФАС России № 11 (2017 г.) и Постановление Правительства РФ № 59 (2022 г.), регулируют лишь узкие сферы (антимонопольные нарушения, ухудшение качества земель) и не содержат детализированных, универсальных алгоритмов расчета, особенно в отношении упущенной выгоды. Они не учитывают современные экономические реалии и дискуссионные аспекты, что создает правовую неопределенность.

Доказывание размера убытков, особенно упущенной выгоды, представляет наибольшую сложность в судебной практике. Суды устанавливают высокую планку доказывания, требуя представления первичных документов (договоры, сметы, акты), подтверждающих как факт причинения вреда, его размер, так и причинно-следственную связь с действиями (бездействием) ответчика. Для реального ущерба доказательствами могут служить платежные документы (например, квитанции об оплате ремонта). Однако для обоснования упущенной выгоды истец обязан доказать реальную возможность получения доходов, которой исключительно воспрепятствовали действия ответчика. Так, в деле о заниженной арендной плате за здание медцентра ВС РФ [8] указал на необходимость установления объективной возможности сдачи объекта по рыночной цене с учетом отсутствия оборудования и разрешений, а не только факта неэквивалентности сделки. Акт сверки расчетов сам по себе не является достаточным доказательством наличия задолженности или размера убытков.

Судебная практика в отношении упущенной выгоды неоднородна. С одной стороны, суды часто отказывают

в ее взыскании из-за вероятностного характера неполученных доходов и отсутствия у истца доказательств конкретных подготовительных действий для извлечения дохода. Яркий пример — дело Colgate-Palmolive [12]: суды первой инстанции и апелляции отказали во взыскании упущенной выгоды (неполученного лицензионного вознаграждения) за незаконное использование фонограммы, указав на отсутствие доказательств подготовки к лицензированию и реальной возможности получения дохода именно от ответчика. С другой стороны, наблюдается тенденция к применению «абстрактного метода» расчета убытков (например, как разницы между договорной и рыночной стоимостью товара при нарушении поставки), а Суд по интеллектуальным правам в том же деле Colgate-Palmolive сформулировал важную позицию: для взыскания упущенной выгоды правообладатель не обязан доказывать активные действия по ее извлечению; достаточно подтверждения возможности получения дохода, если бы нарушитель обратился за лицензией. Это указывает на возможную либерализацию подхода в будущем.

Особые сложности возникают при взыскании убытков с контролирующих лиц (руководителей). Пленум ВАС РФ № 62 (2013 г.) установил необходимость документального обоснования прямой причинно-следственной связи между управленческим решением (бездействием) и возникшими у организации убытками. Суды формально избегают оценки экономической обоснованности решений органов управления, хотя без этого зачастую невозможно установить вину. Требуется сложный баланс: не допустить безответственности руководителя, но и не возлагать на него риски обычной предпринимательской деятельности. ВС РФ подчеркивает недопустимость переноса ответственности руководителя за причиненные убытки на акционеров [14].

Принцип полного возмещения означает восстановление имущественного положения потерпевшего, существовавшего до нарушения права. Размер компенсации зависит от оснований ответственности и конкретных обстоятельств. Гражданское законодательство допускает уменьшение размера возмещения при наличии смягчающих обстоятельств (например, учет имущественного положения гражданина-причинителя вреда), но не отменяет ответственности. При восстановлении права путем приобретения имущества или выполнения работ стоимость компенсации определяется независимо от фактических затрат кредитора на момент иска или решения суда.

Ключевой проблемой возмещения убытков юридических лиц в РФ остается отсутствие современных, универ-

сальных методик расчета, особенно в части упущенной выгоды. Действующие нормативные акты фрагментарны и устарели, что затрудняет единообразное применение закона и обоснование размера требований в суде.

Доказывание размера убытков, в особенности упущенной выгоды, представляет значительные трудности [15]. Суды требуют представления первичных документов и убедительного обоснования реальной возможности получения доходов. Абстрактные расчеты без подтверждающих доказательств обычно отвергаются, что ведет к существенному разрыву между заявленным и присужденным размером компенсации. Наметившаяся тенденция к использованию абстрактного метода и позиция Суда по интеллектуальным правам об упрощении доказывания возможности получения дохода дают осторожный повод для оптимизма.

Взыскание убытков с руководителей требует строгого доказывания причинной связи их решений с ущербом компании и соблюдения баланса между их ответственностью и предпринимательским риском. Отказ судов от оценки экономической обоснованности решений затрудняет процесс доказывания.

Перспективы совершенствования института возмещения убытков лежат в плоскости разработки и законодательного закрепления современных методик расчета всех компонентов убытков, унификации судебной практики (особенно по вопросу доказывания упущенной выгоды) на основе последних разъяснений высших судов и более четкой регламентации критериев ответственности контролирующих лиц. Принцип полного возмещения должен быть обеспечен эффективными механизмами его реализации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, в ред. от 04.10.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 16.04.2022) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 27.01.2022 № 59 «Об утверждении Положения о возмещении убытков при ухудшении качества земель, ограничении прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков, а также правообладателей расположенных на земельных участках объектов недвижимости и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Разъяснение Президиума Федеральной антимонопольной службы от 11.10.2017 № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Временная методика определения размера ущерба (убытков), причиненного нарушениями хозяйственных договоров (приложение к Письму Госарбитража СССР от 28.12.1990 № С-12/НА-225) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.09.2019 № 305-ЭС19-8975 по делу № А40-5992/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 30.09.2019 № 305-ЭС16-18600 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 10.02.2020 по делу № А40-170883/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.07.2020 № Ф05-11573/2019 по делу № А41-10013/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.12.2019 № Ф07-15009/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Ахьянов, Н.М., Ахьянов, Э. С. Институт возмещения убытков в гражданском праве России // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 3.
15. Батраева, А. Р. Возмещение убытков как общая мера гражданско-правовой ответственности // Синергия Наук. 2022. № 69.
16. Васькин В. В. Проблемы возмещения убытков как способа защиты гражданских прав // Аллея науки. 2021. № 1.
17. Копяков, А. А. Проблема возмещения чистых экономических убытков в российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1.

18. Лысоеваненко, Д. Ю. Особенности правового регулирования возмещения убытков договорных обязательствах // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 48.
19. Монастырский Ю. Э. Реформа гражданско-правовых обязательств в РФ и ее влияние на институт возмещения вреда (убытков) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 54.
20. Романова, И. Н. Институт возмещения убытков в контексте оценочных категорий // Материалы Афанасьевских чтений. 2022. № 3.

Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции

Веркнер Марина Викторовна, студент

Научный руководитель: Шорников Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью эффективного взаимодействия между государством и гражданским обществом в современных условиях. Важным аспектом этих отношений является разрешение споров между государственными органами и их должностными лицами с одной стороны и гражданами и общественными организациями с другой. В этом контексте судебное разбирательство исков, оспаривающих действия властей, становится ключевым элементом механизма разрешения конфликтов в публично-правовой сфере. Настоящая статья посвящена особенностям административного судопроизводства в судах общей юрисдикции Российской Федерации. В ней анализируются правовые основы, компетенция судов, процессуальные особенности и современные проблемы, возникающие в практике рассмотрения административных дел. Особое внимание уделяется реформе 2015 года, которая существенно повлияла на распределение судебных полномочий и порядок рассмотрения административных дел. На основе анализа законодательства и судебной практики выявляются основные вызовы и перспективы развития административного судопроизводства. В частности, рассматриваются вопросы внедрения цифровых технологий и повышения квалификации судей, что является важным шагом к улучшению правовой защиты граждан и эффективному контролю за деятельностью органов исполнительной власти. Работа направлена на углубленное понимание роли административного судопроизводства в обеспечении прав граждан и укреплении правового государства.

Ключевые слова: административное судопроизводство, суды общей юрисдикции, Кодекс административного судопроизводства, административные дела, судебный контроль, государственные органы, процессуальные особенности, судебная практика, административные споры, цифровизация судопроизводства, взаимодействие государства и гражданского общества.

1. Понятие и правовая природа административного судопроизводства

Административное судопроизводство — это порядок рассмотрения и разрешения судами дел, возникающих из административно-правовых отношений, в которых одной из сторон выступают органы государственной власти или должностные лица. В отличие от гражданского судопроизводства, где спор возникает между равноправными субъектами, административное судопроизводство всегда связано с публичной властью.

Согласно статье 1 КАС РФ, административное судопроизводство направлено на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, а также общества и государства от неправомерных действий или бездействия органов исполнительной власти. Это подчеркивает публично-правовой характер данных отношений.

В юридической литературе административное судопроизводство рассматривается как механизм реализации судебного контроля, который обеспечивает баланс между интересами государства и личности.

2. Исторический аспект и законодательная база

Истоки административной юстиции в России относятся к началу XX века. В это время выдающийся реформатор Петр Аркадьевич Столыпин выдвинул идею создания административно-судебной коллегии, которая должна была заниматься рассмотрением жалоб на решения должностных лиц и учреждений. На губернском уровне аналогичные функции должны были выполнять специальные административно-судебные органы. Однако по ряду причин, включая неподготовленность правящей элиты и общества к таким изменениям, идея Столыпина не была реализована, как и многие другие новаторские инициативы того времени.

После свержения царского режима в мае 1917 года Временное правительство утвердило Положение о судах по административным делам, которое позволяло гражданам обращаться с исками против действий властей, нарушающих их права. Тем не менее, из-за войны и революционных событий это решение также не нашло практического применения.

В советский период вопрос об административном судопроизводстве как способе разрешения споров между государством и гражданами фактически не поднимался. Граждане, недовольные решениями властей, либо оставались безмолвными, либо обращались в партийные структуры, которые были частью системы партийно-государственного управления и не обеспечивали реальной защиты прав граждан.

Административное судопроизводство в России претерпело значительные изменения в последние десятилетия. До 2015 года административные дела в основном рассматривались арбитражными судами и судами общей юрисдикции, что приводило к дублированию функций и затруднениям в практике.

В 2015 году был принят Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ), который унифицировал процессуальные нормы и определил четкую компетенцию судов. Важнейшим этапом стала реформа 2015 года, когда часть дел, ранее рассматриваемых арбитражными судами, была передана в суды общей юрисдикции. Это было закреплено Федеральным законом № 22-ФЗ от 8 марта 2015 года.

Таким образом, современная система административного судопроизводства строится на следующих нормативных актах:

- Конституция РФ (ст. 46 гарантирует право на судебную защиту);
- Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ);
- Федеральные законы, регулирующие отдельные сферы административных отношений;
- Гражданский процессуальный кодекс РФ (в части, не противоречащей КАС РФ).

3. Компетенция судов общей юрисдикции по административным делам

Суды общей юрисдикции рассматривают широкий круг административных дел. В частности, к их компетенции относятся:

- Оспаривание нормативных правовых актов органов исполнительной власти (например, постановлений министерств, региональных администраций);
- Оспаривание решений и действий (бездействия) должностных лиц и органов власти, нарушающих права граждан (например, отказ в выдаче лицензии, неправомерное привлечение к административной ответственности);
- Рассмотрение дел об административных правонарушениях, если это предусмотрено законом;
- Споры, связанные с государственными и муниципальными контрактами, трудовыми отношениями в государственных учреждениях.

Пример из судебной практики: В 2023 году районный суд г. Москвы рассмотрел дело оспаривания решения территориального органа Росреестра об отказе в регистрации права собственности на недвижимость. Суд установил, что отказ был неправомерным, так как орган не

учел все представленные документы, и отменил решение, обязав Росреестр провести регистрацию.

4. Процессуальные особенности и порядок рассмотрения административных дел

Одним из ключевых отличий административного судопроизводства является ускоренный порядок рассмотрения дел. Согласно статье 29 КАС РФ, административные дела должны быть рассмотрены в течение одного месяца с момента поступления в суд. Это обусловлено необходимостью оперативного разрешения споров, связанных с публичной властью.

Процессуальные особенности включают:

- Преимущественное устное разбирательство, хотя допускается использование письменных доказательств;
- Обязательное участие представителей органов власти, если они являются ответчиками;
- Возможность подачи жалоб и апелляций в сокращенные сроки (обычно 10 дней);
- Суд вправе приостанавливать производство по делу, если необходимо провести экспертизу или собрать дополнительные доказательства.

Пример: суд общей юрисдикции рассмотрел жалобу гражданина на бездействие налоговой инспекции. Суд установил факт нарушения сроков рассмотрения заявления налогоплательщика и обязал инспекцию принять решение в установленные сроки.

5. Практические проблемы и вызовы административного судопроизводства

Несмотря на законодательные новшества, административное судопроизводство сталкивается с рядом проблем:

- Перегруженность судов общей юрисдикции, что влияет на сроки рассмотрения дел, особенно в регионах;
- Недостаточная подготовленность судей к рассмотрению сложных административных споров, требующих специальных знаний;
- Ограниченный доступ граждан к правовой помощи и низкий уровень правовой грамотности населения;
- Отсутствие единой судебной практики, что затрудняет прогнозирование исхода дел.

В качестве примера можно привести ситуацию с рассмотрением дел оспаривания решений миграционных органов, где часто возникают разногласия по вопросам допустимости доказательств и компетенции судов.

6. Перспективы развития административного судопроизводства

Для повышения эффективности административного судопроизводства в судах общей юрисдикции необходимы следующие меры:

- Внедрение и развитие электронного судопроизводства, что позволит ускорить обмен документами и сократить бумажный документооборот;

— Повышение квалификации судей и расширение их знаний в области административного права;

— Разработка единых методических рекомендаций для судов, что поможет унифицировать подходы к рассмотрению дел;

— Активное информирование граждан о порядке защиты своих прав через суды, в том числе с помощью государственных порталов и общественных организаций.

Пример успешного внедрения электронного судопроизводства — Московский городской суд, где с 2023 года все административные дела рассматриваются с использованием специализированных цифровых платформ.

В заключении следует отметить, что административное судопроизводство в судах общей юрисдикции является важным элементом правовой системы Российской Федерации, направленным на защиту прав и свобод граждан в отношениях с государством.

Современное законодательство обеспечивает рамки для эффективного и справедливого рассмотрения административных дел, однако практика выявляет необходимость дальнейших улучшений. Внедрение цифровых технологий, повышение квалификации судей и расширение правовой информированности населения — ключевые направления развития, способствующие укреплению правового государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 08.03.2015 № 22-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О введении в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (КАС РФ).
4. Административное право [Электронный ресурс]: учебник / А. Б. Агапов, Э. П. Андрюхина [и др.]; ред.: Л. Л. Попов, М. С. Студеникина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. — 704 с.
5. Лебедев, В. М. Становление и развитие административного судопроизводства в Российской Федерации / В. М. Лебедев // Журнал российского права. — 2019. — № 6. — С. 12.

Пособничество в должностных преступлениях

Демченко Инна Ярославовна, студент магистратуры;
Воронина Ольга Валерьевна, студент магистратуры
Российский новый университет (г. Москва)

В настоящее время не только в России, но и во многих зарубежных странах пособничество в должностных преступлениях признается преступным деянием. Данное обстоятельство обусловлено высокой степенью общественной опасности такого поведения, а также его распространенностью. Важно понимать, что привлечение пособника при совершении должностных преступлений выступает в качестве одного из возможных способов избежать уголовного наказания.

Термин «пособничество» не раскрывается в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) [4]. Но при этом российский законодатель определяет понятие «пособник». В частности, его легальное определение сформулировано в ч. 5 ст. 33 УК РФ: «Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы». Исходя из этой уголовно-правовой нормы, мы можем заклю-

чить, что пособничество в должностном преступлении представляет собой содействие совершению должностного преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения должностного преступления либо устранением препятствий, а также обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения должностного преступления, следы должностного преступления либо предметы, добытые преступным путем, заранее данное обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Подходы зарубежных законодателей к конструированию оснований привлечения к уголовной ответственности за пособничество в должностных преступлениях не идентичны друг другу.

На сегодняшний день для большинства должностных преступлений пособничество признается одной из форм соучастия, а не самостоятельным преступлением. Исключение здесь составляют коррупционные должностные преступления. Так, в ст. 291.1. УК РФ российский законодатель предусмотрел уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве.

До появления вышеуказанной уголовно-правовой нормы в УК РФ многие ученые-юристы выражали по-

зицию о том, что посредничество в коррупционных должностных преступлениях выступает в качестве вида пособничества, поэтому нецелесообразно конструировать в УК РФ самостоятельный состав данного преступного деяния [3, с. 348]. При этом в отдельных ситуациях посредник может выполнять функции посредника или организатора. Следовательно, суд, привлекая виновное лицо к уголовной ответственности за посредничество в коррупционных должностных преступлениях, должно ссылаться на нормы из Особенной части УК РФ, устанавливающей составы коррупционных должностных преступлений, и нормы Общей части УК РФ, регламентирующей вопросы соучастия.

Ст. 291.1 была введена в УК РФ российским законодателем посредством принятия Федерального закона от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» [5]. Посредничество в коррупционных должностных преступлениях было определено как непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере.

Представляется, российский законодатель предложил довольно широкое толкование данной уголовно-правовой категории, поскольку были учтены два элемента: 1) физический, который касается поведения по содействию коррупционеру; 2) интеллектуальный, который состоит в подготовительных действиях по заключению соглашения с коррупционером.

Итак, анализ ст. 291.1. УК РФ позволяет сделать вывод о том, что посредничество в коррупционных должностных преступлениях национальный законодатель признает самостоятельной разновидностью пособничества.

Полагаем, что можно выделить как плюсы, так и минусы появления ст. 291.1. УК РФ. Во-первых, введение ст. 291.1. УК РФ упразднило практику применения уголовного закона по аналогии в коррупционных уголовных делах. Так, до 2011 года в преобладающем большинстве ситуаций посредник признавался пособником преступного деяния, установленного в ст. ст. 290 или 291 УК РФ. При этом такая квалификация не всегда согласовывалась с требованиями, сконструированными в ч. 5 ст. 33 УК РФ, раскрывающей закрытый список действий пособника. Так, законодательная дефиниция пособника в ч. 5 ст. 33 УК РФ не предусматривает физическое посредничество. Практические работники зачастую квалифицируют физическое посредничество как преступное деяние, опирая на принципы аналогии уголовного закона [2, с. 133].

Во-вторых, ст. 291.1. УК РФ помогла отойти от увязки квалификации поведения посредника с квалификацией исполнителя коррупционного преступления — взятко-

получателя или взяткодателя. До 2011 года такой подход к квалификации был неминуемым, так как, согласно ч. 5 ст. 34 УК РФ, если исполнитель не доводит преступное деяние до конца, то другие его соучастники привлекаются к уголовной ответственности за приготовление к преступному деянию либо покушение на него.

Иначе говоря, раньше посредника привлекали к уголовной ответственности за соучастие в приготовлении/покушении на коррупционное должностное преступление, в том числе тогда, когда посредничество по факту было завершено. Таким образом, до появления ст. 291.1. УК РФ момент юридического окончания данного преступного деяния был тождественен моменту окончания получения или дачи взятки [1, с. 82].

После того, как в УК РФ была введена ст. 291.1, подход поменялся: в настоящее время квалификация участия посредника в осуществлении коррупционного должностного преступления не зависит от квалификации поведения исполнителя коррупционного должностного преступления. Поэтому, если посредник довел до конца деяние, раскрытое в ст. 291.1. УК РФ, он привлекается к уголовной ответственности за оконченное преступное деяние. И на это никак не влияет то, привлечен ли к уголовной ответственности исполнитель коррупционного должностного преступления.

Соответственно, введение ст. 291.1 УК РФ в УК РФ усилило уголовную ответственность за посредничество в коррупционных должностных преступлениях, а также профилактику его совершения.

В-третьих, появление ст. 291.1. УК РФ сократило численность ошибок по квалификации поведения посредника при совершении коррупционного должностного преступления. Так, до 2011 года у практических работников возникали различные сложности при квалификации ими посредничества в коррупционных должностных преступлениях. Например, довольно часто трудности возникали с разрешением вопроса о том, соучастником какого именно коррупционного должностного преступления является посредник [6, с. 91].

Несмотря на все положительные моменты введения в УК РФ ст. 291.1, можно выделить определенные минусы. Во-первых, ст. 291.1. УК РФ устанавливает уголовную ответственность только за посредничество в совершении коррупционного должностного преступления в значительном размере. Таким образом, за аналогичное преступное деяние в незначительном размере виновное лицо к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 291.1 УК РФ не может быть привлечено. Поведение такого посредника будет квалифицироваться как соучастия в коррупционном должностном преступлении с учетом норм ст. 33 УК РФ. Полагаем, что такой законодательный подход является нелогичным и создает трудности у практических работников.

Во-вторых, довольно проблематичным представляется установление уголовной ответственности за обещание или предложение посредничества в осуществлении кор-

рупционных должностных преступлениях. Приготовление к осуществлению преступления всегда влекло уголовную ответственность не само по себе, а вместе с тем преступным деянием, для которого совершалось приготовление. При этом вменялось не преступление определенного вида, а вменялось конкретизированное по степени опасности преступление посредством указания не только статьи, но и конкретной части статьи, в которой содержатся приготавливаемые квалифицированные или особо квалифицированные составы.

Следует иметь в виду, что относительно приготовления к посредничеству в коррупционных должностных преступлениях не была соблюдена соотносимость тяжести уголовного наказания с тяжестью приготавливаемого преступного деяния. В частности, действующим уголовным законодательством предусмотрено более строгое уголовное наказание за приготовление к коррупционному должностному преступлению, чем за оконченное коррупционное должностное преступление: если лицо приготовилось к посредничеству в коррупционном должностном преступлении, то к нему могут применить уголовное наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, а если имеет место оконченное коррупционное должностное преступление, то максимальное уголовное наказание составляет лишение свободы на срок до 5 лет.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в преобладающем количестве должностных преступлений пособничество рассматривается в качестве одной из форм соучастия, а не самостоятельного преступления. Исключением здесь является ст. 291.1. УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за посредничество во взяточничестве. Введение данной нормы в УК РФ в 2011 году имеет определенные как плюсы, так и минусы. Положительными аспектами конструирования этого законоположения выступают: 1) упразднение практики применения уголовного закона по аналогии в коррупционных уголовных делах; 2) отказ от подхода, при котором посредник должен быть привлечен к уголовной ответственности за соучастие в приготовлении/покушении на коррупционное должностное преступление, в том числе тогда, когда посредничество по факту было завершено; 3) сокращение численности ошибок по квалификации поведения посредника при совершении коррупционного должностного преступления. Проблемными аспектами ст. 291.1. УК РФ являются: 1) неурегулированность вопроса о посредничестве в совершении коррупционного должностного преступления в незначительном размере; 2) несоблюдение соотносимости тяжести уголовного наказания с тяжестью приготавливаемого преступного деяния.

Литература:

1. Гейнце О. В. Новые подходы к оценке посредничества во взяточничестве // Российское правосудие. 2020. № 6. С. 81–85.
2. Герасимова Е. В., Хавдок А. М. Актуальные проблемы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Закон и право. 2022. № 5. С. 132–134.
3. Джинджолия Р. С., Жиров Р. М., Эфендиев Э. И. Посредничество во взяточничестве в системе коррупционных преступлений: проблемы законодательной регламентации // Финансовая экономика. 2018. № 9. С. 347–349.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ (ред. от 04.06.2014) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.
6. Хачиров А. И., Цориева Е. С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Вопросы гуманитарных наук. 2019. № 3 (102). С. 91–94.

Контроль деятельности нотариата как инструмент взаимодействия с публичной властью: теоретико-правовой анализ

Евтеев Данил Александрович, студент
Челябинский государственный университет

В статье исследуется система контроля деятельности нотариата в контексте его взаимодействия с публичной властью. Проведен комплексный анализ организационно-правовых форм контроля, включая судебный, ведомственный и общественный надзор. Особое внимание уделено исследованию дуалистической природы современного нотариата, сочетающего публично-правовые функции с элементами профессионального саморегулирования. На основе анализа россий-

ского законодательства выявлены тенденции развития контрольных механизмов в условиях цифровой трансформации. Сформулированы предложения по совершенствованию нормативной базы, направленные на оптимизацию баланса между независимостью нотариата и государственным регулированием.

Ключевые слова: нотариат, публичная власть, государственный контроль, судебный надзор, общественный контроль, цифровизация нотариата, юридические гарантии, профессиональное саморегулирование, дуалистическая природа нотариата, организационно-правовые формы контроля, превентивное правосудие, блокчейн в нотариате, электронный нотариат, рискориентированный надзор, корпоративная ответственность нотариусов, международные стандарты нотариата, легализация сделок, нотариальные злоупотребления, баланс автономии и контроля

Введение

Современный нотариат представляет собой уникальный правовой институт, занимающий особое место в системе публичной власти. Как отмечает В. В. Ярков, «нотариат выполняет функцию превентивного правосудия, обеспечивая стабильность гражданского оборота» [4, с. 15]. В условиях цифровой трансформации правовых отношений актуализируется вопрос о поиске оптимального баланса между независимостью нотариата и необходимостью эффективного государственного контроля.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ системы контроля деятельности нотариата как инструмента взаимодействия с публичной властью. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- исследование публично-правовой природы нотариата;
- анализ организационно-правовых форм контроля;
- выявление тенденций развития контрольных механизмов;
- разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Методологическую основу исследования составили:

- диалектический метод познания;
- формально-юридический анализ;
- сравнительно-правовой метод;
- статистические методы;
- методы социологического исследования.

Публично-правовая природа нотариата: теоретико-правовой анализ

Современная доктрина рассматривает нотариат как институт превентивного правосудия. Как справедливо отмечает Ю. Н. Власов, «нотариат выполняет важнейшую публично-правовую функцию по обеспечению законности

в гражданском обороте» [5, с. 82]. Это подтверждается анализом ст. 1 Основ законодательства РФ о нотариате, где сказано, что нотариат призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [1].

Особого внимания заслуживает вопрос профессионального саморегулирования в нотариальной деятельности. Как справедливо отмечает О. В. Романовская, «нотариальное самоуправление представляет собой уникальный симбиоз публичных функций и корпоративных начал, требующий четкого нормативного закрепления баланса интересов» [6, с. 115].

Особенностью современного нотариата является его дуалистическая природа, сочетающая:

1. Публично-правовые элементы:
 - осуществление функций от имени государства;
 - обеспечение законности сделок;
 - охрана прав участников гражданского оборота.
2. Частноправовые аспекты:
 - самофинансирование деятельности;
 - профессиональное самоуправление;
 - имущественная ответственность нотариусов.

Система контроля нотариальной деятельности: организационно-правовые формы

Проведенное исследование позволило выделить три уровня контроля деятельности нотариата (табл. 1).

Государственный контроль характеризуется:

- ведомственным надзором Минюста России;
- дисциплинарной ответственностью в соответствии с Кодексом профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации [3];
- лицензионным контролем.

Судебный контроль — это механизм проверки законности нотариальных действий (или бездействия) через

Таблица 1. Система контроля деятельности нотариата в Российской Федерации

Уровень контроля	Субъекты контроля	Формы контроля
Государственный	Минюст России, Федеральная нотариальная палата	Лицензирование, аттестация, проверки
Судебный	Суды общей юрисдикции, арбитражные суды	Оспаривание нотариальных действий
Общественный	Нотариальные палаты, профессиональное сообщество, граждане	Жалобы, рейтинги, общественный мониторинг

систему судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Данный контроль осуществляется в следующих случаях:

- при оспаривании нотариального действия (например, отказа в совершении сделки, удостоверении документа) (ст. 33 Основ законодательства РФ о нотариате) [1];
- **при признании нотариального акта недействительным** (например, документ оформлен с нарушениями);
- **при обжаловании бездействия нотариуса** (если он необоснованно отказал в совершении действия);
- **при коррупционных или незаконных действиях нотариуса** (например, удостоверения подложных документов).

При этом не стоит забывать, что нотариус тоже человек, а человек может совершить ошибку. В некоторых случаях при нахождении ошибки в готовом документе можно обратиться к нотариусу, у которого было совершено действие, и он может внести исправления.

Общественный контроль осуществляется через:

- деятельность нотариальных палат;
- институт жалоб граждан;
- систему рейтингов доверия.

Проверка организации работы нотариуса проводится один раз в четыре года. Первая проверка организации работы нотариуса, впервые приступившего к осуществлению нотариальной деятельности, должна быть проведена через год после наделения его полномочиями нотариуса [1].

Не стоит забывать, что у нотариуса бывают и внеплановые проверки. Они проводятся в случае поступления жалоб на деятельность нотариуса (в письменном или электронном виде) в нотариальную палату округа или в ФНП.

Перспективы развития контрольных механизмов в условиях цифровизации

Цифровая трансформация правовых отношений требует модернизации системы контроля нотариальной деятельности. Внедрение цифровых технологий поможет упростить монотонную работу при заполнении и выдаче документов, что, соответственно, увеличит пропускную способность и сократит время обработки документов.

Основные направления развития:

1. Внедрение блокчейн-технологий для:
 - ведения реестра нотариальных действий;
 - обеспечения неизменности нотариальных документов;
 - автоматизации контрольных процедур.

Начало усовершенствования было положено еще в 2014 году. Появление у нотариусов Единой информационной системы нотариусов уже помогло созданию электронных наследственных дел [7]. А также упростило взаимодействие между нотариусами разных округов.

2. Создание единой информационной системы контроля, включающей:

- базу данных проверок;
- электронный документооборот;

- автоматизированную систему анализа рисков.

3. Развитие системы электронного нотариата:

- с дистанционным совершением нотариальных действий (оно уже доступно для всех граждан, но еще не доработано);

- с электронной идентификацией участников;

- с цифровыми подписями для всех граждан, так как у нотариусов электронная подпись появилась еще в 2011 году. Эта информация разнится, так как нотариальных округов очень много, и палаты по-разному реагировали на изменения в привычной работе.

Заключение

Проведенное исследование системы контроля деятельности нотариата в Российской Федерации позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов и предложений по совершенствованию данного института.

Оптимизация контрольных механизмов

Анализ существующей системы контроля выявил необходимость:

- разграничения компетенций между Минюстом и нотариальными палатами для устранения дублирования функций;
- внедрения рискоориентированного подхода при проведении проверок;
- усиления процессуальных гарантий при привлечении нотариусов к ответственности.

Цифровая трансформация нотариата

Перспективными направлениями модернизации представляются:

- создание единого цифрового реестра нотариальных действий с использованием блокчейн-технологий;
- развитие системы электронного нотариуса с возможностью дистанционного совершения отдельных действий;
- внедрение искусственного интеллекта для автоматизированного контроля типовых сделок.

Повышение качества нотариальных услуг

Для решения этой задачи необходимо:

- усовершенствовать систему профессиональной подготовки нотариусов;
- ввести обязательное страхование профессиональной ответственности;
- разработать стандарты качества нотариальных услуг.

Международная гармонизация

Российскому нотариату требуется:

- адаптация лучших практик латинского нотариата;

- участие в международных нотариальных организациях;
- приведение стандартов в соответствие с международными.

Особого внимания заслуживает проблема баланса между **контролем и автономией** нотариата. Чрезмерная бюрократизация контрольных процедур может снизить эффективность работы нотариусов, в то время как недостаточный контроль создает риски злоупотреблений.

Перспективным направлением представляется развитие **умного регулирования**, сочетающего:

- автоматизированный контроль рутинных операций;
- углубленную проверку сложных и рискованных сделок;
- профессиональное саморегулирование через нотариальные палаты.

Особую актуальность приобретает **противодействие нотариальным злоупотреблениям** в сфере:

- регистрации сделок с недвижимостью;
- оформления наследственных прав;
- легализации сомнительных сделок.

Для решения этих задач необходимо:

1. Усилить межведомственное взаимодействие с Росреестром, ФНС и правоохранительными органами.
2. Ввести систему оценки коррупционных рисков.

Литература:

1. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 30.06.2025).
2. Федеральный закон от 29.12.2014 № 457-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 1 (часть I). — Ст. 10.
3. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) // Гарант.Ру. — URL: <https://base.garant.ru/71257562/> (дата обращения: 30.06.2025).
4. Нотариальное право: учебник для вузов / Уральский государственный юридический университет; ред. В. В. Ярков. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2017. — 576 с.
5. Власов, Ю. Н. Нотариат: курс лекций / Ю. Н. Власов, В. В. Калинин. — 2-е изд., перераб. — М.: Юрайт : Пропаганда Бизнес Медиа, 2002. — 352 с.
6. Романовская, О. В. Делегирование государственно-властных полномочий в системе публично-правового регулирования / О. В. Романовская // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2017. — Вып. 36. — С. 143–154. — DOI: 10.17072/1995-4190-2017-36-143-154.
7. Официальный сайт Федеральной нотариальной палаты РФ. — URL <https://notariat.ru/ru-ru/remote/> (дата обращения: 01.05.2025).

3. Разработать методику выявления подозрительных сделок.

В контексте **цифровой экономики** нотариат должен трансформироваться в институт цифрового доверия, обеспечивающий:

- юридическую безопасность электронных сделок;
- идентификацию участников цифровых правоотношений;
- фиксацию и хранение электронных доказательств.

В заключение отметим, что совершенствование системы контроля нотариальной деятельности должно осуществляться с учетом следующих принципов:

- сочетания государственного регулирования и профессиональной автономии;
- баланса традиционных и цифровых форм контроля;
- обеспечения открытости и прозрачности нотариальной деятельности;
- соответствия международным стандартам качества.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность нотариата как института превентивного правосудия, укрепить доверие граждан и бизнеса к нотариальным услугам, а также обеспечить надежную защиту прав участников гражданского оборота в условиях цифровой трансформации экономики.

Закрепление категории общественного блага в конституционном праве

Ермухаметов Александр Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье автор исследует вопрос закрепления категории общественного блага в конституционном праве. Особое внимание уделено значению закрепления общественного блага на конституционном уровне для стабильного функционирования общества и государства.

Ключевые слова: общественное благо, конституционное право, конституция, общество, государство, экономика, благополучие.

Взаимосвязь человека и общества, влияние социальной среды на его становление и развитие требуют наличия правовых механизмов, обеспечивающих защиту интересов всего общества. Конституционное право не существует в отрыве от реальной деятельности государства, направленной на справедливое распределение общественных ресурсов и нивелирование негативных явлений. Именно в основном законе государства отражены ключевые ценности, разделяемые различными группами населения и отдельными гражданами. Одностороннее понимание развития России, основанное исключительно на принципах индивидуализма и либерализма, приводит к упущению из виду фундаментальных социокультурных аспектов жизни общества. Такое упрощение ведет к диспропорциям в различных отраслях права, в результате чего рыночные принципы начинают доминировать в конституционных институтах, а социальные аспекты отходят на второй план.

Крайние проявления индивидуализма при осуществлении личных прав могут достигать критической точки, за которой возникает угроза стабильности государства. На практике такие риски проявляются в уклонении от налогов, массовом неучастии в выборах, угрозах экологической безопасности и других подобных действиях.

Отсутствие общепризнанных ценностных ориентиров порождает противоречия в правоприменительной практике. Особенно важным становится учет общественного блага в таких отраслях права, как налоговое, гражданское, пенсионное, трудовое и земельное. Четкое определение понятия «общее благо» будет способствовать развитию института проникающей ответственности в корпоративном праве, разрешению споров, касающихся доступности результатов интеллектуальной деятельности, и другим важным вопросам.

Угроза нарушения баланса между общественными и частными интересами побуждает высшие судебные органы вмешиваться в формирование иерархии конституционно-правовых ценностей. Все чаще Конституционный Суд Российской Федерации рассматривает дела, связанные с ограничением частных интересов в пользу общего блага, а наличие особых мнений судей подчеркивает необходимость достижения единого понимания юристами ключевых философско-правовых категорий [3].

Наиболее иллюстративные примеры интерпретации Конституционным Судом РФ философско-правового понятия «общее благо» можно увидеть в решениях, касающихся публично-правовых споров, таких как налогообложение, воинская служба, охрана окружающей среды и другие.

В ходе рассмотрения «первого дела нефтяной компании ЮКОС», в постановлении от 14.07.2005 Конституционный Суд подчеркнул необходимость урегулирования налоговых отношений посредством обеспечения равного исполнения обязательств всеми налогоплательщиками, исключая тем

самым возможности для нарушения прав и законных интересов третьих лиц. В данном решении акцент переносится с защиты индивидуальных прав собственности конкретного налогоплательщика на защиту материального благосостояния широкого круга лиц. При рассмотрении вопроса об исполнении конституционных обязанностей по уплате налогов, Суд указал на необходимость реализации «принципов справедливости, пропорциональности, соразмерности устанавливаемой ответственности определенным конституционно значимым целям (ч. 1 ст. 19, ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации)» [3].

Однако позиция, согласно которой общественное благо имеет приоритет над частными интересами в рассмотренных обстоятельствах, не получила единогласной поддержки, в том числе и среди судей Конституционного Суда. В Особом мнении А. Л. Кононова по данному акту отмечается, что прецедент, созданный Конституционным Судом, «искажает иерархию конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравнивание, равнозначность интересов отдельного человека и государства, что изначально ставит личность в зависимое и уязвимое положение, деформирует саму концепцию правового государства...». По мнению А. Л. Кононова, «Основной закон Российской Федерации закрепляет не баланс интересов, а приоритет гуманитарных ценностей». Обосновывая свою позицию ссылкой на закрепленный в Конституции приоритет прав и свобод личности (ст. 2), судья пишет об искажении конституционно-правовой аксиологии судом, допустившим «беспрецедентный сдвиг ценностей в сторону публичных, и прежде всего государственных, интересов в пользу репрессивного характера права» [3].

В последующем решении от 8 ноября 2005 года Конституционный Суд Российской Федерации, подтверждая неприемлемость смешения понятий публичных и государственных интересов, вместе с тем указал на неверность их противопоставления при рассмотрении налоговых споров. Если рассматривать соотношение публичных и государственных интересов сквозь призму нормологической пирамиды Ганса Кельзена, можно утверждать, что публичные интересы берут своё начало и значимость из категории «общество», а не «государство», подобно тому как федеральный закон получает свою юридическую силу от Конституции. В то же время, только государство уполномочено на создание законных институтов в области налогообложения, чьи доходы впоследствии используются для удовлетворения нужд всего общества [1].

Ключевыми задачами государства являются определение публичного интереса, обеспечение его реализации и создание системы гарантий. Адекватное осуществление и защита публичных интересов — это цель политической организации власти и причина её существования. Госу-

дарство, по сути, теряет свою легитимность, если перестаёт заботиться об общественном благе. Решения Конституционного Суда в данной области ориентированы на обеспечение широкого спектра конституционных ценностей, включая общее благо, поскольку конституционный правопорядок не может быть ограничен только экономическими аспектами [2].

Современная практика Конституционного Суда РФ свидетельствует о растущем внимании к категории «общее благо» при согласовании частных, корпоративных, общественных и государственных интересов. Признавая важность ст. 2 Конституции России, устанавливающей гуманистические ценности, судебные органы все чаще прибегают к систематическому (телеологическому) толкованию Основного закона, отказываясь от безусловного приоритета индивидуальных интересов.

Закрепление категории общественного блага в конституционном праве является важным этапом в развитии правового государства и свидетельствует о стремлении общества к обеспечению всеобщего благосостояния. Общественное благо, по своей сути, представляет собой некий ресурс или услугу, доступ к которой должен быть гарантирован всем членам общества, вне зависимости от их социального статуса, материального положения или иных факторов. К таким благам, как правило, относят чистый воздух, безопасную окружающую среду, охрану здоровья, образование, доступ к правосудию и другие социально значимые элементы, необходимые для нормального функционирования и развития личности и общества в целом.

Конституционное закрепление категории общественного блага подразумевает признание государством своей ответственности за его обеспечение и защиту. Это означает, что органы государственной власти обязаны принимать меры, направленные на создание условий, при которых каждый гражданин имел бы возможность в полной

мере пользоваться общественным благом. Такие меры могут включать в себя разработку и реализацию соответствующих программ, финансирование проектов, направленных на улучшение качества общественного блага, а также принятие нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере.

При этом, важно понимать, что обеспечение общественного блага не является исключительно обязанностью государства. В этом процессе должны принимать активное участие все члены общества, включая граждан, общественные организации и бизнес-структуры. Каждый из них может внести свой вклад в создание и поддержание общественного блага, будь то путем участия в экологических акциях, финансирования социальных проектов или просто путем соблюдения правил и норм, направленных на сохранение окружающей среды и поддержание общественного порядка.

Закрепление категории общественного блага в конституционном праве имеет не только юридическое, но и моральное значение. Оно свидетельствует о том, что общество признает приоритет общечеловеческих ценностей и стремится к созданию условий, при которых каждый человек мог бы реализовать свой потенциал и жить в достойных условиях. Это является важным шагом на пути к построению справедливого и гуманного общества, в котором интересы каждого человека уважаются и защищаются.

В заключение, следует отметить, что закрепление категории общественного блага в конституционном праве является сложным и многогранным процессом, требующим постоянного внимания и совершенствования. Необходимо постоянно анализировать эффективность принимаемых мер и корректировать их в соответствии с меняющимися потребностями общества. Только в этом случае можно обеспечить реальное и эффективное обеспечение общественного блага для всех членов общества.

Литература:

1. Аристов Е. В. Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-blaga-kontseptsiya-i-konstitutsionno-pravovaya-harakteristika?ysclid=mbpagvhce289307097> (дата обращения 08.06.2025)
2. Аристов Е. В. Понятие и концепция общественного блага. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kontseptsiya-obschestvennogo-blaga?ysclid=mbpaf314d8384467348> (дата обращения 08.06.2025)
3. Лихтер П. Л. «Правовая категория „общее благо“ в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации» // Lex Russica (Русский закон). — 2019. — № 4 (149). — С. 78–84.

Понятие и содержание общественного блага как правовой категории

Ермухаметов Александр Владимирович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье автор исследует понятие общественного блага в аспекте правового содержания категории. Рассмотрены основные подходы к определению общественного блага, содержанию общественного блага. Особое внимание уделено значению общественного блага для стабильного функционирования общества и государства.

Ключевые слова: общественное благо, конституционное право, конституция, общество, государство, экономика, благополучие.

Актуальность темы обусловлена тем, что в современном мире концепция общественного блага приобретает все большее значение в связи с глобальными вызовами и угрозами, такими как изменение климата, пандемии, экономические кризисы и социальное неравенство. Эффективное обеспечение общественного блага требует совместных усилий государства, бизнеса и гражданского общества, а также международного сотрудничества. Развитие правовых механизмов обеспечения общественного блага является важным условием для построения справедливого, устойчивого и процветающего общества.

Вопросы, связанные с анализом общественных благ, впервые были затронуты шведским экономистом Кнутом Викселлем в 1896 году, а позднее получили дальнейшее развитие в трудах его соотечественника, Эрика Роберта Линдаля, в 1919 году [1]. Значительный вклад в эту область внес и американский экономист Пол Энтони Самуэльсон [2], чьи работы углубили понимание социальной роли государства, особенно в контексте государства всеобщего благосостояния. Авторитет этих ученых в мировой экономической науке подчеркивает важность парадигмы социального государства и значимость концепции общественных благ в экономике. Присуждение Полу Энтони Самуэльсону Нобелевской премии по экономике в 1970 году, учитывая его многолетний интерес к «экономике благосостояния» [1], стало признанием высокой значимости этих вопросов для экономики, права и государственного устройства.

В октябре 2015 года Нобелевская премия по экономике была присуждена шотландскому экономисту Энгусу Дитону за его исследования в области потребления, бедности и благосостояния. Это событие вновь привлекло внимание к одной из ключевых проблем современности — социальной направленности государства, как основы для построения и функционирования современного правового демократического государства. Исследования Энгуса Дитона [2] сосредоточены вокруг научных концепций и конструктов, которые парадигмально интерпретируют и описывают вопросы и проблемы благополучия, бедности, социальной справедливости и экономического развития.

Приступая к изучению понятия общего блага, необходимо в первую очередь рассмотреть используемую терминологию.

В научной литературе для обозначения этого понятия применяются различные термины, такие как «общее благо» (common good), «публичное благо» или «общественное благо» (public good). Зачастую исследователи используют их как синонимы, либо как понятия с очень близким значением. Ученые отмечают, что «общее благо» также называют «публичным интересом» или «публичным благом» [2].

Некоторые исследователи используют понятие публичного блага в несколько более широком смысле, чем понятие общего блага, хотя разница не является принципиальной.

Идея общего блага берет свои корни в глубокой древности, а именно, более двух тысячелетий назад, и была впервые сформулирована в работах таких мыслителей, как Платон, Аристотель и Цицерон. Первое обсуждение понятия общего блага в контексте общественной и политической жизни можно обнаружить в платоновском «Государстве». Этот труд стал отправной точкой для многочисленных дебатов о содержании этого понятия, которые не утихают и по сей день. Некоторые исследователи трактуют труд Платона как утверждающий, что общее благо — это совокупность значимых истин и фундаментальных принципов. Этот подход несколько отличается от аристотелевской интерпретации, в которой общее благо охватывает такие аспекты, как добродетель, справедливость и материальное.

В католической традиции, известной своими давними усилиями по определению и продвижению общего или общественного блага, оно рассматривается как совокупность тех условий общественной жизни, которые создают возможности для самореализации как для социальных групп, так и для отдельных индивидов. Мануэль Веласкез, Клэр Андре, Томас Шэнкс и Майкл Дж. Мейер утверждают, что общественное благо, прежде всего, включает в себя социальные институты и системы, ориентированные на благосостояние всего населения, например, доступное здравоохранение и эффективную систему общественной безопасности. Эти системы напрямую влияют на уровень благосостояния членов общества [2].

В современном мире концепция и теория общего блага активно развиваются в экономической, политической и правовой сферах, приобретая все большее значение и актуальность.

Рассматривая общественное благо как конституционную категорию, нужно отметить, что общественное благо охватывает широкий спектр аспектов, от поддержания благоприятной окружающей среды (качество воздуха и воды, биоразнообразие, безопасность государства, социума и личности) и защиты культурных ценностей до предоставления базовых условий для жизни (доступ к образованию и медицине). Сюда же относится поддержание как материальной инфраструктуры (транспорт, связь и т. п.), так и нематериальных институтов и правил (финансовая система) [3].

Многие общественные блага, если их изучать в конституционном аспекте, фактически совпадают с правами и свободами человека, закрепленными в Конституции как Основном законе государства, например, равенство перед законом, право на работу, охрану здоровья, получение образования и доступ к информации. Помимо этого, к обще-

ственным благам относят эффективное государственное управление, мир и стабильность, развитие торговли и информационных технологий, а также реализацию принципа верховенства закона и искоренение коррупции [3].

Однако здесь же важно заметить, что концепция общественного блага не подразумевает обязательной защиты интересов каждого индивида. В отличие от этого, обеспечение прав человека является юридическим конституционным долгом государства, в то время как предоставление общественных благ — это скорее вопрос политики и возможностей [3].

Общественные блага также отражают нематериальные ценности, имеющие этическую и гуманитарную значимость, в частности, уважение прав человека [3].

В свою очередь, понятие общественного блага связано с категорией общественного благосостояния. Оценка общественного благосостояния как всеобщего достояния оказывает следующее воздействие на государственную политику, направленную на его обеспечение:

Во-первых, это формирует предпосылки для нового понимания социального противостояния и способствует закреплению демократического социального соглашения в качестве базиса для принятия управленческих решений.

Во-вторых, это стимулирует согласование и объединение экономических, социальных и экологических подходов (поскольку поступательное экономическое развитие и социальный прогресс невозможны при использовании исключительно узконаправленных действий и решений).

В-третьих, это дает возможность разработать комплекс индикаторов для оценки «социального здоровья» страны.

Вышерассмотренные концепции убеждают в том, что содержание общественного блага включает в себя широкий спектр элементов, таких как:

— Обеспечение безопасности жизни, здоровья, имущества и прав граждан, защита от преступных посягательств и поддержание общественного порядка.

— Реализация доступности и качества медицинской помощи для всех членов общества, профилактика заболеваний и охрана здоровья населения.

— Обеспечение всеобщего доступа к образованию, повышение уровня грамотности и квалификации населения, развитие науки и культуры.

— Охрана окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности и сохранение биоразнообразия.

— Развитие транспортной, энергетической, коммуникационной и социальной инфраструктуры, обеспечивающей нормальную жизнедеятельность общества.

— Сохранение и развитие культурного наследия, поддержка искусства и творчества, обеспечение доступа к культурным ценностям.

— Социальная защита и поддержка нуждающимся категориям населения, борьба с бедностью и социальным неравенством.

В целом, общественное благо как правовая категория представляет собой сложное и многогранное понятие, не имеющее однозначного и общепринятого определения. В широком смысле, общественное благо можно понимать как совокупность материальных и нематериальных благ, доступных для использования всем членам общества и приносящих пользу обществу в целом. Однако, для целей правового регулирования, необходимо более четкое и конкретное определение, позволяющее отграничить общественное благо от частных интересов и определить механизмы его обеспечения.

С правовой точки зрения, общественное благо выступает как ценность, охраняемая и защищаемая государством посредством правовых норм. Оно является одним из основополагающих принципов организации и функционирования современного общества, поскольку направлено на обеспечение всеобщего благосостояния, социальной справедливости и устойчивого развития.

Литература:

1. Аристов Е. В. Общественные блага: концепция и конституционно-правовая характеристика. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-bлага-kontseptsiya-i-konstitutsionno-pravovaya-harakteristika?ysclid=mbpagvhce289307097> (дата обращения 08.06.2025)
2. Аристов Е. В. Понятие и концепция общественного блага. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-kontseptsiya-obschestvennogo-bлага?ysclid=mbpaf314d8384467348> (дата обращения 08.06.2025)
3. Чашин А. Н. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / А. Н. Чашин. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 261 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–18721–2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/565746> (дата обращения: 09.06.2025).

Основные подходы к пониманию юридической природы статуса главы муниципального образования

Жмакин Иван Андреевич, студент магистратуры

Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Глава муниципального образования занимает ключевое положение в системе местного самоуправления Российской Федерации. В рамках работы проанализировано определение главы муниципального образования, его полномочия, замещение этой должности и законодательные нормы, относящиеся к ней. В рамках работы предлагается конкретизировать понятие «глава муниципального образования город Брянск».

Ключевые слова: местное самоуправление, глава муниципального образования, муниципалитет, статус главы муниципального образования.

Main approaches to understanding the legal nature of the status of the head of municipal entities

The head of a municipality has a key position when considering the issue of local self-government of the Russian Federation. Within the framework of the work, the definition, powers, position replacement and legislative norms related directly to the head of the municipality are analyzed. As part of the work, it is proposed to specify the concept of «The head of the municipal formation of the city of Bryansk».

Keywords: local government, head of a municipality, municipality, the status of the head of a municipality.

Тема местного самоуправления широко освещается в законодательстве и научной литературе нашей страны. Ежегодно публикуются научные статьи, актуализирующие вопросы статуса, полномочий и ответственности должностных лиц местного самоуправления.

Термин «глава муниципального образования» был введен в 1995 году и отражен в Федеральном законе от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». По мнению С. К. Кочарьяна, «Федеральный закон содержал в себе только самые общие положения, связанные с определением правового статуса главы муниципального образования, поскольку изначально данная должность рассматривалась как возможная, а не обязательная в структуре органов местного самоуправления и могла быть отражена в Уставе муниципального образования наряду с иными должностями муниципальной службы» [1].

Институт главы муниципального образования появился как новый орган местного самоуправления, который объединил в себе исполнительную власть на муниципальном уровне. Главные обязанности главы муниципального образования — управление муниципальным образованием, руководство работой администрации, реализация муниципальной политики. Исторически эта должность появилась в России после того, как президентом страны стал Б. Н. Ельцин. В связи с провозглашением политики демократизации страны и разделением властных функций на федеральном уровне возникла идея проведения реформы местного самоуправления. В 1990-х годах были приняты важные законодательные акты, реорганизовывающие местное самоуправление.

Конституционные поправки 2020 года; изменения, внесенные в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в 2024 году; принятие Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», а также общие тенденции становления системы публичной власти Российской Федерации свидетельствуют, что роль местного самоуправления возрастает. На постоянной основе внедряются показатели эффективности органов местного самоуправления и его высших должностных лиц. В этой связи роль главы муниципального образования обретает совершенно иное значение, что актуализирует необходимость более предметного анализа юридической природы института главы муниципального образования.

В местной власти особое положение занимает глава муниципального образования, под которым, согласно статье 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», принято понимать «высшее должностное лицо муниципального образования, наделенное уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения» [2].

Полномочия главы муниципального образования распространяются на следующие сферы:

- вопросы жилищно-хозяйственной деятельности в муниципалитете;
- вопросы социально-экономической деятельности в муниципалитете;

— вопросы культурной деятельности в муниципалитете;
— вопросы общественного порядка в муниципалитете и иные.

Также можно выделить следующие группы полномочий:

— организационно-координационные, например координация органов и отдельных должностных лиц городского округа город Брянск;
— контрольные, например контроль выполнения нормативных правовых актов, принятых представительным органом муниципалитета. В Брянске таким органом является Брянский городской Совет народных депутатов;
— правотворческие, например издание и подписание нормативных правовых актов;

— представительские, например представление города Брянска во взаимоотношениях с органами местного самоуправления других муниципальных образований (пункт 1 части 1 статьи 26 Устава городского округа город Брянск).

Более подробно полномочия изложены в статье 26 указанного Устава [3]. Исходя из перечисленных полномочий, именно глава муниципального образования уполномочен решать ряд вопросов муниципалитета, которые по-настоящему актуальны для граждан конкретного муниципального образования.

Вопрос замещения должности главы муниципального образования также освещался в отечественной научной литературе. Глава муниципалитета может занять эту должность одним из способов:

— в результате победы на выборах;
— на конкурсной основе из состава представительного органа;
— выделением из состава представительного органа.

Для муниципального образования город Брянск актуален вариант, указанный в Уставе городского округа город Брянск, а именно: «Глава города Брянска избирается городским Советом народных депутатов из своего состава и исполняет полномочия председателя городского Совета народных депутатов».

Подводя итог, отметим, что подходы к определению понятия главы муниципального образования могут различаться в зависимости от порядка замещения должности, полномочий, установленных уставом муниципального образования, а также иных факторов, предусмотренных уставом. Для Брянска это определение таково: «Глава города Брянска является высшим должностным лицом муниципального образования и наделяется Уставом города Брянска собственными полномочиями по решению вопросов местного значения» (установлено статьей 25 Устава городского округа город Брянск).

Литература:

1. Кочарьян С. К. Правовой статус главы муниципального образования в Российской Федерации / С. К. Кочарьян, Н. В. Павлов // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104–9. С. 38–41.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.
3. Устав городского округа город Брянск от 30.11.2005 № 213-п (принят Брянским городским Советом народных депутатов Брянской области) // «Брянск», № 23, 07.12.2005.

Практика применения мер административной ответственности за экологические правонарушения

Зелов Даниил Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Иванец Галина Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Изучение вопросов, связанных с применением мер административной ответственности в отношении правонарушений, связанных с экологией, становится особенно важным в условиях современных масштабных негативных воздействий человеческой деятельности на окружающую среду. Практика применения законодательства в этой области показывает, насколько эффективно реализуются экологические нормы и правила, а также помогает выявить существующие проблемы и определить возможные направления для улучшения правовых инструментов, направленных на охрану природы. Анализ су-

дебных решений и практики за последние годы позволяет провести всестороннее исследование особенностей и тенденций в реализации административной ответственности за экологические правонарушения в Российской Федерации. Такой анализ помогает понять, насколько успешно реализуются меры по защите окружающей среды и какие изменения могут повысить их эффективность.

Следует подчеркнуть, что раздел 8 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, который называется «Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользо-

вания», включает в себя большое количество различных составов правонарушений. Это указывает на широкий спектр потенциальных негативных воздействий на окружающую среду, которые подлежат административно-правовому контролю и регулированию. Такой разнообразный перечень правонарушений свидетельствует о том, что охрана окружающей среды требует многообразных мер и правил для предотвращения и пресечения различных видов экологического вреда. В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что применение

норм указанной главы на практике сопряжено с определенными трудностями, обусловленными как несовершенством законодательных формулировок, так и спецификой установления фактов экологических правонарушений [1].

Анализ актуальной судебной практики позволяет выделить наиболее распространенные категории экологических правонарушений, по которым возникают споры в правоприменительной практике. Процентное соотношение категорий правонарушений проиллюстрировано на рис 1.

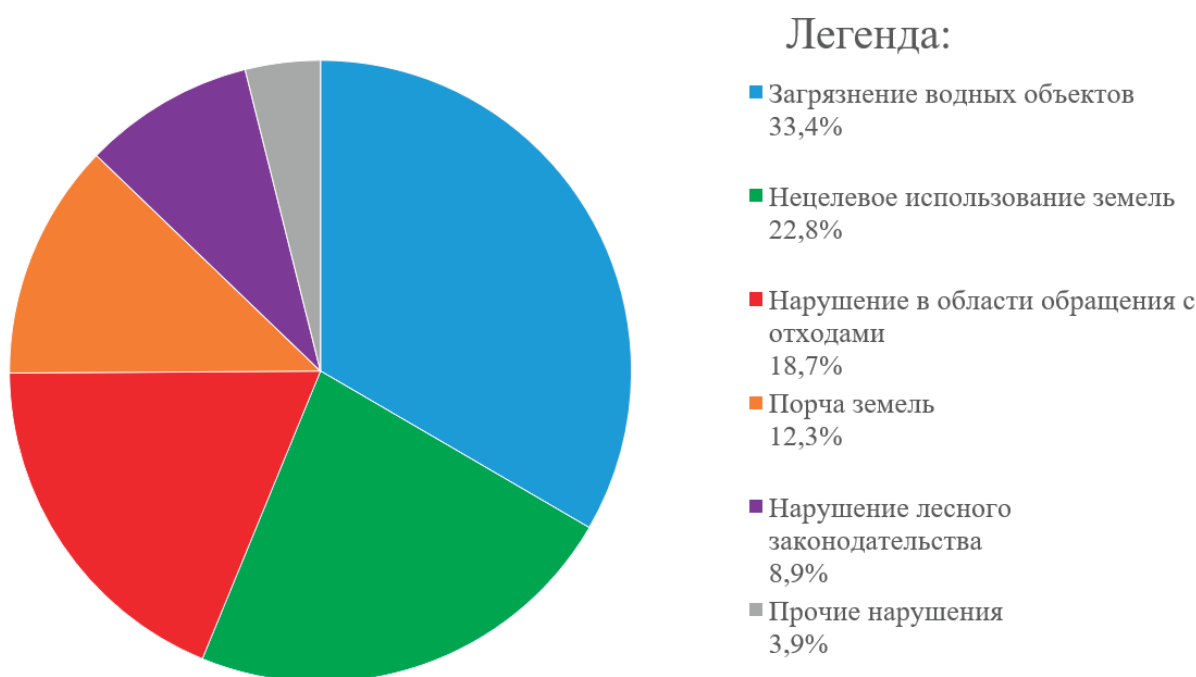

Рис. 1. Структура экологических правонарушений по видам

К ним относятся:

- 1) правонарушения, связанные с загрязнением водных объектов (ст. 8.13, 8.14 КоАП РФ);
- 2) правонарушения, связанные с нецелевым использованием земельных участков (ст. 8.8 КоАП РФ);
- 3) правонарушения в области обращения с отходами производства и потребления (ст. 8.2 КоАП РФ);
- 4) правонарушения, связанные с порчей земель (ст. 8.6 КоАП РФ);
- 5) правонарушения, связанные с нарушением Лесного законодательства (ст. 8.32, 8.27, 8.28 КоАП РФ);

Рассмотрим особенности правоприменительной практики по каждой из основных указанных категорий правонарушений.

1. Загрязнение водных объектов

Загрязнение водных объектов (ст. 8.13–8.14 КоАП РФ) — одно из самых распространённых экологических правонарушений. Водный кодекс РФ прямо запрещает сброс сточных вод с превышением нормативов. Как показывает практика, чаще всего нарушители допускают пре-

вышение предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ.

Важно отметить, что привлечение к административной ответственности за данный вид правонарушений часто сопровождается требованиями о возмещении вреда, причиненного водному объекту. Так, в деле № А56–1944/2024, рассмотренном Арбитражным судом Северо-Западного округа, ответчик был привлечен к административной ответственности по части 4 статьи 8.13 КоАП РФ, а также удовлетворено требование о возмещении вреда, причиненного акватории залива в результате разгерметизации грузового шланга при погрузке нефтепродуктов [2].

При рассмотрении споров, связанных с загрязнением водных объектов, суды уделяют особое внимание доказательственной базе. Для привлечения к административной ответственности необходимо наличие актов отбора проб воды, протоколов лабораторных исследований, подтверждающих превышение предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ. В деле № А41–38524/2024 суд указал, что факт причинения вреда был установлен

«по результатам проведенных выездных обследований», в ходе которых был зафиксирован «сброс сточных вод, содержащих загрязняющие вещества, фактическая концентрация которых превышает допустимые нормативы» [3].

Ключевое значение имеет доказательство причинной связи между действиями нарушителя и фактом загрязнения. Суды обычно отклоняют доводы о возможном смешении стоков, если это не подтверждено доказательствами.

Сложившаяся практика показывает действенность механизмов привлечения к ответственности за загрязнение водных объектов. Однако требуются усовершенствования в методиках отбора проб и лабораторных анализах для минимизации спорных ситуаций.

2. Нецелевое использование земельных участков

Другой распространенной категорией экологических правонарушений является нецелевое использование земельных участков, ответственность за которое предусмотрена частью 1 статьи 8.8 КоАП РФ. Земельный кодекс РФ закрепляет категорирование земель и обязанность их использования строго по целевому назначению.

Чаще всего нарушения проявляются в размещении магазинов на участках Индивидуального жилищного строительства и организации автостоянок или свалок на землях сельхозназначения.

Особенностью рассмотрения данной категории дел является то, что суды часто отказывают в удовлетворении требований об обязанности использовать земельные участки по целевому назначению, указывая, что нецелевое использование земельного участка является основанием для привлечения лица к публичной ответственности на основании части 1 статьи 8.8 КоАП РФ, тогда как гражданско-правовые способы защиты в такой ситуации отсутствуют. Данная позиция отражена в решениях по делу № А41–107276/2023 [4].

Вместе с тем, суды подчеркивают, что для удовлетворения требований о запрете использовать земельный участок не по целевому назначению необходимо доказать, что такое использование «создает или может создать угрозу жизни или здоровью человека, для окружающей среды, объектов культурного наследия». В отсутствие таких доказательств суды признают достаточной мерой привлечение к административной ответственности.

Интересно отметить дело № А34–4054/2024, в котором уполномоченный орган обратился с требованием об изъятии земельных участков сельскохозяйственного назначения в связи с их неиспользованием по целевому назначению. Арбитражный суд Уральского округа, направляя дело на новое рассмотрение, указал на необходимость оценки зафиксированных в ходе федерального контроля признаков неиспользования участков на предмет соответствия установленным законодательством критериям [5].

Анализ судебной практики по делам о нецелевом использовании земельных участков свидетельствует о наличии определенного дисбаланса между публично-

правовыми и частноправовыми способами защиты. Представляется, что для повышения эффективности правового регулирования в данной сфере необходимо законодательное закрепление гражданско-правовых способов защиты, применимых в случаях нецелевого использования земельных участков, создающего угрозу причинения вреда окружающей среде.

3. Нарушения в области обращения с отходами

Статья 8.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушения при обращении с отходами производства и потребления. Наиболее часто привлекают по части 1 за несоблюдение требований при сборе, транспортировке, обработке или утилизации отходов.

Особенность таких дел — необходимость доказывания нарушения экологических требований, установленных: Федеральным законом от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»; Подзаконными нормативными актами.

В деле № 72–307/2025 Свердловский областной суд оставил в силе постановление о привлечении общества к административной ответственности по части 1 статьи 8.2 КоАП РФ, отклонив доводы заявителя о недоказанности состава административного правонарушения [6].

Интересным аспектом правоприменительной практики является рассмотрение дел о нарушении порядка представления отчетности о выполнении нормативов утилизации отходов или деклараций о количестве товаров, упаковки, подлежащих утилизации, ответственность за которое предусмотрена статьей 8.5.1 КоАП РФ. В деле № 72–618/2025 Свердловский областной суд отказал в удовлетворении требования об отмене постановления о привлечении к ответственности по части 2 статьи 8.5.1 КоАП РФ [7].

Анализ судебной практики по делам о нарушениях в области обращения с отходами свидетельствует о необходимости совершенствования системы государственного регулирования в данной сфере. Представляется целесообразным усиление административной ответственности за наиболее опасные виды нарушений, связанные с обращением с отходами I и II классов опасности, а также развитие механизмов экономического стимулирования деятельности по переработке отходов.

4. Порча земель

Статья 8.6 КоАП РФ устанавливает ответственность за самовольное снятие/перемещение плодородного слоя (ч.1); уничтожение плодородного слоя или порчу земель из-за нарушений при работе с опасными веществами и отходами (ч.2).

Анализ судебной практики показывает, что наиболее распространенным видом правонарушения, предусмотренного данной статьей, является загрязнение земель нефтепродуктами. Так, в деле № А70–2797/2023 общество было привлечено к административной ответственности по части 2 статьи 8.6 КоАП РФ за порчу земли вблизи кустовой площадки месторождения, выразившуюся в загрязнении земельного участка как раз нефтепродуктами [8].

Другим распространенным видом порчи земель является сброс сточных вод на рельеф местности. В деле № А68–10010/2023 общество осуществляло сброс сточных вод на рельеф местности в отсутствие очистных сооружений, что привело к причинению вреда почве как объекту охраны окружающей среды. По данному факту было возбуждено дело об административном правонарушении, предусмотренном частью 2 статьи 8.6 КоАП РФ [9].

Особенностью данной категории дел является то, что привлечение к административной ответственности за порчу земель часто сопровождается требованиями о возмещении вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды. Методика расчета такого вреда утверждена Приказом Минприроды России от 08.07.2010 № 238 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды».

Практика привлечения к ответственности за порчу земель выявила системные проблемы в охране почв. Многочисленные иски о возмещении вреда подтверждают неэффективность профилактики и необходимость усиления контроля за соблюдением земельного законодательства. Особенно актуальны вопросы рекультивации и восстановления плодородия почв.

5. Нарушение лесного законодательства

Разберем эту категорию на примере одной из статей. **Статья 8.32 КоАП РФ** устанавливает ответственность за нарушения правил пожарной безопасности в лесах, включая: простые нарушения (ч. 1), серьезнее, например выжигание хвороста, подстилки, сухой травы (ч. 2), вплоть до действий, повлекшие лесной пожар (ч. 3)

В качестве иллюстрации правоприменительной практики можно привести дело № 7–579/2025, рассмотренное Санкт-Петербургским городским судом. В данном случае

суд отклонил ходатайство об отмене постановления о привлечении юридического лица к ответственности по ч. 3 ст. 8.32 КоАП РФ, связанной с нарушением требований пожарной безопасности в лесных массивах. Примечательно, что размер наложенного штрафа составил 850 тысяч рублей, что наглядно демонстрирует существенную строгость мер ответственности за подобные экологические правонарушения.

Следует подчеркнуть, что основания для привлечения к ответственности по ст. 8.32 КоАП РФ установлены Постановлением Правительства РФ от 7 октября 2020 года № 1614, которым утверждены соответствующие Правила пожарной безопасности в лесах. Нарушение положений данного нормативного акта автоматически влечет за собой возможность применения административных санкций.

Подытожим, что совершенствование экологической ответственности требует:

1. усиления профилактической роли санкций;
2. внедрения стимулов для экологически ответственных субъектов;
3. обеспечения неотвратимости наказания.

Особое значение при этом имеет вопрос межведомственного взаимодействия при выявлении и пресечении экологических правонарушений. Эффективное сотрудничество различных государственных органов и служб позволит более оперативно и полно реагировать на нарушения экологического законодательства. Также важным аспектом является развитие информационных технологий в сфере экологического надзора, что позволит повысить точность, оперативность и прозрачность контроля за соблюдением экологических требований, а также упростит сбор и обработку данных, необходимых для выявления правонарушений и принятия мер по их пресечению.

Литература:

1. Ивакин, В. И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности: монография. — М.: Изд-во Юридического института МИИТ, 2017. — 290 с.
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.04.2025 N Ф07–2373/2025 по делу N А56–1944/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2025 N Ф05–2661/2025 по делу N А41–38524/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.04.2025 N Ф05–2647/2025 по делу N А41–107276/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2025 N Ф09–468/25 по делу N А34–4054/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение Свердловского областного суда от 12.02.2025 по делу N 72–307/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Решение Свердловского областного суда от 03.04.2025 по делу N 72–618/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.04.2025 N Ф04–664/2025 по делу N А70–2797/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2025 N Ф10–248/2025 по делу N А68–10010/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Санкт-Петербургского городского суда от 11.03.2025 N 7–579/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

Логические основы процесса доказывания

Иванов Святослав Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Руденко Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автор исследует основы формальной логики в процессе доказывания.

Ключевые слова: доказывание, формальная логика, законы логики.

Процесс доказывания регламентирован законом, который определяет строгий процессуальный порядок и обязательную форму получения и закрепления информации, использование только предусмотренных законом источников. Однако названные в уголовно-процессуальном законе (ст. 85 УПК РФ) собирание, проверка и оценка доказательств не исчерпывают собой весь перечень элементов уголовно-процессуального познания. Значительная часть этого познания остается вне прямого нормативного воздействия.

Мыслительная деятельность следователя, дознавателя, прокурора, судьи, производимая скрытно, в сознании, подчиняется не нормам права, а общим гносеологическим закономерностям. Закон регламентирует данную сторону процессуального познания лишь в форме общих положений, в частности, таковыми являются правила оценки доказательств (ст. 88 УПК РФ).

Для расследования только лишь установления обстоятельств дела и знания уголовного закона — кроме этого, необходимо уяснение методологических основ данного процесса, в частности методологических средств (законов, правил, приемов) формальной логики.

Мыслительная деятельность не может протекать иначе как в строгих логических формах [1]. Логические законы и правила распространяются на все виды мыслительной деятельности, являются обязательными и естественными, образуя внешне не видимую, но крайне важную логическую основу познания. Знание логики и умение оперировать этими знаниями являются краеугольным камнем правового мышления и показателем его квалифицированности [2]. «Правовое мышление связано с высоким требованием его логичности, что подчеркивает значение в правовом мышлении логики диалектической и формальной» [3]. Принципы построения мысли, определяющие структуру правильного мышления, сформулированы в виде основных логических законов, выражающих требования методологического характера.

Рассмотрим законы логики применительно к мыслительному процессу установления силы доказательств:

- 1) закон тождества;
- 2) закон непротиворечия;
- 3) закон исключенного третьего;
- 4) закон достаточного основания.

Требование определенности в употреблении понятий вытекает из закона тождества (равенства), согласно которому каждое понятие должно мыслиться тождественным

себе в течение всего процесса рассуждения. Отступление от данного закона ведет к подмене понятий (мыслей), путанице и расплывчатости. Сущность подмены понятий заключается в том, что вместо требуемого употребляется другое, внешне сходное понятие.

В целях избежания логической ошибки в данном случае необходимо твердо знать и четко соблюдать в ходе рассуждения следующие условия закона тождества. Во-первых, тождество предмета мысли. Это условие требует сохранять определенность и постоянство предмета мысли в ходе всего мыслительного процесса. Развивая мысль об определенном предмете, до завершения рассуждения о нем нельзя менять этот предмет, т. е. необходимо его сохранять до конца рассуждения. Во-вторых, тождество мысли об этом предмете. Каждая выраженная по поводу данного объекта мысль должна сохранять свое содержание.

Мышление при исследовании доказательств должно быть последовательным и непротиворечивым. Недопустимо приписывать предмету какой-либо признак, а затем в ходе рассуждения этот признак у того же предмета отрицать. Запрет на противоречия в рассуждении определяется законом непротиворечия, согласно которому нельзя одновременно об одном и том же предмете утверждать, что он имеет данный признак и не имеет его.

Две противоположные мысли об одном и том же предмете, взятом в одно и то же время в одном и том же отношении, не могут быть одновременно истинными. Одна из них ложная, другая истинная.

С законом непротиворечия, в свою очередь, тесно связан закон исключенного третьего, который имеет объективный источник своего существования, — в нем отражается качественная определенность предметов и явлений действительности, а это означает, что нечто существует или не существует, ему что-то присуще или не присуще и т. д. Закон исключенного третьего действует по принципу «или — или»: истинность одного из противоречащих суждений свидетельствует о ложности второго, и наоборот, а третье суждение исключено.

Если закон непротиворечия позволяет лишь ограничить количество возможных решений (выбрать или отбросить одно из них, имея в виду, что оставшееся подлежит дальнейшей проверке), закон исключенного третьего позволяет принять окончательное решение, ибо одно из двух обязательно истинное, третьего не дано. Данный закон означает, что при решении альтернатив-

ного вопроса нельзя уклоняться от определенного ответа, нельзя искать что-то промежуточное, среднее.

Важнейшим свойством мышления в ходе исследования доказательства является его обоснованность. По существу, доказанность какого-либо утверждения и является его логической обоснованностью. Это общее требование к доказательному мышлению формулируется в виде закона достаточного основания, в силу которого всякое утверждение в ходе рассуждения должно быть обосновано другими достоверно установленными данными.

Закон достаточного основания является отражением всеобщей взаимосвязи, существующей между предметами, явлениями в окружающем мире. В соответствии с этим достаточное основание – это любая мысль, уже проверенная и признанная истинной, из которой с необходимостью вытекает истинность другой мысли.

Формально-логические законы в содержательном плане представляют собой свойства мысли, которые выражают особенности мышления и лежат в основе всех умственных операций, в том числе и при исследовании доказательств.

В процессе познания по уголовному делу логические законы используются во взаимосвязи и системном единстве [4]. Так, в соответствии с законом непротиворечия и законом исключенного третьего одно из основных требований, предъявляемых к криминалистической версии, состоит в том, чтобы при анализе совокупности данных, на основе которых она построена, эти данные не проти-

воречили друг другу и выдвинутой версии в целом. Подтверждение версии происходит путем обращения к установленным данным, к ранее накопленному знанию, путем производства процессуальных действий и т. д., в результате чего происходит формирование достаточной совокупности доказательств, подтверждающих выдвинутую версию. В конечном счете именно достаточность доказательств позволяет опровергнуть все другие версии о событии, виновности и т. д.

В процессе судебного следствия логические правила способствуют глубокому, всестороннему и строгому исследованию доказательств, выяснению взаимосвязей между ними, пониманию совокупности доказательств как некоторой целостной системы. Закон, не будучи учебником логики, стремится обереечь обвинительный орган и суд от нарушения логических правил и направляет их деятельность по пути процессуальной экономии, ограждая судебное дело от наполнения бессмысленными вещами и документами [5].

Таким образом, процесс доказывания по уголовному делу, являясь познавательной деятельностью, имеющей отличные от других видов познания содержание и специфику, подчиняется общим гносеологическим закономерностям, в том числе и законам формальной логики. Соблюдение в процессе вывода логических законов является необходимым условием уголовно-процессуального познания, поскольку этим обеспечивается правильность мышления.

Литература:

1. Эйсман А. А. Логика доказывания. М., 1971.
2. Руденко А. В. Содержательная логика доказывания: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
3. Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании. М., 1987.
4. Каверин Б. И., Демидов И. В. Логика для юристов: учеб. пособие. М., 2004.
5. Истомина Н. С. Законы логики в доказывании: закон исключенного третьего, закон достаточного основания // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 4.

Криминалистическая характеристика неуплаты средств на содержание детей

Исаева Кристина Константиновна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматривается криминалистическая характеристика неуплаты средств на содержание детей. Цель исследования — аккумуляция криминалистически значимых признаков, необходимых для расследования данной категории преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, неуплата средств на содержание детей, алименты.

Данная тема, несомненно, является актуальной и практически значимой. Исходя из статистических данных,

можно наблюдать возрастание количества расторжения браков, а это значит, что возрастает потребность выз-

скания средств на содержание детей [1]. В свою очередь, это обуславливает необходимость совершенствования методики расследования данного преступления, предусмотренного ст. 157 Уголовного кодекса РФ [2]. Остановимся на криминалистической характеристике, которая является основополагающим элементом криминалистической методики.

Криминалистическая характеристика преступлений — это система криминалистически значимых элементов, признаков и свойств вида (группы) преступлений, используемая для выдвижения следственных версий в целях эффективной организации планирования расследования конкретного преступления этого вида (группы).

Криминалистическая характеристика преступлений состоит из следующих элементов:

- предмет преступления;
- характеристика субъекта преступления;
- характеристика потерпевшего от преступления;
- способ преступления;
- механизм следообразования;
- обстановка совершения преступления;
- характеристика материального ущерба, причиненного преступлением;
- причины и условия совершения преступления.

Начнем по порядку. Предмет преступления — это объекты материального мира, на которые направлено преступное деяние. Путем простого анализа законодательной дефиниции к предмету данного преступления можно отнести денежные средства, которые должны быть направлены на содержание детей. Стоит отметить, что размер выплат средств определяется либо нотариально заверенным соглашением бывших супругов, либо судебным актом, а именно судебным приказом. В соответствии с ч.1 ст. 121 Гражданско-процессуального кодекса РФ, сумма, взыскиваемая на основании судебного приказа, не может превышать 500 тысяч рублей [3].

Субъект данного преступления — это лицо, которое в соответствии с законодательством наделено обязанностями по воспитанию и содержанию детей. Как правило, речь идет об отцах, поскольку анализ сложившейся судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды принимают решения в пользу оставления детей у матери и, соответственно, накладывают на отца обязанности по выплатам на детей (выплатам алиментов). При этом основанием для привлечения родителя к уголовной ответственности по данному составу является признак неоднократности. Исходя из положений пунктов 1 и 2 примечаний к статье 157 УК РФ, неоднократность имеет место, если в период неуплаты алиментов лицо в силу статьи 4.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее также — КоАП РФ) считалось подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние соответственно по части 1 или 2 статьи 5.35.1 КоАП РФ.

Говоря о потерпевших от данного преступления, ими будут выступать дети лица, обязанного осуществлять выплаты по алиментам.

Способ преступления — важный элемент криминалистической характеристики, показывающий, как совершается то или иное преступление. Применительно к рассматриваемому составу преступления, видятся следующие способы неуплаты средств:

- полное игнорирование обязанности по выплатам с момента вынесения судебного акта;
- неуплата средств в течение длительного времени;
- осуществление нерегулярных выплат;
- осуществление неполных выплат.

При этом нужно руководствоваться позицией, закрепленной в п.7 Постановления Пленума Верховного Суда от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», согласно которой нужно установить, что лицо имело реальную возможность совершать платежи, но не делало этого в указанные сроки и объемы [4].

Что касается следов, то прежде всего нужно дать им определение. Согласно подходу профессора Н. П. Яблокова, «под следами понимаются всевозможные материальные изменения в окружающей среде» [5, с. 81].

Ввиду специфики предмета преступления, ключевыми источниками содержания и отображения следов будут являться документы. Именно в документах будут отражаться значимые для расследования следы. К таковым можно отнести бухгалтерские документы, содержащие сведения о доходах лица, обязанного осуществлять выплаты по алиментам, также чеки, квитанции о банковских транзакциях, в том числе по выплатам, иные документы, например, договоры, связанные с приобретением или отчуждением имущества. Также к следам можно отнести показания лиц, которые владеют информацией о финансовом состоянии должника.

Исходя из признака неоднократности, можно прийти к выводу, что доказательственную базу будет строить не один, а совокупность документов.

Переходим ко времени и месту совершения преступления, то есть его обстановке. Место происшествия здесь не может рассматриваться в классическом виде, как например, при убийстве, где место происшествия — это конкретное место причинения смерти человеку или нахождения трупа. Местом происшествия в данном случае можно признать адрес проживания должника. Временем совершения следует считать определенный хронологический промежуток, в течение которого должник полностью уклонялся от обязанности либо осуществлял ее ненадлежащим образом.

Материальный ущерб в данном случае будет выражаться в неполучении полной и части суммы, предусмотренной судебным решением или нотариально заверенным соглашением между супругами.

Невыплата средств на содержание детей может быть выражена разными мотивами. Например, нежеланием ро-

дителя заботиться о своих детях; плохими отношениями между бывшими супругами; слабыми финансовыми возможностями и др.

Таким образом, нами была рассмотрена криминалистическая характеристика неуплаты средств на содер-

жание детей, которая представляет собой информационную модель криминалистически значимых элементов, признаков и свойств данного преступления. Уяснение криминалистической характеристики позволит эффективно планировать расследование преступлений.

Литература:

1. Статистика разводов в России в 2024 году: причины большого количества случаев расторжения брака. — Текст: электронный // Тинькофф Журнал: [сайт]. — URL: <https://journal.tinkoff.ru/stat-divorce/> (дата обращения: 24.06.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) // СПС «Консультант-Плюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024, с изм. от 04.06.2024) // СПС «КонсультантПлюс» — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.
4. Постановление Пленума Верховного Суда от 22.12.2022 № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (статья 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
5. Яблоков, Н. П. Криминалистика. Учебник и практикум для вузов / Н. П. Яблоков. — 3-е изд., пер. и доп. — Москва: Юрайт, 2024. — 239 с. — Текст: непосредственный.

Защита прав и интересов предпринимателей

Калинина Ольга Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бугорский Владимир Павлович, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

В статье автор исследует основные вопросы защиты прав и интересов предпринимателей, описывает нормативные акты, необходимые для стабильного ведения бизнеса. Исследование основано на нормах закона и устоявшейся практике. В работе также рассмотрены нюансы, с которыми может столкнуться предприниматель в процессе своей деятельности и соблюдение которых поможет привести к желаемому результату.

Ключевые слова: защита, интересы, предприниматель, досудебная форма, судебная форма

Предприниматель — это лицо, имеющее свое дело, созданное с целью получения прибыли.

Понятие «предприниматель» впервые ввел французский экономист Ричард Кантильон в 1720 году.

В России предпринимательская деятельность как индивидуальная трудовая деятельность впервые законодательно закреплена в Законе СССР от 19.11.1986 № 6050-XI «Об индивидуальной трудовой деятельности» [1].

По мере активного развития предпринимательской деятельности и расширения круга возможностей для раскрытия бизнес-потенциала издан Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-I «О предприятиях и предпринимательской деятельности» [2].

С целью учета лиц, желающих осуществлять предпринимательскую деятельность, 7 декабря 1991 г. был принят Закон РСФСР № 2000-I «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации» [3].

Право на ведение предпринимательской деятельности и получения статуса предпринимателя имеет любой дееспособный человек. Оно закреплено в ст. 34 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [4].

С момента появления индивидуальной трудовой деятельности и до настоящего времени предпринимательская деятельность является одной из основных систем, на которых держится экономика государства.

Предпринимательство является движущей силой экономики, создавая экономическое благополучие путем организации рабочих мест и формирования бюджета государства за счет уплаты предусмотренных законодательством налоговых отчислений.

Порядок ведения предпринимательской деятельности, заключения и исполнения договоров, а также положение

о правах и обязанностях предпринимателей закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации [5].

Как участники большого количества правоотношений предприниматели нуждаются в способах защиты своих прав и интересов.

Говоря о соотношении способа и формы защиты прав, М. К. Треушников отмечает, что первичным и важнейшим условием правосудия является точное установление судом фактических обстоятельств, имевших место до направления дела в суд [6].

Несмотря на закрепленные на законодательном уровне нормы для защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности, предпринимателю необходимо самостоятельно разработать форму защиты внутри предприятия до обращения в суд.

Юридическая защита прав и интересов предпринимательской деятельности представляет собой способ ускоренного ведения дел без финансовых последствий как для предприятия, так и для самого предпринимателя.

В правовую защиту прав и интересов предпринимательства входит правильно сформированная стратегия ведения дел и соблюдение законодательства, что позволяет верно определить приоритеты и цели. Правильно установленные приоритеты на старте предпринимательской деятельности дают понимание, будет ли бизнес долгосрочным или нет. Одно неправильное действие, неверно рассчитанный шаг может привести не к достижению намеченной цели, а в некоторых случаях к нарушению уголовного законодательства.

Формой защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности являются разработанные и согласованные мероприятия. Правовая защита состоит из двух форм: судебной и внесудебной.

Внесудебная защита прав и интересов предпринимателей представляет собой досудебное урегулирование споров. Одним из способов такого урегулирования является нотариальная защита. В этом случае подразумевается юридический факт единоличного заверения нотариусом документа, который имеет бесспорную силу (например, протокол собрания или расписка).

Также досудебное урегулирование споров возможно с помощью передачи дел на рассмотрение третейского суда, где коллегия или судья единолично рассматривает спорные вопросы гражданско-правового характера, возникающие при осуществлении экономической деятельности. Передачу спора на рассмотрение третейского суда можно оформить путем включения соответствующего пункта в договор, а в случае возникновения спора в процессе исполнения договорных обязательств — путем оформления отдельного соглашения.

Основным способом досудебного урегулирования споров является претензионный порядок. Способ его соблюдения регламентируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации [7]. В этом случае спор в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности рассматривается арбитражным

судом. Период соблюдения претензионного порядка указывается в договоре, если срок не оговорен, то необходимо руководствоваться п. 5 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [7].

В случае неурегулирования спора в досудебном порядке и намерения обратиться с иском в суд претензионный порядок является обязательным. Если ответчик в суде заявит о нарушении истцом претензионного порядка, суд будет вынужден отказать и оставить исковое заявление без рассмотрения, при этом не лишая истца права вновь обратиться в суд с заявлением в общем порядке после устранения обстоятельств, послуживших основанием для оставления заявления без рассмотрения.

Документом, доказывающим соблюдение претензионного порядка, является квитанция об отправке претензии с описью вложения и присвоенным сотрудником Почты России номером отслеживания на юридический или почтовый адрес ответчика, указанный в договоре. Также одним из доказательств является отметка о вручении претензии с подписью и датой, если претензия передается в главном офисе ответчика через секретариат. Если претензия передается представителю на территории истца, то у представителя должны быть доверенность о праве получать и подписывать документы от имени ответчика.

Ответ на претензию является правом, а не обязанностью. При этом соблюдение претензионного порядка для истца является обязательной процедурой, а вот получение претензии ответчиком — его правом. За неполучение претензии ответственность несет ответчик.

В современном мире технологий существуют разнообразные способы информирования. Для защиты прав и интересов предпринимателей правильнее будет учесть все возможные способы соблюдения претензионного порядка при подписании договора с пометкой о возможности информирования различными способами.

Деятельность предприятий всегда имеет риски. Один из возможных способов их минимизировать — учесть при подписании договора все нюансы.

При невозможности решения спора в досудебном порядке сторона, чьи права нарушены, передает спор на рассмотрение суда для восстановления своих нарушенных прав.

Судебная форма защиты является способом защиты прав и законных интересов предпринимателя путем реализации судом своего права на осуществление правосудия. Такая защита осуществляется судебными органами в порядке конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства с целью восстановления нарушенных прав.

Цель судебной защиты заключается в том, что лицо, чьи права и законные интересы, по его мнению, нарушены неправомерными действиями, обращается за защитой в органы, которые уполномочены с учетом норм действующего законодательства восстановить нарушенные права.

Государственные органы, осуществляющие судебную защиту: Конституционный суд Российской Федерации, арбитражный суд, суды общей юрисдикции.

Конституционный суд Российской Федерации является органом, осуществляющим судебную власть самостоятельно и независимо посредством конституционного судопроизводства. Главной целью его деятельности является защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории страны. Данный суд расширяет возможность судебной защиты прав и законных интересов предпринимателей.

Арбитражный суд создан исключительно с целью осуществления правосудия в сфере предпринимательской деятельности, разрешения экономических споров между предприятиями, учреждениями, организациями, являющимися юридическими лицами, и гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющими статус предпринимателя [7].

Также арбитражный суд рассматривает споры по административным правонарушениям по правилам, указанным в Кодексе об административном правонарушении, но только в том случае, если нарушение произошло в процессе ведения предпринимательской деятельности. В данном случае претензионный порядок не нужен, но обязателен факт направления жалобы стороне, вынесшей постановление об административном правонарушении.

Суд общей юрисдикции играет роль в обеспечении защиты прав и интересов не только предпринимателей, но и граждан во всех сферах, кроме тех, которые относятся к ведению специализированных судов.

Перечень дел, которые рассматривают суды общей юрисдикции, закреплен в Федеральном конституционном законе от 07.02.2011 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [8].

Правильно выбранный суд играет главную роль в решение спора. Суд может быть заранее прописан в договоре, тогда выбор будет сразу определен, что сэкономит время при решении спорного вопроса. Неправильно выбранная подведомственность затянет процесс по причине отказа судом в принятии дела к производству.

Если суд не прописан в договоре, стороны могут подписать соглашение, в котором будет определено их взаимное пожелание передать спор для разрешения в определенный суд.

Защита прав и интересов предпринимателей является частью правового режима предпринимательства и в первую очередь опирается на действующее законодательство.

В настоящий момент существуют различные способы защиты прав и интересов предпринимателей.

В современном мире предпринимательская деятельность динамично развивается и адаптируется к активно меняющимся условиям, что позволяет заранее продумать стратегию ведения бизнеса и его защиту.

Опираясь на нормы закона и сложившую практику по защите прав и интересов предпринимателей, можно сделать вывод, что в дальнейшем предприниматели будут подходить к ведению предпринимательской деятельности более грамотно, что позволит урегулировать споры исключительно в досудебном порядке или с использованием медиации.

Литература:

1. Закон СССР от 19.11.1986 № 6050-XI «Об индивидуальной трудовой деятельности».
2. Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-I «О предприятиях и предпринимательской деятельности».
3. Закон РСФСР от 07.12.1991 № 2000-I «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации».
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ.
6. Треушников, М. К. Судебные доказательства / М. К. Треушников. — 3-е изд., испр. и доп. — М : Городец, 2004.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ.
8. Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации».

Ответственность за продажу китовой продукции

Камчатный Александр Сергеевич, студент магистратуры
Волгоградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается законность реализации китовой продукции на территории Российской Федерации и условия, при которых возникает административная ответственность у лиц за ее реализацию. В частности, рассмотрена незаконная продажа китовой продукции на территории Российской Федерации при ее законной добыче представителями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Ключевые слова: продажа китовой продукции, коренные малочисленные народы, административная ответственность, экологическое правонарушение, природоохранное законодательство.

Responsibility for selling whale products

Kamchatny Alexander Sergeevich, student master's degree
Volgograd branch of the Moscow Financial and Legal University MFUA

This article examines the legality of the sale of whale products on the territory of the Russian Federation and the conditions under which administrative responsibility arises for its sale. In particular, the illegal sale of whale products on the territory of the Russian Federation during its legal extraction by representatives of the indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation was considered.

Keywords: sale of whale products, indigenous minorities, administrative responsibility, environmental offense, environmental legislation.

В большинстве стран действуют законы, защищающие китов и запрещающие их добычу и торговлю их продуктами. Согласно конвенции от 3 марта 1973 года «О международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения» [1], запрещается торговля продуктами, полученными из китов, находящихся под угрозой исчезновения. В целях сохранения занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) Красную книгу субъекта Российской Федерации редких и находящихся под угрозой исчезновения видов водных биологических ресурсов добыча (вылов) таких видов водных биологических ресурсов (далее — ВБР) запрещена, за исключением особых случаев.

Перечень объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации, утвержден приказом Минприроды России от 24.03.2020 № 162 [2], согласно которому охотоморская, чукотско-калифорнийская популяции серого кита и охотоморская, баренцевоморская, берингово-чукотская популяции гренландского кита является видами, занесенным в Красную книгу Российской Федерации.

В исключительных случаях добыча (вылов) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов ВБР допускается в соответствии с «Правилами добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения ВБР», утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.2008 № 1017 (далее — Правила) [3].

Исходя из норм Правил добыча (вылов) ВБР осуществляется в целях обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее — КМНС) на основании разрешений, выдаваемых Федеральной службой по надзору в сфере природопользования (далее — Росприроднадзор).

Юридические нормы и принципы наделяют коренные народы особыми правами на земли и возобновляемые природные ресурсы как на материальную основу их жизнеобеспечения, традиционных культур и духовных ценностей. Статья 69 Конституции Российской Федерации гласит: «Российская Федерация гарантирует права КМНС в соответствии с общепризнанными прин-

ципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации» [4]. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» устанавливает правовые основы гарантий самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов [5]. Статья 48 Федерального закона от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» указывает: «право на применение традиционных методов добычи объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности» предоставляется «гражданам Российской Федерации, чье существование и доходы полностью или частично основаны на традиционных системах жизнеобеспечения их предков, включая охоту и собирательство»... [6].

Установление квот на аборигенный промысел китов входит в полномочия Международной китобойной комиссии (International Whaling Commission — IWC), учрежденной в рамках Международной конвенции о регулировании китобойного промысла от 2 декабря 1946 года (далее — МКК) [7].

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 11.12.1992 № 967 «Об участии Российской Федерации в международной конвенции по регулированию китобойного промысла» промысел китов российскими физическими и юридическими лицами может производиться только в соответствии с правилами, предусмотренными МКК.

Изъятие китов в научных целях и для потребления коренным населением Чукотского автономного округа (аборигенный промысел) в морской экономической зоне Российской Федерации, а также российскими физическими и юридическими лицами за её пределами может осуществляться только в рамках научно-исследовательских программ и квот для аборигенного промысла, одобренных МКК [8].

Как отмечено в трудах Баххатова П. П. — «законодательство строго запрещает нарушение прав и обязанностей коренных малочисленных народов, а также ограничение их свободы передвижения, права на существование

и осуществление хозяйственной деятельности на их территории» [9].

Согласно особым условиям аборигенного промысла серого и гренландского китов, являющимся приложением к разрешению на добывание китов, разработанного Министерством природных ресурсов Российской Федерации, распределение мяса и жира китов допускается только между жителями береговых населенных пунктов, а обмен на оленину допускается только с оленеводами континентальных районов Чукотки. Продажа продукции промысла допускается только сувенирами ручной работы из китовой кости и уса. Таким образом, экономическая прибыль от деятельности морского зверобойного промысла, жизненно необходимого для существования коренного населения Чукотки отсутствует, и не предвидится в перспективе [10].

Установлению квот предшествуют: обоснование потребности, представление научных данных о промысле, состоянии популяций серого и гренландского китов.

На 69-м заседании МКК в сентябре 2024 г., в столице Перу г. Лима утверждены блок квоты добычи китообразных на 2026–2031 годы, в т. ч. для Российской Федерации и, в частности, для Чукотского автономного округа. Согласно квоте для коренных жителей Чукотки разрешается добывать ежегодно до 135 серых китов и 5 гренландских китов ежегодно.

Согласно перечню видов традиционной хозяйственной деятельности КМНС, утверждённому распоряжением Правительства Российской Федерации от 08 мая 2009 г. № 631-р, одним из разрешённых видов деятельности для них является рыболовство (в том числе морской зверобойный промысел) и реализация ВБР [11].

При всём вышеуказанном, коммерческий оборот дериватами, живыми объектами животного мира, имеющих статус редких и исчезающих видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и Красные книги субъектов Российской Федерации запрещен действующим законодательством, в частности Федеральным законом от 24.04.1995 «О животном мире».

Таким образом, в соответствии с особыми условиями аборигенного промысла термин «реализация ВБР» указанный в распоряжении Правительства Российской Федерации от 08 мая 2009 г. № 631-р следует понимать как ограниченный территорией и национальным признаком процесс обращения продукции полученной в результате традиционной хозяйственной деятельности КМНС.

Несмотря на действующее законодательство на российских интернет-платформах для размещения частных объявлений о продаже товаров и услуг, в социальных сетях и интернет-магазинах размещаются объявления о реализации китового сала (мантак), топленого сала кита и иных производных краснокнижного млекопитающего. Вопреки действующего законодательства, реализация продукции осуществляется гражданами России не имеющих статуса КМНС и осуществляющими деятельность в иных регионах Россий-

ской Федерации на территории которых распространение продукции не разрешалось. Статьей 8.35 КоАП РФ («Причинение вреда редким и находящимся под угрозой исчезновения видам животных ... занесенных в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемых международными договорами Российской Федерации, в том числе их уничтожение»), продажа либо пересылка видов указанных животных ... их продуктов, частей либо дериватов без надлежащего на то разрешения или с нарушением условий, предусмотренных разрешением, либо с нарушением иного установленного порядка, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влекут наложение административного штрафа.

При этом традиционная хозяйственная деятельность, в ходе которой исключительно разрешена ограниченная реализация ВБР подменяется «коммерческой деятельностью» и создает предпосылки незаконного оборота иных объектов промысла КМНС.

Территориальные подразделения Росприроднадзора и Федерального агентства по рыболовству имеющих специалистов в рассматриваемой области не уполномочены выносить постановления по статье 8.35 КоАП РФ за продажу китовой продукции через интернет. В соответствии со статьей 28.3 КоАП РФ должностные лица органов Роспотребнадзора уполномочены составлять протоколы об административных правонарушениях за продажу через интернет по иным статьям — 6.3 и 14.4 КоАП РФ «Нарушение законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» и «Продажа товаров, выполнение работ либо оказание населению услуг ненадлежащего качества или с нарушением установленных законодательством Российской Федерации требований», в следствии чего в рассматриваемых составах правонарушения происходит утрата первоначальных признаков административного правонарушения по ст. 8.35 КоАП РФ и не позволяет пресечь первоначально совершенное административное правонарушение.

Проблема незаконной торговли китовой продукцией требует комплексного подхода к её решению. Необходимо обеспечить баланс между защитой прав коренных народов и пресечением нелегального оборота данного продукта. Усиление прокурорского реагирования на отдельные случаи административных правонарушений в сфере оборота краснокнижных ВБР в отношении отдельных лиц и совершенствование механизмов контроля интернет-платформ по размещению частных объявлений позволит эффективно противостоять правонарушениям данной категории и сохранить традиционный уклад жизни КМНС.

Общественное участие в экологических вопросах, активное информирование о последствиях экологических правонарушений помогут создать ответственное отношение. Специфические программы по обучению и информированию населения могут включаться как в учебные за-

ведения, так и в местные инициативы, что существенно повысит общее правосознание и проинформирует граждан о принципах охраны окружающей среды и их правовых обязанностях.

Литература:

1. Конвенция от 3 марта 1973 года «О международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения» (СИТЕС) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами, М, 1978 г. вып. XXXII, с. 249–262.
2. Приказ Минприроды России от 24.03.2020 № 162 «Об утверждении Перечня объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru) от 02.04.2020.
3. Правила добычи (вылова) редких и находящихся под угрозой исчезновения видов ВБР, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 24.12.2008 № 1017 // Собрание законодательства Российской Федерации от 12.01.2009 № 2, ст. 223.
4. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (ред. от 6.10.2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6 октября 2022 г. № 0001202210060013.
5. Федеральный закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Российская газета» от 12.05.1999 № 90.
6. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 30.11.2024) «О животном мире» // «Российская газета» от 4.05.1995 № 86.
7. «Международная конвенция о регулировании китобойного промысла» от 2 декабря 1946 года // Ведомости Верховного совета СССР от 17.04.1949 № 16.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 11.12.1992 № 967 «Об участии Российской Федерации в международной конвенции по регулированию китобойного промысла» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации от 21.12.1992 № 25, ст. 2218.
9. Баттахов П. П. // «Некоторые аспекты правового регулирования традиционной хозяйственной деятельности и режима территорий коренных малочисленных народов Арктики на примере Республики Саха (Якутия)» // Научный журнал Аграрное и земельное право. 2023 г. № 9 (225). — с. 66–70.
10. Постановление правительства Чукотского автономного округа от 14.08.2009 № 239 «Об утверждении долгосрочной региональной целевой программы «Государственная поддержка морского зверобойного промысла в Чукотском автономном округе на 2009–2012 годы» и её реализации» // Газета «Ведомости» от 28.08.2009 № 34.
11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р «Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации и перечня видов традиционной хозяйственной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 18.05.2009 № 20, ст. 2493.

Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность исполнительных органов

Капранов Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Артёмова Светлана Тагировна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена анализу правовых и организационных проблем, связанных с внедрением информационных технологий в деятельность исполнительных органов государственной власти. Раскрываются ключевые нормативные, кадровые, инфраструктурные и социальные барьеры, препятствующие эффективной цифровой трансформации. Особое внимание уделено вопросам фрагментарности законодательства, недостаточной межведомственной координации, кадрового дефицита и цифрового неравенства. Обоснована необходимость кодификации цифрового законодательства, развития проектного управления и усиления механизмов публичного контроля.

Ключевые слова: цифровая трансформация, исполнительные органы, цифровое государство, платформа, нормативное регулирование, управление.

Problems and prospects of implementing information technologies in the activities of executive authorities

The article examines legal and organizational issues related to the implementation of information technologies in the activities of executive public authorities. It identifies key regulatory, personnel, infrastructural, and social barriers that hinder effective digital transformation. Particular attention is given to the fragmentation of legislation, insufficient interagency coordination, human resource shortages, and digital inequality. The study justifies the need to codify digital legislation, develop project management mechanisms, and strengthen public oversight in the context of digital governance.

Keywords: digital transformation, executive authorities, digital state, platform, legal regulation, governance.

Конституционная категория «единая система публичной власти», закрепленная в тексте Основного закона [1] после поправок 2020 года [2], придала проблематике цифровой трансформации исполнительных органов особое правовое измерение, поскольку именно региональные правительства выступают связующим звеном между федеральными установлениями и повседневной реализацией публичных полномочий. Так, правовое положение главы субъекта Российской Федерации, одновременно включенного в состав исполнительных органов и сохраняющего самостоятельный статус, обострило вопрос о четком распределении компетенций, что, в свою очередь, обусловило необходимость нормативного пересмотра процедур электронного межведомственного взаимодействия и закрепления базовых технических стандартов в законодательных актах субъектов [5]. В этих условиях цифровые технологии становятся не столько инструментом автоматизации, сколько фактором институционального обновления, поскольку требуют юридической фиксации новых обязанностей по защите персональных данных, кибербезопасности и публичной подотчетности. Таким образом, конституционные изменения выступили катализатором переосмысления роли исполнительной власти и обусловили переход от локальных экспериментов к системному правовому регулированию цифрового управления.

При этом действующая нормативная база, формирующаяся на пересечении федеральных законов об электронном документообороте, защите информации и национальной Стратегии развития информационного общества [3], демонстрирует фрагментарность, выражающуюся в отсутствии единого понятийного аппарата и дублировании процедур, что существенно затрудняет правоприменение в сфере электронных услуг. Действующее законодательство в сфере цифровизации сформировано несистемно, в результате чего межведомственный обмен данными осуществляется посредством разнородных протоколов, а статус государственных информационных систем зачастую определяется подзаконными актами, не согласованными между собой. А. Ф. Ноздрачев и А. Ю. Чесалов обоснованно указывают на необходимость кодификации цифрового законодательства, включая принятие федерального закона о платформенной архитектуре государственного управления, который закрепил бы единые

правила API-взаимодействия и регламентировал процедуры проверки законности алгоритмов [7].

Организационный аспект цифровизации выявляет противоречие между традиционной иерархической моделью и актуальной сетевой парадигмой, требующей горизонтальной координации и сквозного проектного управления. Исторически ведомства формировались по отраслевому принципу, и каждая структура разрабатывала собственные информационные системы, что приводило к дублированию реестров и расхождению форматов данных; цифровые инициативы нередко запускались без учета единой архитектуры, что увеличивало транзакционные издержки и порождало зависимость от конкретных поставщиков. В новых условиях эффективность определяется способностью органов власти выстраивать межведомственные коммуникации в режиме реального времени, обмениваться аналитическими дашбордами и синхронизированно реагировать на гражданские запросы, однако это возможно только при наличии четко регламентированных проектных офисов и унифицированных KPI [4, с. 94]. Отсутствие таких механизмов усиливает риски регрессии к «оцифрованной бюрократии», когда технологические решения лишь маскируют старые дисфункции. Следовательно, организационно-правовая модернизация должна сопровождаться внедрением методик управления изменениями и институционализацией цифровых комитетов, обладающих мандатом на устранение ведомственных барьеров.

Финансово-инфраструктурное измерение проблемы проявляется в неоднородности технической базы и зависимости регионов от федеральных субсидий, вследствие чего срок жизненного цикла оборудования и программного обеспечения существенно варьируется, порождая технологическое неравенство между центрами и периферией [10]. Обновление серверных мощностей, создание защищенных каналов связи и внедрение облачных решений требуют значительных капиталовложений, однако ограниченный объем собственных доходов субъектов нередко заставляет отказываться от долгосрочных проектов или переводить их в режим «пилотных», лишенных гарантированного финансирования. Одновременно остро стоит проблема цифрового неравенства населения: в сельских районах доступ к высокоскоростному Интернету и современным гаджетам остается низким, что препятствует

реализации конституционного принципа равенства при получении государственных услуг. Все это усиливает нагрузку на региональные бюджеты, вынуждая искать формы публично-частного партнерства и сервисных контрактов, призванные распределить риски и обеспечить устойчивость инфраструктурных инвестиций [8]. Устранение данных асимметрий является условием формирования единого цифрового пространства страны.

Кадровый компонент трансформации занимает центральное место, поскольку дефицит квалифицированных ИТ-специалистов не только ограничивает эксплуатацию существующих систем, но и снижает скорость адаптации к новым технологическим вызовам. Как отмечает А. В. Савоськин, исполнительные органы сталкиваются с конкуренцией за персонал с частным сектором, предлагающим более привлекательные условия, и вынуждены формировать собственные центры компетенций, обеспечивать непрерывное повышение квалификации и вводить должности руководителей цифровой трансформации. Образовательные программы традиционно отстают от реальной динамики рынка, в результате чего на государственных служащих ложится нагрузка по освоению смежных дисциплин — от аналитики больших данных до кибербезопасности [9, с. 82]. В этих условиях правовое регулирование кадрового обеспечения должно предусматривать специальные механизмы стимулирования, включая карьерные треки и возможность гибридной занятости, иначе технологический разрыв между разработкой нормативных требований и их практической реализацией будет только увеличиваться. Таким образом, кадровая политика должна рассматриваться как ключевой элемент правовой системы цифрового управления.

Технологический аспект цифровой трансформации характеризуется внедрением сквозных платформенных решений, основанных на обработке больших данных, искусственном интеллекте и распределенном реестре, что ставит перед законодателем задачу установления надежных процедур валидации алгоритмов и механизмов аудита прозрачности. Развитие облачных инфраструктур и сервис-ориентированная модель «государство как услуга» переводят акцент с локальных информационных систем на единую экосистему, в которой обмен данными происходит через стандартизированные API, а взаимная аутентификация органов власти и граждан обеспечивается комплексными цифровыми идентификаторами. В результате правовое регулирование должно охватывать не только вопросы персональных данных, но и состояние «цифрового суверенитета», определяя допустимые режимы хранения и обработки информации на зарубежных платформах. Синхронизация технологических и юридических стандартов служит гарантией того, что высокий уровень автоматизации будет сочетаться с соблюдением принципа законности и защиты прав граждан.

Социальный аспект цифровизации выявляет необходимость формирования «цифрового доверия», без которого даже самые совершенные технические решения не

обеспечат должного уровня вовлечения граждан в электронное взаимодействие. Опыт указывает, что каждая утечка данных или сбой сервиса серьезно подрывает легитимность цифровых услуг, а низкий уровень цифровой грамотности отдельных категорий населения препятствует равному доступу к возможностям электронного правительства [6]. Поэтому исполнительные органы должны инвестировать в программы популяризации, обучающие модули и каналы обратной связи, позволяющие гражданам не только получать информацию, но и участвовать в корректировке управленческих решений с помощью краудсорсинговых платформ и мобильных приложений. Правовое закрепление процедур общественного контроля, включая возможность обжалования алгоритмических решений, станет дополнительным стимулом для роста доверия. Таким образом, социальная составляющая оказывается неотделима от нормативной и организационной.

Итак, перспективы дальнейшего развития цифровой трансформации предполагают комплекс мер: кодификацию разрозненных норм в единую правовую систему, институционализацию проектных офисов с правом межведомственного арбитража, внедрение публично-частных партнерств для устойчивого финансирования и развитие программ цифровой инклюзии, обеспечивающих равный доступ населения к услугам. В условиях быстрорастущих угроз информационной безопасности требуется усилить нормативные гарантии защиты данных и ввести обязательные процедуры независимого аудита алгоритмов, использующих искусственный интеллект. Наконец, создание единой аналитической платформы с открытыми дэшбордами для органов власти, бизнеса и общества повысит прозрачность и позволит оперативно корректировать управленческие решения на основе объективных метрик. В совокупности эти меры призваны превратить цифровую трансформацию из набора разрозненных проектов в устойчивую стратегию развития публичной власти.

В заключение следует подчеркнуть, что исполнительная власть, оставаясь самостоятельным и функционально специфическим звеном системы разделения властей, приобретает новые атрибуты в цифровую эпоху: она функционирует в среде непрерывного обмена данными, опирается на алгоритмическую поддержку решений и взаимодействует с гражданами в режиме онлайн, тем самым расширяя границы публичного контроля. Результативность цифровой трансформации зависит от баланса трех взаимосвязанных факторов — нормативного, организационного и социального; при этом технологическая сторона играет обслуживающую роль, выступая проводником, но не заменой юридической и институциональной модернизации. Фрагментарность законодательства, кадровый дефицит, инфраструктурная неоднородность и дефицит цифрового доверия образуют комплекс вызовов, однако системный, «сквозной» подход, сочетающий правовое упорядочение, развитие компетенций

и вовлечение граждан, способен обеспечить новое качество государственного управления. Следовательно, цифровизация исполнительных органов — это не одноразовая реформа, а долгосрочная стратегия, требующая

постоянного научно-правового сопровождения и готовности к адаптации, чтобы сохранить эффективность и легитимность публичной власти в условиях стремительного технологического прогресса.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Закон Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.
4. Добролюбова Е. И. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности: монография / Е. И. Добролюбова, В. Н. Южаков, А. Н. Старостина. — М.: Дело (РАНХиГС), 2021. — 234 с.
5. Ибрагимов О. А. Конституционно-правовые проблемы организации исполнительной власти субъектов Российской Федерации в единой системе публичной власти / О. А. Ибрагимов // Конституционное и муниципальное право. — 2022. — № 12. — С. 41–45.
6. Масланов Е. В. Политический потенциал цифровых технологий // Философия. Журнал высшей школы экономики. — 2023. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-potentsial-tsifrovyyh-tehnologiy> (дата обращения: 08.13.2025).
7. Ноздрачев А. Ф. О законодательных основах реализации федерального проекта «Цифровое государственное управление» (положения de lege lata и предложения de lege ferenda) / А. Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. — 2024. — № 5. — С. 3–16.
8. Окутина Н. Н. К вопросу о соразмерности финансовых ресурсов органов местного самоуправления их полномочиям (на примере Ульяновской области) / Н. Н. Окутина // Муниципальная служба: правовые вопросы. — 2022. — № 2. — С. 26–28.
9. Савоськин А. В. Обращения граждан в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): диссертация... доктора юридических наук / А. В. Савоськин. — Екатеринбург, 2019. — 482 с.
10. Суркова И. С. О соотношении институтов сообщений и обращений граждан / И. С. Суркова // Академический юридический журнал. — 2023. — Т. 24. — № 3 (93). — С. 315–320.
11. Чесалов А. Ю. Цифровая трансформация / А. Ю. Чесалов. — М: Издательские решения, 2023. — 346 с.

Цифровая трансформация регионального управления: опыт функционирования правительства Ульяновской области

Капранов Дмитрий Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Артёмова Светлана Тагировна, кандидат юридических наук, доцент
Ульяновский государственный университет

Статья посвящена организационно-правовому анализу цифровой трансформации регионального управления на примере деятельности Правительства Ульяновской области как высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. В рамках рассмотрения правовой природы данного органа автор акцентирует внимание на институциональной роли Правительства в легитимации, координации и сопровождении процессов цифровизации. Исследуются такие направления деятельности, как развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры, обеспечение доступности электронных услуг, реализация национальных и региональных проектов, предоставление субсидий на цифровые инициативы, а также выработка нормативных решений. Особое внимание уделено проблемам нормативной фрагментарности, кадрового дефицита и цифрового неравенства, препятствующим эффективной реализации цифровой политики. В качестве ключевого вывода обосновывается необходимость внесения изменений в Устав Ульяновской области, направленных на закрепление за Правительством субъекта полномочий по обеспечению цифровой трансформации регионального управления как элемента достижения национальных целей развития.

Ключевые слова: цифровизация, региональное управление, исполнительная власть, цифровая трансформация, Ульяновская область, публичная власть, нормативное регулирование.

Digital transformation of regional governance: the experience of the government of the Ulyanovsk Region

The article provides an organizational and legal analysis of the digital transformation of regional governance through the case of the Government of the Ulyanovsk Region, the highest executive authority of a constituent entity of the Russian Federation. The study examines the institutional role of the regional government in legitimizing, coordinating, and implementing digitalization processes. Key areas of activity include the development of information and communication infrastructure, expansion of e-government services, execution of national and regional digital projects, and provision of subsidies for IT initiatives. Particular attention is paid to the legal fragmentation, shortage of qualified personnel, and digital inequality that hinder effective policy implementation. As a principal conclusion, the author substantiates the need to amend the Charter of the Ulyanovsk Region to explicitly establish the authority of the Government in the sphere of digital transformation, thereby ensuring institutional alignment with national development goals.

Keywords: digitalization, regional governance, executive authority, digital transformation, Ulyanovsk Region, public administration, legal regulation.

Правовая парадигма «единой системы публичной власти», закреплённая в Конституции Российской Федерации после поправок 2020 года [2], детерминировала необходимость унификации организационно-правовых механизмов цифровой трансформации на всех уровнях публичного управления. В этом контексте Правительство Ульяновской области — высший постоянно действующий коллегиальный орган исполнительной власти субъекта — выступает институциональным узлом, сочетающим конституционную ответственность Губернатора за управление регионом (ст. 77 Конституции Российской Федерации [1], ст. 35 Устава Ульяновской области [7]) и коллегиальную природу принятия решений, основанную на Законе области от 17 ноября 2016 г. № 164-ЗО «О Правительстве Ульяновской области» [8].

Персональный состав Правительства Ульяновской области, в соответствии с Законом Ульяновской области «О Правительстве Ульяновской области», утверждается Губернатором региона, что свидетельствует о доминировании элемента индивидуальной ответственности главы субъекта в формировании высшего исполнительного органа. Такая модель концентрирует властные полномочия в руках одного должностного лица, что обеспечивает персонализацию ответственности и согласованность при реализации приоритетных направлений государственной политики. Однако в условиях цифровизации государственного управления, когда акцент переносится с административной иерархии на процессуальную прозрачность и управленческую рациональность, возникает объективная необходимость в институциональном усилении нормативной определенности процедур, а также в обеспечении повышенной публичной подотчётности принимаемых решений.

Современный этап цифровой трансформации обуславливает переход к платформенной логике организации исполнительной власти, при которой управленческие про-

цессы — от формирования состава коллегиального органа до принятия постановлений и распоряжений — становятся объектом системной электронной фиксации и мониторинга. В этом контексте структура, регламент и механизм функционирования Правительства Ульяновской области эволюционируют в направлении формализации всех юридически значимых действий в цифровых информационных системах, что требует как технологического сопровождения, так и нормативного закрепления.

Компетенции Правительства охватывают как классические сферы государственного регулирования — бюджет, собственность, контроль, стратегическое планирование, — так и комплекс задач, непосредственно связанных с цифровой экономикой. Правительство Ульяновской области реализует одну из ключевых функций — координационную — в условиях межотраслевой цифровизации, что соответствует статье 6 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» [4], согласно которой субъект наделён полномочиями по координации деятельности региональных органов исполнительной власти в сфере информационных технологий. Данная функция конкретизирована в региональных нормативных актах, включая государственную программу «Развитие информационного общества и электронного правительства в Ульяновской области» [9], которая закрепляет приоритеты цифровой трансформации, такие как перевод государственных услуг в электронный формат, повышение их качества и вовлечённости граждан. Правительство области в этом контексте уполномочено разрабатывать нормативные акты, координировать деятельность органов власти и местного самоуправления, реализовывать региональные ИТ-программы, обеспечивать финансирование цифровых мероприятий, а также осуществлять мониторинг и контроль за достижением целевых показателей.

В практическом аспекте координационная роль Правительства Ульяновской области особенно проявляется в реализации с 1 января 2025 года национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» [6], в рамках которого оно выступает интегратором цифровых решений, координатором межведомственного взаимодействия и распределителем ресурсов. В соответствии с обозначенным подходом Правительство региона управляет тремя ключевыми проектами:

- «Цифровое государственное управление», предусматривающим перевод 99 % массовых услуг в электронный формат к 2030 году и внедрение типовых ИТ-систем;

- «Отечественные решения», направленным на переход на российское программное обеспечение с централизованной поддержкой и технологической унификацией;

- «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», включающим мероприятия по подключению к интернету сотен образовательных учреждений, обеспечению педагогов планшетами и формированию защищенной ИТ-инфраструктуры.

Указанные проекты требуют эффективной координации между исполнительными органами, образовательными учреждениями, операторами связи и поставщиками оборудования, что осуществляется под контролем Правительства Ульяновской области. Кроме того, региональное Правительство выполняет функции правового и финансового регулирования цифровизации, в частности через предоставление субсидий некоммерческим организациям и специализированным фондам на реализацию ИТ-проектов, что предусмотрено пунктом 4.4 государственной программы «Развитие информационного общества и электронного правительства в Ульяновской области» и соответствует положениям Бюджетного кодекса Российской Федерации [3], обеспечивая нормативно закреплённую прозрачность бюджетного распределения.

Несмотря на очевидный прогресс, анализ выявляет ряд структурных ограничений.

Во-первых, сохраняется дефицит собственных бюджетных средств, что усложняет долгосрочное планирование обновления серверной инфраструктуры и закупок отечественного программного обеспечения.

Во-вторых, цифровое неравенство между городскими и сельскими территориями препятствует реализации принципа равного доступа граждан к электронным

услугам, закреплённого в ч. 2 ст. 37 Устава Ульяновской области.

В-третьих, кадровый дефицит специалистов по кибербезопасности и аналитике данных порождает риски недостижения индикаторов национального проекта.

Наконец, отсутствие в базовом региональном законе прямых полномочий Правительства в сфере цифровой трансформации создает правовую лакуну, затрудняющую четкую идентификацию ответственности органов власти. С учетом выявленной проблемы представляется целесообразным нормативно закрепить цифровую компетенцию Правительства Ульяновской области через корректировку уставного регулирования. Логичным решением является дополнение ст. 27 Устава Ульяновской области пунктом 9 следующего содержания: «Правительство Ульяновской области — осуществляет меры по обеспечению цифровой трансформации исполнительных органов государственной власти, включая разработку и реализацию региональных программ цифровизации, внедрение информационных систем и цифровых платформ, организацию электронного взаимодействия с гражданами и организациями, координацию межведомственных цифровых инициатив, формирование ежегодного публичного отчета о достижении целевых показателей цифровой зрелости». Реализация указанного изменения устраним правовой пробел, гармонизирует региональное законодательство с Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [5], а также институционализирует ответственность Правительства за достижение национальных целей цифрового развития.

Закрепление цифровой функции на уставном уровне придаст правовой определенности всей системе регионального управления, обеспечит преемственность программных документов и усилит прозрачность деятельности исполнительной власти. В перспективе указанное позволит Ульяновской области не только достичь целевых показателей федеральных проектов, но и сформировать репутацию «цифрового полигона», открытого для апробации инновационных регуляторных и технологических решений, что соответствует стратегическому курсу Российской Федерации на построение высокотехнологичного государства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Закон Российской Федерации о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

4. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. — 2021 — № 52 (часть I). — Ст. 8973.
5. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20. ст. 2584.
6. Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. Национальные проекты. — <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения 05.01.2025).
7. Устав Ульяновской области (утв. постановлением Законодательного Собрания Ульяновской области от 19.05.2005 № 31/311) // Ульяновская правда. — 2005. — № 51 (22.365).
8. Закон Ульяновской области от 17.11.2016 № 164-ЗО «О Правительстве Ульяновской области» // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 18.11.2016.
9. Постановление Правительства Ульяновской области от 30.11.2023 № 32/646-П «Об утверждении государственной программы Ульяновской области «Развитие информационного общества и электронного правительства в Ульяновской области» // Ульяновская правда. — 2024. — № 7(24676).

Рассмотрение наследственных дел в судебном порядке

Карамышев Илья Олегович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена исследованию вопросов правовой регламентации наследственных дел в судах общей юрисдикции. Основное внимание уделено процессуальным аспектам рассмотрения наследственных споров в исковом и особом производстве. Особый акцент сделан на правилах определения подсудности и субъектах участия в наследственном процессе. Исследование позволяет сделать вывод о важности соблюдения установленной законом процедуры принятия наследства и правильного выбора подсудности при обращении в судебные органы.

Ключевые слова: наследование, судебный процесс, исковое производство, особое производство, наследственный спор.

Наследник обязан принять наследство, совершив установленные законом действия, обращаясь к нотариусу для получения свидетельства о праве на наследство. Вопросы, связанные с нарушением прав наследника или отсутствием правоустанавливающих документов, решаются судом. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ № 9 от 29.05.2012, дела о наследстве относятся к суду общей юрисдикции, независимо от субъектов и состава имущества.

В настоящее время судами общей юрисдикции рассматриваются наследственные дела в порядке искового и особого производства. Дифференциация указанных видов производств в первую очередь основана на наличии или отсутствии спора о праве. Как таковое понятие «спор о праве» нормативно не раскрывается. Рожкова М. А. определяет «спор о праве» как формально признанное разногласие между субъектами гражданского права, возникшее по факту нарушения или оспаривания субъективных прав одной стороны гражданского правоотношения другой стороной, требующее урегулирования самими сторонами или разрешения судом. Вместе с этим, круг лиц, участвующих в деле, объем их прав и обязанностей, процессуальный порядок исследования каждого наследственного дела обусловлены видом производства [1].

В рамках искового производства рассматриваются дела, в которых усматривается спор о праве. Сторонами по делу выступают истец и ответчик. Вместе с этим, истец — это

предполагаемый участник спорного материального правоотношения, обратившегося в суд, чье право предположительно нарушено или чей интерес оспорен ответчиком. Например, таким лицом может быть как наследник по закону, так и иное лицо, чьи права и обязанности затрагиваются в процессе наследования (кредитор). В свою очередь, ответчик — это лицо, указанное истцом в качестве предполагаемого нарушителя прав либо охраняемого законом интереса. [2, с. 169] [3, с. 57]

Согласно п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 № 9, при разрешении споров по делам, возникающим из наследственных правоотношений, судам надлежит выяснять, кем из наследников в установленном статьями 1152–1154 ГК РФ порядке принято наследство, и привлекать их к участию в деле в качестве соответчиков.

Вместе с этим, в соответствии с ст.23–27 ГПК РФ, все дела по спорам, вытекающим из наследственных правоотношений, в том числе по требованиям, основанным по долгам наследодателя (например, дела по искам о взыскании задолженности наследодателя по кредитному договору, по оплате жилого помещения и коммунальных услуг, по платежам в возмещение вреда, взысканным по решению суда с наследодателя и др.), подсудны районным судам.

Кроме того, в соответствии с ст.28 ГПК РФ, исковые заявления с требованиями, возникшими из наследственных

правоотношений, подаются в суд по месту жительства ответчика-гражданина или по месту нахождения ответчика-организации.

Кроме того, согласно п.3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании» от 29.05.2012 № 9, если же исковое заявление связано со спором о праве на недвижимое имущество, то дело подлежит рассмотрению судом по месту нахождения данного имущества.

При возникновении спора о правах на наследственное имущество, в состав которого входят несколько объектов недвижимости, находящихся на территории юрисдикции различных районных судов, а также о разделе такого имущества иск в отношении всех этих объектов может быть предъявлен по месту нахождения одного из них по месту открытия наследства. В случае, если по месту открытия наследства объекты недвижимости не находятся, иск подается по месту нахождения любого из них. Иными словами, если исковое заявление не содержит требований о признании права собственности на наследственное недвижимое имущество, оснований для применения правил исключительной подсудности не имеется и иск должен предъявляться согласно ст.28 ГПК по месту жительства ответчика. Иски кредиторов наследодателя до принятия наследства наследниками предъявляются в суд по месту открытия наследства. Иски, связанные с правами на недвижимое имущество, находящееся за границей, разрешаются по праву страны, где находится это имущество.

Литература:

1. Полякова В. Э. Спор о праве // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Версия Проф. — М., 2025. — Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Терегулова А. А. Процессуальный статус истца в гражданском процессе // Международный научный журнал «Символ науки». — 2016. — № 1. — С. 169
3. Лубкова В. В. Стороны в гражданском судопроизводстве // CETERIS PARIBUS. — 2022. — № 1. — С. 57
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» от 22.06.2021 № 18 // Российская газета. — 2021 г. — № 144.

Виды рецидива преступлений

Карамышев Илья Олегович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматриваются различные виды рецидива преступлений согласно действующему законодательству, включая простой, опасный и особо опасный рецидив, классифицированные по категориям преступлений и количеству судимостей. Особое внимание уделено отличиям между общими и специальными видами рецидива, характеризующими степень профессиональной криминальной активности субъекта. Анализируются понятия общего и специального рецидива, различия между однократным и многократным рецидивом, а также выделяются научные подходы к пониманию криминологического (фактического) и пенитенциарного рецидива. Приводятся мнения различных авторов относительно содержания и особенностей указанных понятий, подчеркивая важность изучения причин и факторов рецидивной преступности для разработки эффективных профилактических мер.

Вместе с этим, обязательный досудебный порядок разрешения данной категории споров законодательством не предусмотрен. То есть заинтересованное лицо имеет право подать исковое заявление без предварительного разрешения спора до обращения в суд. [4]

В свою очередь, исковое заявление должно быть составлено в соответствии со ст. 131 ГПК, которая предусматривает следующие реквизиты: наименование суда, в который подается иск, согласно подсудности; сведения об истце; сведения об ответчике; информацию о том, в чем заключается нарушение прав, обстоятельства, на которых основываются требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства; предъявляемые требования по иску; цену иска; перечень прилагаемых к исковому заявлению документов. К исковому заявлению прилагаются уведомления о направлении копии иска участникам дела, квитанция об уплате госпошлины и доверенность представителя (при наличии). Заявление подается лично, почтой или электронно. Судья принимает заявление в течение пяти дней, возбуждая гражданское дело.

Особенностью особого производства является отсутствие спора о праве, оно ведется по общим правилам искового производства с привлечением заявителя и заинтересованных лиц. Отличительной чертой особого производства является подача заявления об установлении юридического факта, необходимого заявителю, с доказательствами невозможности получения соответствующих документов иным способом.

Ключевые слова: рецидив, виды рецидива, простой рецидив, опасный рецидив, особо опасный рецидив.

В настоящее время законодатель выделяет три вида рецидива: простой, опасный и особо опасный. Критериями их разграничения выбраны категории умышленных преступлений и количество судимостей [1].

В простом рецидиве лицо совершает умышленное преступление после судимости за любое ранее совершенное умышленное преступление.

Опасный рецидив имеет место тогда, когда: лицо совершает тяжкое преступление за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два или более раз было осуждено за умышленное преступление средней тяжести к лишению свободы; лицо совершает тяжкое преступление, если ранее оно было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы.

Особо опасный рецидив характеризуется тем, что: лицо совершает тяжкое преступление, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы, если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы; лицо совершает особо тяжкое преступление, если ранее оно два раза было осуждено за тяжкое преступление или ранее осуждалось за особо тяжкое преступление.

Можно подчеркнуть, что чем тяжелее категория преступлений, тем меньше требуется судимостей для признания рецидива опасным и особо опасным.

Кроме того, в теории уголовного права в зависимости от характера совершенных преступлений принято делить рецидив на общий и специальный. Под общим рецидивом понимают совершение лицом, имеющим непогашенную (не снятую) судимость за ранее совершенное преступление, нового преступления, не однородного с предыдущим. Напротив, специальный рецидив характеризуется тем, что лицо, имея непогашенную судимость за ранее совершенное преступление, совершает новое преступление, тождественное или однородное с предыдущим. Специальный рецидив свидетельствует о степени профессионализма рецидивистов, повышенной степени общественной опасности, совершаемых преступлений [2].

В зависимости от числа последующих судимостей различают рецидив однократный и многократный. Однократный рецидив — совершение лицом, имеющим одну судимость за ранее совершенное преступление, нового умышленного преступления. К многократному рецидиву относится совершение лицом, имеющим две и более судимости за ранее совершенные преступления, нового умышленного преступления.

Как было упомянуто ранее, в научной литературе еще выделяется криминологический (фактический) и пенитенциарный рецидив.

Криминологический рецидив трактуется шире, чем уголовно-правовой, потому что криминолог в отличие от исследователя уголовно-правового профиля изучает сущ-

ность рецидивной преступности изнутри; находит её причины; а также особенности личностей тех, кто, несмотря на меры государственного воздействия за ранее совершенное преступление, совершает новое; прогнозирует их поведение; определяет наиболее эффективные меры предупреждения рецидивной преступности [3].

А. В. Шеслер под криминологическим рецидивом понимает совершение лицом более одного преступления независимо от того, привлекалось ли лицо к уголовной ответственности за предшествующие преступления, имеются или отсутствуют у него непогашенные судимости за ранее совершенные преступления, т. е. криминологический рецидив — это любая фактическая повторность преступлений [4].

Кроме того, Н. В. Ольховик и Л. М. Прокументов к криминологическому рецидиву относят возвращение лица, ранее совершавшего преступление, к преступной деятельности, несмотря на отрицательную оценку его действий со стороны государства, выразившуюся в назначении наказания или иных мер уголовно-правового воздействия [5].

Также исследователи делят криминологический рецидив на рецидив судимостей и фактический рецидив. Под рецидивом судимостей предполагается понимать все повторные преступления, совершенные лицами, ранее судимыми. Фактический рецидив включает все повторные преступления, совершенные лицами: с погашенной судимостью; во время предварительного следствия до вступления приговора в законную силу; лицами, освобожденными от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям [6].

Следующий вид рецидива — пенитенциарный. Поскольку термин «пенитенциарный» означает «тюремный», в большинстве источников под пенитенциарным рецидивом понимается совершение нового преступления осужденным, отбывающим наказание в местах лишения свободы.

Выделение пенитенциарного рецидива обусловлено тем, что преступление совершается лицом, в отношении которого уже применена мера уголовно-правового воздействия, но она не принесла желаемого результата в виде исправления осужденного, и это должно учитываться при разработке превентивного воздействия действующего законодательства в отношении данного лица, а также путей совершенствования исполнения и отбывания лишения свободы [7].

Следовательно, законодатель выделяет виды рецидива преступлений: простой, опасный и особо опасный. Критериями разграничения этих видов являются категории умышленных преступлений и количество судимостей. Также, в зависимости от характера совершенных преступлений принято делить рецидив на общий и специальный. Кроме того, в зависимости от количества судимостей у виновного лица выделяется однократный и многократный

рецидив. Можно добавить, что помимо уголовно-правового (легального) в юридической литературе выделяют крими-

нологический и пенитенциарный рецидив, которые обуславливают многообразие значений понятия «рецидив».

Литература:

1. Ольховик Н. В., Прокументов Л. М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. — Томск: Издательство Томского университета, 2009. — 29 с.
2. Уткин В. А., Шеслер А. В. Уголовное право. Общая часть. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. — 303 с.
3. Волконская Е. К. Понятие криминологического рецидива преступлений // Вестник Московского университета МВД России. — 2015. — № 9. — С. 64
4. Уткин В. А., Шеслер А. В. Уголовное право. Общая часть. — Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. — 304 с.
5. Ольховик Н. В., Прокументов Л. М. Рецидивная преступность осужденных и её предупреждение. — Томск: Издательство Томского университета, 2009. — 32 с.
6. Бурлаков В. Н., Сальников В. П., Степашин С. В. Криминология: Учебник для юридических вузов. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та МВД России, 1999. — 457 с.
7. Филиппова О. В., Садовникова М. Н. Пенитенциарный рецидив и пенитенциарная преступность: понятие и криминологическая характеристика // Сибирский юридический вестник. — 2017. — № 2 (77). — С. 76.

Использование идеологических методов в реализации антикоррупционной политики СССР (1929–1941 гг.)

Каукин Дмитрий Николаевич, студент
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует идеологические модели, использовавшиеся руководством СССР в период 1929–1941 гг. при построении системы противодействия коррупционным правонарушениям на примерах отдельных нормативных правовых актов, принятых в указанный период, а также анализирует уголовные дела, фигуранты которых были обвинены в преступлениях коррупционной направленности, при рассмотрении которых в качестве обоснования преступности их деяний использовалась терминология, носившая идеологический характер. Автор формирует выводы, направленные на повышение эффективности антикоррупционной политики современной Российской Федерации в части построения идеологических основ таковой.

Ключевые слова: идеологическая политика, социалистическое правосознание, противодействие коррупции, социалистическая идеология, социалистическое имущество, показательные судебные процессы.

Идеологическая политика государства, понимаемая как деятельность властных субъектов и органов государственной, муниципальной власти, направленная на формирование определенной системы ценностей, взглядов, правил и идеалов с целью формирования устойчивого уклада общественной жизни и достижения конкретных политических задач, является действенным инструментом, обеспечивающим вертикальную коммуникацию в парадигме отношений «государство-общество».

Выступая одним из инструментов донесения властной воли до неопределенно широкого круга граждан государства, идеология, как было указано выше, позволяет сформировать как общеприменимую, так и действующую в одной из отраслей жизни общества систему ценностей. По мнению А. И. Клименко, «посредством своей идеологической функции государство определяет формирование

правового и политического сознания граждан, что способствует укреплению общественной системы ценностей, достижению социально полезных целей» [2].

Используя ретроспективный метод, толкуемый Н. И. Шестовым как «движение мысли исследователя от современности к прошлому» [7], мы можем отметить следующее: руководство Советского Союза в период 1929–1941 гг., имея системные марксистско-ленинские взгляды на процесс социально-политического строительства, воспринимало идеологическую работу как важный фактор формирования социалистического правосознания советских граждан, оказывающий при этом весомое воздействие на сокращение уровня преступности, в т. ч. носящей коррупционный характер.

В целях конкретизации предмета, рассматриваемого в данной статье, стоит отметить следующее: идеологиче-

ские методы в антикоррупционной политике Советского Союза в период 1929–1941 гг. носили системный характер, включая в себя как установки, доносившиеся путем отдельных норм статей Кодексов и иных нормативных правовых актов, публикаций государственных печатных изданий, так и агитационной работы, выпуска пропагандистских материалов, ведения показательных судебных дел по коррупционным делам.

В первую очередь стоит отметить, что указанный исторический период был отмечен взятм курсом на индустриализацию советской экономики, ставшей частью «триединой задачи по коренному переустройству общества», практическая реализация которого была начата со стартом выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства в 1928–1932 гг. Во исполнение указанной цели в законодательство Советского Союза были внедрены нормативные правовые акты, должны укреплить сохранность социалистического хозяйства.

Одним из примеров нормативного правового акта, направленного на противодействие коррупции, носящего при этом элементы идеологического характера, является Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», закрепившееся в массовом сознании советских граждан как «Закон о трех колосках». Постановление, внедрившее в юридическую практику СССР термин «хищение социалистической собственности», было издано с целью противодействия «массовым хищениям государственного и колхозного имущества» [5].

Обратившись к тексту Постановления видим, что репрессии, внедряемые государством, обозначены здесь как «меры социальной защиты». При этом, п.1 ч.3 указанного Постановления, содержит следующую формулировку, носящую ярко выраженный идеологический характер: «противообщественные кулацко-капиталистические элементы» [5]. Таким образом, в целях противодействия коррупционной и иной деятельности, носившей деструктивный в отношении советской экономики характер, руководство коммунистической партии терминологически приравнивало граждан, вредящих хозяйству, к классово враждебным элементам, что свидетельствует об использовании отдельных идеологических методов в построении советской антикоррупционной политики в указанный период.

Отметим также, что одним из идеологических методов, направленных на предотвращение коррупционного поведения и антисоветской, контрреволюционной деятельности в указанный исторический период, было проведение показательных судебных процессов. Одним из таковых являлось дело «Союзного бюро меньшевиков» — открытый судебный процесс, прошедший 1–9 марта 1931 г. над группой из 14 советских хозяйственных работников. По версии ОГПУ СССР, фигуранты дела использовали связи с правящими кругами западных буржуазных

государств, а также с антисоветскими организациями политических эмигрантов, с целью получения материальной поддержки, направленной на разложение системы советского хозяйствования и возврата к системе капиталистических отношений.

Рассмотрение дела было проведено в открытом формате, изобилуя при этом терминологией, носившей классовый характер. Например, фигурантов дела обозначали как «контрреволюционную организацию» капиталистической направленности. Стоит отметить, что на момент 1931 г. в государстве действовала Конституция СССР 1924 г., составной частью которой была «Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик», содержащая в тексте намерение о противодействии советского государства «мировому капитализму» [3]. Следовательно, конкретизированное обвинение «Союзного бюро меньшевиков» в капиталистических намерениях деятельности носило не только характер описания конкретного состава уголовного правонарушения, но и определяло идеологический портрет преступников, большая часть которых в период «перестройки» была оправдана в результате работы комиссии под руководством А. Н. Яковлева.

Обратившись к архивным материалам, отметим, что представленные выше меры, направленные на противодействие коррупции и имеющие идеологический характер, в значительной степени повлияли на социалистическое правосознание граждан, их осознанное отношение к преступлениям коррупционной направленности. Так, 68 % дел о коррупционных нарушениях возбуждались по заявлениям граждан, при этом, в период 1933–1937 гг. («пятилетка коллективизации») количество лиц, осужденных за взяточничество, выросло в 3,2 раза относительно «пятилетки» 1928–1932 гг.

Оценивая эффективность антикоррупционной политики СССР в указанный период постфактум, мы можем отметить следующее: мероприятия, реализовывавшиеся советским руководством, направленные на укрепление советской экономической системы, развитие социалистического правосознания и противодействие коррупционным правонарушениям, мы можем определить как в целом эффективные. Однако, современные исследователи отмечают факт того, что такая политика в некоторых аспектах вела к нарушениям в режиме советской законности.

Так, по мнению российского историка О. В. Хлевнюка, репрессивные меры по делам коррупционной направленности часто носили характер инструмента для сведения политических счетов [6]. При этом, идеологическое обоснование необходимости ужесточения уголовного наказания являлось методом применения дополнительной аргументации при требовании об ужесточении уголовного наказания, что подтверждается вышеуказанными примерами.

Отметим также, что по мнению российского историка Е. А. Осокиной, коррупционные практики указанного периода были вызваны во многом особенностями

дефицитной экономики, особенно проявлявшейся в условиях форсированной индустриализации первых «пятилеток» [4].

Представленные выше положения, отражающие использование идеологических методов при реализации антикоррупционной политики СССР в 1929–1941 гг., позволяют современным исследователям сделать ряд выводов. Так, в первую очередь стоит отметить, что в условиях развития советского законодательства в указанный период, идеологические установки и правовые термины, носившие идеологический характер, имели значение в качестве инструментов легитимизации репрессивных мер, направленных на пресечение экономических преступлений.

Также идеологические начала в построении нормативных правовых актов антикоррупционной направлен-

ности, имели важное значение в укреплении социалистического правосознания советских граждан, аспектами которого являлись в т. ч. бережное отношение к социалистическому имуществу и борьба за достижения революции как аспектов марксистско-ленинской системы идеологических ценностей.

Таким образом, будучи современными исследователями правовой науки, мы можем сформировать следующий вывод: антикоррупционная идеологическая политика российского государства, направленная на пресечение преступлений коррупционной и экономической направленности, помимо высокой степени гласности при рассмотрении уголовных дел, должна также отвечать запросу на сохранение принципов справедливости при ведении уголовного судопроизводства.

Литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 84. Л. 12–15.
2. Клименко А. И. Взаимосвязь правового и политического сознания в осуществлении идеологической функции государства: дис.... канд. юрид. наук. М., 2005. 56 с.
3. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. 31 января 1924 г. // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. III. М., 1960. С. 40–54. (Утратил силу).
4. Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия». М.: РОССПЭН, 1998. 271 с.
5. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности» от 7 августа 1932 г. // СЗ СССР. 1932. № 62. Ст. 360. (Утратил силу).
6. Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015. 464 с.
7. Шестов Н. И. «Исторический» и «ретроспективный» методы современного политического исследования: проблемы использования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 203–211.

Особенности регулирования труда иностранных работников в России

Кафтаев Айрат Рафикович, студент

Научный руководитель: Девятов Олег Витальевич, старший преподаватель

Саратовская государственная юридическая академия

В статье автор исследует особенности трудоустройства мигрантов, регулирование этого процесса, а также основные проблемы, с которыми сталкиваются мигранты при трудоустройстве.

Ключевые слова: трудоустройство, мигранты, право.

Введение

В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков регулирование труда иностранных работников становится одной из ключевых задач для многих стран, включая Россию. Современные экономические и социальные изменения, такие как цифровизация и глобальная конкуренция, требуют пересмотра существующих норм и подходов к интеграции мигрантов в национальные трудовые системы. Увеличение числа иностранных работников в России обуславливает необходимость совершенствования законода-

тельства и практики, направленных на обеспечение их прав и возможностей для успешной адаптации.

Целью настоящего исследования является анализ действующего законодательства и практики регулирования труда иностранных работников в России, выявление существующих проблем и разработка рекомендаций по их устранению. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: изучить нормативно-правовую базу, определить основные барьеры для интеграции иностранных работников, а также предложить пути совершенствования условий их труда и адаптации.

Анализ нормативно-правового регулирования труда иностранных работников

Исторический обзор развития законодательства в области труда иностранных работников

Развитие законодательства в области труда иностранных работников в России прошло через несколько ключевых этапов, каждый из которых оказал значительное влияние на регулирование их трудовой деятельности. В 1993 году был принят Закон Российской Федерации «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который стал основой для формирования правового поля в данной сфере. Этот закон заложил фундаментальные принципы, регулирующие пребывание и трудовую деятельность иностранных граждан в стране. В 2002 году вступил в силу Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который уточнил права иностранных работников и обязанности работодателей, тем самым усилив правовую защищенность иностранных граждан и повысив ответственность работодателей. В 2010 году были введены квоты на привлечение иностранных работников, устанавливаемые ежегодно Правительством Российской Федерации в зависимости от потребностей экономики, что позволило регулировать поток иностранных специалистов с учетом текущих экономических условий. В 2014 году законодатель ввел требование для иностранных работников, трудящихся на основании патента, подтверждать знание русского языка, истории и основ законодательства Российской Федерации, что способствовало интеграции иностранных граждан в российское общество и повышение их профессиональной адаптации. Таким образом, последовательное развитие законодательства отражает стремление государства к созданию сбалансированной системы регулирования труда иностранных работников, учитывающей как интересы экономики, так и потребности общества.

Современные законодательные акты и их влияние на трудовую деятельность иностранных специалистов

Современное российское законодательство, регулирующее трудовую деятельность иностранных работников, представляет собой сложную и многосоставную систему нормативных актов. Основопологающим документом в этой области является Федеральный закон № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который определяет основные принципы и механизмы регулирования трудовой деятельности иностранных граждан, включая необходимость получения разрешений на работу или патентов. Система патентов, введенная в 2015 году для граждан стран СНГ, значительно упростила процесс легализации их трудовой деятельности, что способствовало увеличению числа официально зарегистрированных иностранных работников.

При этом важно учитывать, что «миграционная политика по регулированию трудовых ресурсов» рассматривается как деятельность органов государственной власти и государственного управления, направленная на регулирование перемещений трудовых мигрантов в целях устойчивого развития трудового рынка [9]. Таким образом, комплексный подход к регулированию трудовой миграции необходим для обеспечения стабильности на рынке труда.

Сравнительный анализ российского законодательства с международными стандартами

Сравнение российского законодательства с международными стандартами в области труда иностранных работников выявляет ряд существенных различий, которые оказывают значительное влияние на условия труда и социальную защиту мигрантов. Согласно данным Международной организации труда (МОТ), российское законодательство не полностью соответствует Конвенции МОТ № 97 о мигрантах, принятой в 1949 году. В частности, в России существуют ограничения в предоставлении равных условий труда и социальной защиты для иностранных работников, что противоречит принципам данной Конвенции. Отсутствие системы квот на привлечение иностранных работников в большинстве стран Европейского союза, где реализуется принцип свободного передвижения рабочей силы, создает дополнительные барьеры для иностранных специалистов, желающих работать в России. Кроме того, обязательное прохождение миграционного учета и медицинского освидетельствования, требуемое российским законодательством, представляет собой административные препятствия, не характерные для ряда других стран. Скорикова отмечает, что «статья рассматривает проблемы, связанные с неопределенностью терминологии, различиями в международных стандартах и национальных законодательствах, а также выявляет вызовы и тенденции в данной области». Таким образом, российское законодательство требует адаптации для большей гармонизации с международными стандартами, что может способствовать улучшению условий труда иностранных работников и их интеграции в российское общество.

Практика применения законодательства в различных отраслях экономики

Применение законодательства о труде иностранных работников в различных отраслях экономики России имеет свои особенности, обусловленные спецификой каждой сферы. В строительной отрасли иностранные работники составляют значительную долю трудовых ресурсов, достигая в 2020 году около 40 %. Это свидетельствует о высокой зависимости этой сферы от мигрантов, что связано как с физическим характером выполняемых работ, так и с нехваткой местных специалистов. Законодательство, ре-

гулирующее труд иностранных работников в строительстве, направлено на обеспечение их прав и соблюдение норм безопасности труда. При этом на практике возникают проблемы с оформлением документов и соблюдением трудовых прав, что требует дополнительного внимания со стороны регулирующих органов. Также важно учитывать особенности реализации права иностранных граждан из стран СНГ на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации, что является важным аспектом регулирования труда иностранных работников [7, с. 29].

Проблемы и перспективы интеграции иностранных работников в российскую трудовую систему

Основные барьеры для интеграции иностранных работников в российское общество

Языковые и культурные различия представляют собой значительные препятствия для интеграции иностранных работников в российское общество. Согласно исследованию Высшей школы экономики, около 70 % иностранных работников сталкиваются с трудностями из-за языкового барьера, что затрудняет их профессиональную деятельность и взаимодействие с коллегами. Кроме того, культурные различия, такие как различия в рабочей этике, восприятии времени и социальных нормах, особенно остро ощущаются среди работников из стран Средней Азии, что осложняет их адаптацию. Несмотря на это, лишь 15 % иностранных сотрудников проходят активные курсы русского языка, что ограничивает их возможности для профессионального роста и успешной интеграции. Это подчеркивает необходимость разработки и внедрения программ, направленных на преодоление языковых и культурных барьеров, что может значительно улучшить процесс адаптации иностранных работников в России.

Проблемы адаптации иностранных специалистов к российским условиям труда

Адаптация иностранных специалистов к российским условиям труда представляет собой многогранный процесс, сопряженный с рядом сложностей. Одной из главных проблем является языковой барьер, затрудняющий как профессиональное общение, так и взаимодействие в повседневной жизни. По данным Федеральной службы государственной статистики России за 2021 год, около 70 % иностранных работников сталкиваются с трудностями в понимании русского языка. Это существенно снижает их производительность и ограничивает возможности для профессионального роста. Саленко отмечает, что «в наш XXI век — век возможностей, быстрой обучаемости и способности гибко лавировать в обществе, иностранному гражданину тяжело с официальным устройством на работу в России» [6, с. 128]. Таким образом, языковой

барьер становится не только препятствием для интеграции в рабочую среду, но и ограничивает доступ к более широким карьерным возможностям.

Роль государственных и частных институтов в поддержке иностранных работников

Государственные институты играют важнейшую роль в регулировании и поддержке трудовой деятельности иностранных работников в России. Согласно данным Министерства труда России, в 2021 году было выдано более 1,5 миллиона разрешений на работу иностранным гражданам, что подчеркивает значимость их труда для национальной экономики. Важным шагом в упрощении процедур трудоустройства стало принятие федерального закона № 409-ФЗ в 2020 году, который ввел упрощенный порядок получения патента для иностранных граждан из стран с безвизовым режимом. Однако, несмотря на эти меры, около 80 % иностранных работников сталкиваются с трудностями в оформлении документов, что свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования системы государственной поддержки. В этой связи государственные учреждения продолжают развивать механизмы поддержки, направленные на упрощение административных процедур и создание благоприятных условий для интеграции иностранных специалистов в российскую трудовую систему.

Предложения по совершенствованию законодательства и улучшению условий труда

Международный опыт демонстрирует, что программы обучения языку и культуре страны пребывания способствуют успешной интеграции иностранных работников. Например, в Германии такие инициативы снизили уровень безработицы среди мигрантов на 15 %. Трудовая миграция, играющая все более значимую роль в мировом развитии, становится одним из ключевых факторов международной экономики. В России целесообразно разработать аналогичные инициативы, включающие курсы русского языка и культурной адаптации для мигрантов.

Заключение

Анализ особенностей регулирования труда иностранных работников в России выявил ключевые проблемы, связанные с несовершенством законодательства и сложностями интеграции иностранных специалистов в российскую трудовую систему. Исторический обзор продемонстрировал, что, несмотря на значительные изменения в законодательстве, оно не всегда соответствует современным требованиям экономики и общества. Современные нормативно-правовые акты требуют доработки для повышения их эффективности и соответствия международным стандартам. Практика применения законодательства в различных отраслях экономики также

выявила значительные недостатки, такие как сложность административных процедур и недостаточная поддержка иностранных работников со стороны государственных и частных институтов. Эти аспекты требуют пересмотра и улучшения для создания благоприятных условий труда и повышения уровня интеграции иностранных работников. Для решения выявленных проблем необходимо внести изменения в действующее законодательство, учитывая специфику труда иностранных работников. Важно создать условия для повышения уровня информированности иностранных специалистов о рынке труда и квал

ификационных требованиях. Также следует разработать программы обучения и повышения квалификации, что позволит повысить их конкурентоспособность. Рекомендуется активное участие государственных и частных институтов в поддержке иностранных работников, включая создание адаптационных центров и упрощение процедур оформления документов. Комплексный подход к улучшению условий труда иностранных работников обеспечит их успешную интеграцию в российскую трудовую систему и повысит эффективность их деятельности в экономике страны.

Литература:

1. Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции / под ред. АПНИ. — Белгород: [б. и.], 2017. — [б. с.].
2. Беляковцев А. Д. Особенности регулирования труда иностранных работников // Журнал «Трибуна ученого». — 2020. — Выпуск 12. — С. 68. [Электронный ресурс]. — URL: <http://tribune-scientists.ru>.
3. Давлетгильдеев Р. Ш. Международно-правовое регулирование труда на региональном уровне: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. — Казань, 2016. — [б. с.].
4. Мануйлопойло В. В. Применение труда иностранных работников в сфере сельского хозяйства в России // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2018. — № 5(21). — [Электронный ресурс]. — URL: Alley-science.ru.
5. Наука. образование. инновации: современное состояние актуальных проблем. Сборник научных трудов по материалам XIX Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 12 сентября 2023 г.) / под ред. Скориковой Е. Н. — Анапа: Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2023. — 183 с.
6. Наука Промышленность Оборона: труды XXI Всероссийской научно-технической конференции: в 4 т. / коллектив авторов; под редакцией С. Д. Саленко. — Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020. — 160 с.
7. Павловский А. С. Осуществление конституционного права иностранных граждан из стран СНГ на охрану здоровья и медицинскую помощь в России // Тенденции развития науки и образования. — 2018. — № 1. — С. 29–30. DOI: 10.18411/lj-31-01-2018-38.
8. Проблемы и перспективы становления гражданско-правового общества: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Пермь, 23 августа 2018 г.) / Коллектив авторов. — Стерлитамак: АМИ, 2018. — 58 с.
9. Сараева О. В. Миграционная политика как механизм регулирования трудовых ресурсов в Российской Федерации и Республике Татарстан: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Казань, 2006. — [б. с.].
10. Скворцова А. Республика Молдова — ЕС: возможна ли взаимность? // Moldova între Est și Vest. Identitatea națională și orientarea europeană. — Кишинев, 2001.
11. Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сборник научных трудов по материалам V Международной научно-практической конференции 30 ноября 2014 г.: в 6 ч. / Под общ. ред. М. Г. Петровой. — Белгород: ИП Петрова М. Г., 2014. — Часть IV. — 264 с.
12. Тюрюканова Е. О. О влиянии миграции на рынок труда // Страна Оз. — 2007. — № 4 (36). — URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=38&article=1502>.
13. Урунов А. А. Динамика миграционных процессов в постсоветском пространстве и их влияния на состояние рынка труда России // Fundamental research. — 2017. — № 10. — С. 150.
14. Чернов Ю. И., Шепелева О. Д. Проблемы регулирования трудовой миграции в российских регионах // Научный журнал «Эпомен». — 2019. — № 34. — С. 300–301 [Электронный ресурс]. — URL: <http://epomen.ru/issues/2019/34/Epomen-34-2019.pdf>.

Электронное правосудие: теория и практика

Кирмизов Михаил Сергеевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье рассматривается электронное правосудие, которое обусловлено не только стремительным развитием цифровых технологий, но и необходимостью их интеграции в систему судебных органов. В условиях глобализации и растущих требований к эффективности и прозрачности правосудия страны все активнее внедряют системы, позволяющие ускорить судебные процессы, а также сделать правосудие общедоступным и повысить качество судебных заседаний. В России важным шагом в этом направлении стало принятие ряда нормативных правовых актов, которые регулируют использование информационных технологий в судах, например системы электронного правосудия ГАС «Правосудие» и других, способствующих качественной работе и взаимодействию судов с гражданами.

Ключевые слова: электронное правосудие, ГАС «Правосудие», судебный процесс, исковое заявление, интернет-портал, Евразийский экономический союз.

Electronic justice: theory and practice

Kirmizov Mikhail Sergeevich, student master's degree
The Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

The article discusses electronic justice, which is due not only to the rapid development of digital technologies, but also by the need for their integration into the system of judicial bodies. In the context of globalization and growing requirements for the efficiency and transparency of the country, everyone actively introduces systems that can accelerate trials, as well as so that justice is publicly available, but of course to improve the quality of court hearings. In Russia, an important step in this direction was the adoption of a number of normative legal acts, which it is precisely the regulation of the use of information technologies in courts, such as on the example of the system of electronic justice "GAS Justice" and other sites that contribute to the quality work of the courts and interaction with citizens.

Keywords: electronic justice, GAS Justice, trial, claim, Internet portal, Eurasian Economic Union.

Электронное правосудие — это способ и форма осуществления процессуальных действий, при которых современные технологии используются для улучшения работы судебной системы, обеспечения более удобного взаимодействия всех участников судебного процесса. В его основе лежит использование интернета, цифровых платформ и других современных методов для упрощения процедур, связанных с подачей исковых заявлений в суд, обработкой документов, а также проведением заседаний и вынесением судебных решений [17].

До появления электронного правосудия все подобные действия в обязательном порядке требовали личного присутствия сторон в судебных залах, подачи документов, а также обмена информацией за счет отправки необходимых бумаг по почте или курьером, однако сегодня все эти процессы перенесены в цифровую сферу. Это означает, что граждане, адвокаты и другие участники судебного процесса могут работать с делами, не выходя из дома, и именно такой способ работы делает систему более доступной и удобной для большинства граждан и юристов.

Основным преимуществом электронного правосудия является повышение удобства для всех сторон. Например, можно подать иск через интернет, не тратя время и деньги на поездку в суд. Можно отслеживать статус дела онлайн, получать уведомления о ходе процесса и судебных реше-

ниях по электронной почте либо на мобильное устройство, что делает систему более оперативной и надежной. В некоторых странах уже возможны видеозаседания, то есть участники могут учувствовать в судебном процессе, находясь дома, и судьи также выносят решение онлайн. Все это ускоряет судебный процесс.

Одним из главных аспектов цифровизации судебных процессов является использование специальных платформ, с помощью которых могут взаимодействовать участники. Такие платформы позволяют загружать документы, отслеживать их статус и получать уведомления. Это не только экономит время и ресурсы, но и делает правосудие доступным для людей, которые живут в отдаленных районах, где нет судов.

Чтобы данные, которые передаются через интернет, не стали доступными злоумышленникам, важно обеспечить высокий уровень безопасности.

Итак, электронное правосудие — это прежде всего возможность осуществлять процессуальные действия в электронной форме. При этом термин «электронное правосудие» необходимо отличать от термина «цифровое правосудие»: в первом случае речь идет о свойствах носителя информации, во втором — о форме существования данных. Разница в терминах существенна, так как форма хранения информации определяет свойства среды.

Так, цифровое правосудие предполагает переход большей части коммуникаций в цифровую среду, тогда как электронное правосудие подразумевает в основном осуществление судами разрешения правовых конфликтов посредством информационно-коммуникационных технологий, прежде всего электронного документооборота и системы видео-конференц-связи, результаты которых отображаются в информационной системе [14].

Внедрение современных информационных технологий в судебную систему уже позволило значительно повысить уровень доступа населения к правосудию, улучшив его качество и одновременно снизив сроки рассмотрения дел в суде, создать для российского общества и средств массовой информации условия быстрого получения информации о деятельности судов [18].

С развитием информационных технологий электронное правосудие намного сократило и ускорило судебные процессы. Электронное судопроизводство — это целая система, которая охватывает все этапы судебного процесса, начиная с подачи исковых заявлений и заканчивая вынесением решений судами. В этом контексте используются различные онлайн-сервисы, которые помогают участникам судебного процесса — истцам, адвокатам, юристам, ответчикам, судьям — спокойно и просто взаимодействовать через интернет. Более подробно разберем их ниже.

Поговорим об одном из самых важных шагов в развитии электронного правосудия — подаче исковых заявлений через интернет. Раньше нужно было ездить в суд, распечатать документы на бумаге, и регистрировать или передавать все заявления через канцелярию, но сейчас это можно сделать через интернет. В России возможны несколько способов.

Первый — через государственные порталы, например «Портал государственных услуг Российской Федерации» («Госуслуги»). Зарегистрировавшись на этом сайте, через свой личный кабинет можно подавать заявления в суд: выбрать нужный тип иска, прикрепить к нему все необходимые документы и даже оплатить государственную пошлину. Все документы подаются в электронном виде в формате pdf.

Второй вариант — официальный сайт суда. Каждый суд имеет свой сайт с формой для отправки искового заявления, жалобы, ходатайства. Если вдруг были загружены не все документы, суд останавливает продвижение искового заявления по причине нехватки документов, а пользователю приходит уведомление. Передать недостающие документы также можно через интернет. Такая процедура возможна как на сайте Мосгорсуда, так и на сайте ГАС РФ «Правосудие». С помощью мобильных приложений «Судебное дело», «Электронное правосудие», «Госуслуги» можно отслеживать весь ход судебного процесса.

Поговорим о ходе электронных судебных разбирательств и онлайн-заседаниях, поскольку ключевым достижением в области электронного судопроизводства стало именно последнее.

У любой системы есть свои плюсы и минусы, и электронное судопроизводство — не исключение. Перечислим плюсы:

1. Удобство: все документы подаются онлайн, никуда ездить не нужно, участники экономят свое время и деньги.
2. Скорость: дело может быть рассмотрено быстрее, поскольку не нужно стоять в очереди на регистрацию искового заявления, тратить время в дороге и проч.
3. Доступность: у участников, которые не могут приехать в суд, есть возможность контролировать ход процесса, следить за вынесением решений суда и так далее через сайт суда или платформу, посредством которой подавались документы.

К проблемам, требующим решения, можно отнести:

1. Технические сложности: в большинстве случаев они касаются недостаточности знаний для использования новых технологий (например, пожилые люди могут испытывать трудности в работе с электронными системами).
2. Безопасность данных: это самая важная составляющая электронного судопроизводства. Необходимо обеспечить высокую степень защиты данных граждан, чтобы не допустить утечки информации.
3. Электронная подпись: иногда ее наличие необходимо, но не у всех граждан она есть.

Мы прогнозируем активное использование технологий искусственного интеллекта в будущем с целью обработки дел, автоматической сортировки исковых заявлений, предварительного анализа документов для автоматического определения подсудности. Итак, электронное правосудие меняет подход к судебным разбирательствам и делает правосудие доступным для различных категорий людей [20].

В ходе одного из дел, рассмотренных Верховным судом Российской Федерации, ответчик пытался оспорить отсканированный документ, переданный в суд в качестве доказательства, с целью определения его подлинности. Ответчик утверждал, что документ был подделан, и просил предоставить оригинал. Суд, рассмотрев дело, вынес решение о том, что электронные документы имеют такую же юридическую силу, как и на бумажных носителях, если они подписаны цифровой подписью; в случае необходимости они будут проверены законным способом.

При рассмотрении другого дела суд также признал, что электронные доказательства не могут считаться достоверными, пока не будут проанализированы данные предоставленных документов; без этого суд не может удовлетворить исковое заявление. С этой целью необходимо усовершенствовать законодательство, которое сможет признать и оценить подлинность документов в ходе судебного разбирательства.

Существуют проблемы с идентификацией участников процесса. Например, один из участников процесса в Свердловском областном суде заявил, что сомневается в подлинности личности другого, поскольку камера участника не показывала его лицо четко и ясно. На осно-

вании этого суд был вынужден приостановить рассмотрение дела и перенести его, то есть провести повторно, но уже с проверкой личных данных с привлечением нотариуса. В соответствии с ГК каждый участник судебного разбирательства имеет право на надлежащую идентификацию и участие в процессе, а судьи, в свою очередь, должны обеспечить безопасность от мошеннических действий и подмены участников.

Судебная система Российской Федерации является консервативным механизмом и не всегда успевает быстро реагировать, устраняя проблемы и внедряя новые технологии. Также процесс цифровизации правосудия может замедляться по причине недоверия граждан, а также судей к технологиям. С учетом всех перечисленных фактов можно заключить: чтобы электронное правосудие в РФ стало более доступным и безопасным, оно должно развиваться.

Усовершенствование законодательства в сфере электронного правосудия в современном мире является актуальной темой и серьезным вопросом для обсуждений. Информационные технологии в электронном судопроизводстве XXI века развиваются настолько быстро, что требуют объединения цифровых решений для реализации судебного процесса, поскольку это повышает доступность, призрачность судопроизводства и снижает административные издержки. Однако такой процесс требует внимательного подхода к вопросам правового регулирования.

Для дальнейшего развития электронного правосудия необходимо дополнить содержание нескольких законов, которые непосредственно касаются электронного правосудия: например, в области подачи исковых заявлений, использования электронных доказательств, безопасности данных и защиты прав участников. Рассмотрим, какие законы необходимо дополнить [13].

1. В первую очередь в дополнении нуждается Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а именно статья 131 «Порядок подачи искового заявления» — в отношении норм, которые касаются подачи исковых заявлений в электронном виде. Необходимо добавить механизмы, которые позволят подавать иски с помощью онлайн-платформ, прописать требования к достоверности документов электронной подписью, а также добавить пункт о возможности для граждан самостоятельно проверять электронные документы через ЕСИА [4].

Следующая статья — статья 167 ГПК — касается доказательств. Необходимо доработать нормы в отношении признания и оценки доказательств, то есть прописать правила и определить механизмы проверки документов на подлинность (в том числе это касается использования электронной почты, сообщений в мессенджерах и так далее), установить четкие нормы оценки доказательств, включая критерии достоверности и допуска в суде.

В статье 169 ГПК «Отложение разбирательства дела» говорится о возможности проведения судебных заседаний с использованием видео-конференц-связи, однако

не упоминается, при каких обстоятельствах и на каких условиях это возможно.

Предлагаемые изменения: добавить четкие правила, определяющие, кто и при каких условиях может участвовать в судебном заседании посредством видеоконференции. Например, установить, что видео-конференц-связь может использоваться только в случае, если это согласовано судом. Участники процесса должны предварительно пройти проверку технической готовности (наличие камеры, микрофона, стабильное подключение к интернету) [5]. Формулировка может звучать следующим образом: «Суд может провести заседание с использованием видео-конференц-связи, если все участники процесса подтверждают техническую готовность к участию и если суд признал использование видео-конференц-связи подходящим для рассмотрения дела. Судья также имеет право потребовать личного присутствия сторон в случае необходимости».

2. Арбитражный процессуальный кодекс (АПК РФ) — «Порядок подачи искового заявления». Закон позволяет подавать иски в электронном виде через специализированные платформы, но не уточняет порядок использования систем с этой целью, например системы «Картотека арбитражных дел» [25].

Формулировка в новой редакции может звучать так: «Иски и другие процессуальные документы могут подаваться через систему “Картотека арбитражных дел” или аналогичные системы, обеспечивающие электронную подачу. Все данные, передаваемые через систему, должны быть защищены с использованием квалифицированного шифрования для обеспечения конфиденциальности».

3. Федеральный закон «Об электронном документообороте» (№ 63-ФЗ). В настоящее время закон регулирует использование электронных документов и электронной подписи, но не дает конкретных указаний по работе с электронными доказательствами в ходе судебных разбирательств.

Формулировка в новой редакции может звучать так: «Электронные доказательства, такие как электронные письма, цифровые фотографии, видеофайлы и другие документы, предоставляются в суд в защищенном формате и должны быть подписаны квалифицированной электронной подписью. Суд имеет право запрашивать дополнительные доказательства для подтверждения подлинности документов» [7].

4. Закон о защите персональных данных (№ 152-ФЗ). Закон регулирует обработку персональных данных, однако применительно к контексту электронного правосудия не всегда достаточно четко прописаны меры защиты данных при их передаче в суды.

Формулировка в новой редакции может звучать так: «Персональные данные, передаваемые через электронные каналы в судебную систему, должны быть защищены с использованием шифрования, а доступ к таким данным должен быть ограничен только кругом уполномоченных

лиц. Все судебные акты, содержащие персональные данные, должны быть представлены в анонимизированном или в зашифрованном виде, если это необходимо для защиты конфиденциальности сторон» [9].

Приведенные выше примеры показывают, как можно усовершенствовать существующие законодательные акты в области электронного правосудия. Это поможет повысить прозрачность, безопасность и доступность судебного процесса, а также сделать его более современным и эффективным, поскольку электронное правосудие — это инновационное явление в сфере правовой деятельности, которое объединяет современную технологическую инфраструктуру с правовыми процессами.

Итак, мы рассмотрели теоретические основы электронного правосудия. В рамках этой концепции ключевыми являются такие элементы, как автоматизация судебных процессов, обеспечение безопасности данных, взаимодействие судов с гражданами и организациями через интернет-платформы и системы.

В России на сегодняшний день существует несколько систем электронного правосудия, например ГАС «Правосудие», которая позволяет гражданам подавать иски

в электронном виде. Важным шагом к развитию электронного правосудия стало проведение онлайн-заседаний, которые позволяют гражданам участвовать в процессе, не покидая свои дома или офисы.

Для эффективности функционирования электронного правосудия необходимо усовершенствовать законодательство — в первую очередь в области защиты данных граждан и обеспечения юридической силы электронных документов. Законодательство должно разработать четкие правила работы с цифровыми доказательствами, а также гарантировать права граждан на использование электронных сервисов в ходе судебных процессов. В России это потребует значительных инвестиций в IT-ресурсы, обучения кадров, а также создания надежных систем защиты данных.

Другим важным аспектом проблемы является практическое внедрение электронного правосудия. Для этого необходимо усовершенствовать не только техническую сторону, но и повысить осведомленность граждан и юридических лиц о возможностях электронных судов, разработать соответствующие инструкции и обучающие материалы.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). — URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023, с изм. от 16.05.2023). — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7279>
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, статья 12. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18837>
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, статья 131. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18837>
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ, статья 169. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18837>
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024), статья 41. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18937>
7. Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32938>
8. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» от 13.07.2015 № 223-ФЗ. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376337>
9. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24154>
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 3 (ред. от 25.12.2018) «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации». — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=9&nd=204003167&collection=1
11. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 № 251 (ред. от 23.01.2024) «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71477352/>
12. Алпаткин, И. В. Информационные технологии в деятельности арбитражных судов / И. В. Алпаткин, К. А. Шумова // Бюллетень науки и практики. — 2021. — № 6. — С. 388–392.
13. Гриценко, Е. В. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России / Е. В. Гриценко, Ю. А. Ялунер // Сравнительное конституционное обозрение. — 2020. — № 3. — С. 97–129.
14. Даниелян, Д. Р. Проблемы специализации судебной деятельности в условиях информационной трансформации судебной системы / Д. Р. Даниелян // Мировой судья. — 2022. — № 6. — С. 2–7.

15. Крисько, В. С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы / В. С. Крисько // Администратор суда. — 2019. — № 1. — С. 54–56.
16. Лошкарев, А. В. Актуальные тенденции внедрения цифровых технологий в системе правосудия Российской Федерации / А. В. Лошкарев // Вопросы экономики и права. — 2022. — № 3 (165). — С. 21–27. — DOI: 10.14451/2.165.21
17. Малинский, Ю. В. Информатизация деятельности судов Российской Федерации и мира / Ю. В. Малинский // Российский судья. — 2021. — № 6. — С. 39–42.
18. Несмеянова, С. Э. Информатизация правосудия: новые возможности? / С. Э. Несмеянова // Конституционное и муниципальное право. — 2019. — № 12. — С. 31–35.
19. Птахин, Д. И. Современные тренды российского судопроизводства при разрешении гражданских дел // Российский судья. — 2022. — № 4. — С. 29–33.
20. Салимов, Р. М. Проблемы информатизации судебной деятельности / Р. М. Салимов // COLLOQUIUM-JOURNAL. — 2019. — № 10–10 (34). — С. 88–89.
21. Суровцева, Н. Г. Нормативно-правовое регулирование работы с электронными документами в судебных учреждениях / Н. Г. Суровцева, Э. В. Ломакина // Делопроизводство. — 2021. — № 4. — С. 15–19.
22. Суровцева, Н. Г. Электронные документы и информационные системы в суде. Зарубежный опыт / Н. Г. Суровцева, Э. В. Ломакина // Делопроизводство. — 2022. — № 1. — С. 87–93.
23. Удовенко, О. Б. Актуальные проблемы информатизации судебной системы / О. Б. Удовенко // Ученые записки Казанского филиала Российского государственного университета правосудия. — 2020. — Т. 16. — С. 468–477.
24. Хисамов, А. Х. Информатизация правоприменительной деятельности как фактор совершенствования механизмов упрощенного судопроизводства в гражданском процессе / А. Х. Хисамов, Р. В. Шакирьянов // Арбитражный и гражданский процесс. — 2020. — № 8. — С. 14–20.
25. Ярошенко, Т. В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) / Т. В. Ярошенко // Мировой судья. — 2021. — № 3. — С. 34–38.

Реализация административной ответственности государственных служащих: квалификация правонарушения, обстоятельства и виды наказаний

Кисаримов Артем Алексеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Сацкевич Татьяна Константиновна, кандидат юридических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности реализации административной ответственности государственных служащих в Российской Федерации. Анализируются вопросы квалификации административных правонарушений, совершаемых государственными служащими, исследуются обстоятельства, влияющие на применение административных наказаний, а также рассматриваются виды административных наказаний, применяемых к данной категории лиц. На основе анализа нормативно-правовой базы и правоприменительной практики формулируются предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: административная ответственность, государственный служащий, административное правонарушение, квалификация, обстоятельства, административное наказание.

Актуальность

Административная ответственность государственных служащих является важным инструментом обеспечения законности и эффективности государственного управления. Государственные служащие, выполняя публичные функции, несут особую ответственность перед обществом, и их деятельность должна соответствовать высоким стандартам законности и профессиональной этики. Нарушение этих стандартов влечет за собой административную ответственность,

которая, в свою очередь, направлена на предотвращение и пресечение правонарушений, а также на восстановление нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей реализации административной ответственности государственных служащих, включая вопросы квалификации правонарушений, учета обстоятельств, влияющих на применение наказаний, и анализ видов административных наказаний, применяемых к данной категории лиц.

Квалификация административных правонарушений, совершаемых государственными служащими

Квалификация административного правонарушения представляет собой процесс определения соответствия совершенного деяния признакам состава административного правонарушения, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) или иными законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Особенностью квалификации административных правонарушений, совершаемых государственными служащими, является то, что деяния, совершаемые ими в связи с исполнением служебных обязанностей, могут быть квалифицированы по специальным составам административных правонарушений, предусматривающим повышенную ответственность. К таким составам относятся, например, нарушения в сфере государственной службы, коррупционные правонарушения, нарушения порядка рассмотрения обращений граждан и организаций, а также нарушения требований по предотвращению и урегулированию конфликта интересов.

Важным аспектом квалификации является установление связи между деянием и исполнением служебных обязанностей. Если правонарушение совершено вне связи с исполнением служебных обязанностей, государственный служащий несет административную ответственность на общих основаниях.

Обстоятельства, влияющие на применение административных наказаний к государственным служащим

При назначении административного наказания государственному служащему учитываются общие обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность, предусмотренные ст. 4.2 и 4.3 КоАП РФ. Однако в силу особого правового статуса государственного служащего некоторые обстоятельства могут иметь особое значение при определении вида и размера административного наказания.

К обстоятельствам, смягчающим административную ответственность государственного служащего, могут относиться:

- совершение правонарушения впервые;
- добровольное устранение последствий правонарушения;
- оказание содействия органу, осуществляющему производство по делу об административном правонарушении;
- совершение правонарушения под влиянием тяжких личных или семейных обстоятельств.

К обстоятельствам, отягчающим административную ответственность государственного служащего, могут относиться:

- повторное совершение однородного административного правонарушения;
- совершение правонарушения в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения;
- совершение правонарушения с использованием служебного положения.

Необходимо отметить, что обстоятельства, связанные с профессиональной деятельностью государственного служащего, такие как его опыт работы, занимаемая должность, наличие наград и поощрений, также могут учитываться при назначении административного наказания.

Виды административных наказаний, применяемых к государственным служащим

К государственным служащим могут применяться все виды административных наказаний, предусмотренные КоАП РФ, в том числе: предупреждение, административный штраф, отстранение от должности, административный арест.

Размер административного штрафа, налагаемого на государственного служащего, может быть выше, чем для обычных граждан, в силу его особого правового статуса и возложенной на него ответственности.

В связи с вышеизложенным, привлечение государственного служащего к административной ответственности не исключает возможности применения к нему дисциплинарного взыскания в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».

Проблемы реализации административной ответственности государственных служащих и пути их решения

В практике применения административной ответственности государственных служащих существуют определенные проблемы, такие как:

- сложность разграничения административных правонарушений и дисциплинарных проступков;
- недостаточное количество специальных составов административных правонарушений, учитывающих специфику деятельности государственных служащих;
- трудности с доказыванием вины государственного служащего в совершении административного правонарушения;

Для совершенствования законодательства об административной ответственности государственных служащих предлагается уточнить критерии разграничения административных правонарушений и дисциплинарных проступков и расширить перечень специальных составов административных правонарушений, учитывающих специфику деятельности государственных служащих, а также установить четкие правила доказывания вины государственного служащего в совершении административного правонарушения.

тивного правонарушения в том числе и для того, чтобы усилить контроль за деятельностью контролируемых органов.

Выводы

Административная ответственность государственных служащих является важным механизмом обеспечения законности и эффективности государственного управления.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
3. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс: полный курс / Ю. А. Тихомиров. — М.: Юрайт, 2020.

Незаконная организация и проведение азартных игр

Ковешникова Ангелина Ивановна, студент

Научный руководитель: Клоченко Лариса Николаевна, кандидат юридических наук, кандидат филологических наук, доцент

Российский новый университет (г. Москва)

Статья посвящена рассмотрению судебной практики относительно незаконной организации и проведения азартных игр. Автор приводит в пример судебную практику, по рассматриваемому вопросу. В статье указывается мнение экспертов, на основании чего люди готовы поддаться игре на удачу.

Ключевые слова: азартные игры, игра на удачу

Незаконная организация и проведение азартных игр преследуется уголовным законом. Ответственность за указанные действия предусмотрена ст. 172.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). [1]

В соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 № 244-ФЗ (далее Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ) азартная игра — это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры. [2]

Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ закрепляет, что классический игорный бизнес разрешен только в специальных зонах:

1. Республика Крым;
2. Алтайский край;
3. Краснодарский край;
4. Приморский край;
5. Калининградская область. [2]

Другие регионы Российской Федерации не относятся к территориям, разрешенным для проведения азартных игр, но указанный бизнес продолжает существовать. От-

Правильная квалификация правонарушений, учёт обстоятельств, влияющих на применение наказаний, и справедливое применение административных наказаний способствуют повышению ответственности государственных служащих за свои действия и укреплению доверия граждан к государственным институтам. Совершенствование законодательства в данной сфере является важным направлением деятельности органов государственной власти и требует дальнейшего научного изучения.

крываются подпольные казино, тотализаторы, интернет-клубы, в которых роль игровых автоматов отведена компьютерам.

В большинстве случаев обвинительные приговоры основываются на том, что азартные игры проводились на несоответствующих для этого территориях и в основном группой лиц. Для наглядности рассмотрим несколько обвинительных приговоров.

Октябрьский районный суд города Архангельска приговорил к лишению свободы 8 человек, которые виновны в незаконной организации и проведении азартных игр, а именно в организации и проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и средств связи, в том числе подвижной связи, совершенные организованной группой, сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере. Действуя в составе организованной группы в период с 01.01.2019 по 24.03.2023, из корыстных побуждений, умышленно, с целью незаконных организации и проведения азартных игр, извлечения незаконного дохода и личного обогащения, находясь в городах Архангельске и Санкт-Петербурге, совершили на территории города Архангельска и поселка Уемский Приморского района Архангельской области незаконные организацию и проведение

азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и средств связи, в том числе подвижной связи, сопряженные с извлечением дохода в особо крупном размере. [3]

Самарским районным судом города Самары было привлечено к ответственности 4 человека, которые обвинялись в незаконной организации и проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны, группой лиц по предварительному сговору. [4] В рассматриваемом судебном решении указывается, что незаконная деятельность проводилась на территории города Самары, который не входит в список регионов, на территории которых разрешено проведение азартных игр.

В своем исследовании психолог Джэнгурова Людмила Григорьевна приводит аргумент, что одной из важнейших составляющих привлекательности казино является эмоциональный отклик, который появляется у игроков. Красивое здание, красивый интерьер, люди красиво одетые. Также можно отметить яркую атмосферу, музыку, освещение и специфическую обстановку, которые стимули-

руют выброс гормонов радости и счастья и вызывают чувство эйфории, усиливая желание продолжать игру.

Часто посетители теряют ощущение времени и контроль над финансовыми средствами, что дополнительно способствует увеличению доходов казино. [5]

К психологическим аспектам привлечения людей к азартным играм автор относит:

1. Люди склонны верить, что их действия влияют на конечный результат, даже если исход полностью случаен.
2. Желание соответствовать окружающим или стремление показать себя успешным создает мотивацию к азартным играм.
3. Для некоторых людей азартные игры становятся источником адреналина и острых ощущений. [5]

С указанной точкой зрения нельзя не согласиться, ведь большинство людей идут в казино или ищут игровые автоматы ради того, чтобы испытать удачу, «хапануть» адреналина или просто заработать денег, но в итоге остаются ни с чем. Большинство азартных игр устроено против игрока, и только опытные люди смогут действительно заработать на этом.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 02.05.2025)
2. Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» от 29.12.2006 N 244-ФЗ (ред. 22.07.2024)
3. Приговор Октябрьского городского суда города Архангельска от 16 декабря 2024 г. по делу N 1–131/2024 <https://sudact.ru/regular/doc/GMfxyEKZ5NVR/>
4. Приговор Самарского районного суда города Самары от 11 декабря 2024 г. по делу N 1–167/2024 <https://sudact.ru/regular/doc/DbED2fiXugVS/>
5. Джэнгурова Л. Г. Азартные игры или иллюзия выигрыша. — URL: https://www.b17.ru/article/azartnye_igry_ili_illyuzii_vyigrysha/

Наследственные права несовершеннолетних: некоторые проблемы реализации

Колесникова Карина Андреевна, студент

Научный руководитель: Пурге Анна Роландовна, доктор юридических наук, доцент
Владивостокский государственный университет

В статье рассматривается правовой статус несовершеннолетнего как субъекта наследственных правоотношений. Обсуждаются особенности реализации наследственных прав несовершеннолетними, а также роль законных представителей в этом процессе. Исследуется влияние возрастных ограничений и условий, предусмотренных законодательством, на способность несовершеннолетних участвовать в наследственных отношениях.

Ключевые слова: наследственное право, несовершеннолетний, наследственная правосубъектность, правоспособность, дееспособность, законные представители, органы опеки и попечительства.

Право на наследование является одним из фундаментальных прав человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Особое место в системе наследственных отношений занимают несовершеннолетние, чьи права и интересы нуждаются в усиленной правовой

защите в силу их возраста и ограниченной дееспособности. Наследование для несовершеннолетнего часто происходит в условиях потери близкого человека, что делает процесс оформления и управления наследством еще более чувствительным и требующим особого подхода.

Несмотря на достаточно детальное правовое регулирование наследственных отношений в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ), на практике возникают многочисленные проблемы, связанные с реализацией наследственных прав несовершеннолетних наследников. Эти проблемы могут быть обусловлены как пробелами в законодательстве, так и сложностями правоприменительной практики, а также недобросовестными действиями третьих лиц.

Целью данной статьи является анализ основных проблем, с которыми сталкиваются несовершеннолетние наследники и их законные представители при реализации наследственных прав, а также выработка предложений по их решению.

Любой наследник, независимо от его возраста, может наследовать любое имущество, каким бы оно не было как по своему назначению, так и по его стоимости. Законодательством не закреплены какие-либо ограничения, касающиеся возраста наследника. Однако на практике часто возникает проблема в реализации наследственных прав наследников, не достигших совершеннолетнего возраста, в связи с тем, что ввиду отсутствия у несовершеннолетнего полной дееспособности (которая возникает с 18 лет), он не может самостоятельно реализовывать данное право, что требует участия его законных представителей. Законодательством предполагается, что законный представитель несовершеннолетнего должен действовать только в интересах своего подопечного, защищая его права и интересы как наследника [1, с. 55].

Вопрос о принятии наследства либо об отказе от наследства или обязательной доли в наследстве зависит не только от действий законного представителя несовершеннолетнего, но и от того к какой возрастной группе он относится.

Так, несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет, вправе совершать сделки только с письменного согласия законного представителя (ст. 26 ГК РФ). А за несовершеннолетнего, не достигшего возраста 14 лет, сделки могут совершать только его законные представители (ст. 28 ГК РФ). Предполагается, что несовершеннолетний, достигший возраста 14 лет, уже вправе самостоятельно принимать решения об его участии в той или иной сделке, в том числе совершать такие односторонние сделки, как принятие наследства [2, с. 34].

В силу возраста и отсутствия жизненного опыта ребенку, вступающему в права наследования, трудно самостоятельно реализовать и в случае необходимости защитить свои права, ему необходима помощь взрослого, на которого законом возложена обязанность защищать его интересы.

Важно также отметить, что законодателем были определены специальные права для несовершеннолетнего, которые определяет его как обязательного наследника. Так, независимо от содержания завещания, для несовершеннолетнего будет предусматриваться доля в наследстве, которая будет реализовываться им как при наследовании по закону [3, с. 35].

К сожалению, несмотря на то, что законодателем закреплено множество механизмов защиты прав несовершеннолетних, реальная практика показывает, что наследственные права несовершеннолетних часто нарушаются. Так, в последнее время участились случаи, когда иные наследники при вступлении в наследство специально не сообщают нотариусу о том, что помимо них существуют и другие наследники, в том числе и несовершеннолетние. Конечно же, в такой ситуации, органы опеки и попечительства должны принимать конкретные меры, направленные на защиту наследственных прав несовершеннолетнего наследника. Но в связи с тем, что законодательством не предусмотрена ответственность за умышленное скрывание информации о наличии других наследников, судебная практика показывает, что судами при рассмотрении дел о наследовании чаще всего не учитывается то, что кто-либо из наследников не сообщил нотариусу о другом наследнике.

Также и со стороны законных представителей несовершеннолетнего наследника происходит злоупотребление его полномочиями. Так, нередко случаи, когда законный представитель несовершеннолетнего реализует его наследственную массу в собственных целях, маскируя их под цели защиты прав и законных интересов ребенка.

Также бывают случаи, когда лицо, осуществляющее попечительство, небрежно осуществляет свои обязанности, например, пропускает срок для принятия наследства, что в дальнейшем приводит к судебным тяжбам. В судебной практике был случай, когда супруга наследодателя приняла всю наследственную массу, но позднее стало известно, что у наследодателя был несовершеннолетний ребенок. При этом законный представитель несовершеннолетнего не предоставил суду доказательства, подтверждающие уважительность причины пропуска срока для вступления в наследственные права. (Решение Советского суда города Липецка № 2–4385–13) Данная ситуация отлично показывает тот факт, что из-за определенных действий/бездействий законного представителя страдает в первую очередь ребенок, который к сожалению, никак не может самостоятельно повлиять на ту или иную ситуацию.

К сожалению, принцип «в интересах ребенка», реализуемый в сфере семейных отношений, весьма условно закреплен в сфере наследственных правоотношений, поскольку реализация права ребенка на наследство обусловлена непосредственным участием его законных представителей, которые хотя и действуют от его имени, все равно оказывают существенное влияние на правовое положение такого наследника. Однако стоит отметить, что законодателем предусмотрены дополнительные меры защиты несовершеннолетних наследников. Так, чтобы от имени несовершеннолетнего можно было отказаться от наследства, необходимо предварительно получить согласие органа опеки и попечительства на совершение такой сделки. Однако же и это не является безупречным механизмом защиты, так как не всегда органы опеки и попечительства могут наверняка знать, что то или иное иму-

щество, вошедшее в наследственную массу, необходимо или нет несовершеннолетнему наследнику. Например, имущество может быть обременено правами третьих лиц, что приведет к невозможности его использования в полном объеме.

С учетом существующих спорных ситуаций возникает вопрос: как же возможно устранить возникающие проблемы, чтобы это никаким образом не нарушало права всех наследников.

Российское законодательство в сфере наследственных правоотношений закрепляет чрезмерно значимое участие попечителей в наследственных правоотношениях. Это не есть плохо, так как в силу объективных факторов несовершеннолетнее лицо, оказавшееся в статусе наследника в первую очередь, нуждается в поддержке и помощи в реализации своих прав. Однако к сожалению, в практике все чаще встречаются случаи, когда чрезмерное участие взрослых в осуществлении прав несовершеннолетних приводит к возникновению серьёзных нарушений наследственных прав несовершеннолетних [4, с. 70]. В связи с этим, представляется возможным предусмотреть возможность ограничить зависимость несовершеннолетнего от его законного представителя в процессе реализации им его наследственных прав.

В соответствии с нормами ст. 28 ГК РФ, малолетнему ребенку законодательством разрешено совершать сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации [5, с. 40]. Как известно, принятие наследства и является сделкой безвозмездного характера, целью которой получение выгоды. Однако в силу обязательного нотариального оформления наследственных дел и возможности государственной регистрации, если, например, среди наследственной массы есть недвижимое

имущество, данная сделка требует согласие законных представителей несовершеннолетнего.

Представляется эффективным на законодательном уровне закрепить возможность принятие наследства несовершеннолетними от 14 до 18 лет самостоятельно, даже при отсутствии согласия на это законных представителей.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 2 ст. 26 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания: «принять наследство при условии, что в наследственную массу не включены долговые обязательства наследодателя». Данная поправка позволит несовершеннолетнему от 14 до 18 лет самостоятельно заявить о своих правах при вступлении в наследство. Однако внесение данной поправки также потребует конкретизации в иных нормативных актах возможности реализации данного права несовершеннолетнего, а именно, необходимость получения последующего согласия законных представителей в случае обнуления долгов наследодателя. При этом стоит обратить внимание, что данная поправка не касается возможности отказаться от принятия наследства или от принятия обязательной доли в наследстве, представляется, что данное решение должно также приниматься только с согласия органов опеки и попечительства.

Также стоит обратить внимание, что данная поправка должна касаться только несовершеннолетних достигших возраста 14 лет, поскольку представляется, что в данном возрасте лицо уже способно осознавать свои действия, в отличие от малолетних.

Таким образом, такая законодательная новация должна поспособствовать сокращению ситуаций, при которых законные представители несовершеннолетнего наследника, достигшего 14 лет, могут своими действиями или бездействием поставить под удар реальную возможность реализации прав наследственных прав такого лица.

Литература:

1. Крашениников, П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственный договор и совместные завещания супругов): учебное пособие / П. В. Крашениников. — 4-е изд. — Москва: Статут, 2019. — 302 с. — Текст: непосредственный.
2. Шве́ц, А. В. Наследственные права несовершеннолетних / А. В. Шве́ц. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2022. — № 3. — С. 34–36.
3. Воронина, С. В. Осуществление и защита наследственных права несовершеннолетних / С. В. Воронина. — Текст: непосредственный // Нотариальный вестник. — 2022. — № 6. — С. 34–41.
4. Белов, В. А. Круг наследников по закону / В. А. Белов. — Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. — 2002. — № 1. — С. 68–75.
5. Рабец, А. М. Проблемы реализации права несовершеннолетнего на достойную жизнь по действующему наследственному законодательству РФ / А. М. Рабец. — Текст: непосредственный // Наследственное право. — 2019. — № 1. — С. 37–41.

Признание права собственности на земельные участки: вопросы судебной практики

Колобова Сабина Рамилевна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье анализируются правовые основания признания права собственности на земельный участок через суд как одного из способов защиты гражданских прав. Рассматриваются условия применения данного механизма, подходы судебной практики и позиции правовой доктрины относительно его правовой природы.

Ключевые слова: земельный участок, признание права собственности, судебная защита, гражданское право, приобретательная давность, правовой спор.

Признание права собственности на земельный участок возможно через суд, что представляет собой одну из предусмотренных законом форм защиты нарушенного гражданского права (п. 1 ст. 59 ЗК РФ [2], ст. 12 ГК РФ [1]). Поскольку данные споры носят правовой характер, заинтересованное лицо обязано прибегать именно к исковому производству, подача заявления в особом производстве для установления «наличия права собственности» недопустима.

Судебное признание права собственности на землю возможно в тех же случаях, что и признание права собственности на другое недвижимое имущество. В частности, если данное право возникло до 30 января 1998 года, то есть до начала действия Закона о регистрации прав на недвижимость, но по каким-либо причинам не было внесено в ЕГРН, возникает основание для подачи иска (ч. 1 ст. 69 Закона о госрегистрации недвижимости [3]). Аналогичным образом, право может быть признано за правопреемником организации, реорганизованной после того, как она владела недвижимостью (п. 2 ст. 218 ГК РФ). Кроме того, закон допускает признание права собственности при наличии всех условий, предусмотренных нормой о приобретательной давности (когда лицо фактически пользовалось участком в течение длительного периода, что предусмотрено ст. 234 ГК РФ).

Так, сложившаяся судебная практика позволяет утверждать, что суд с большей вероятностью удовлетворит иск о признании права собственности по приобретательной давности, если будет установлено совокупность определенных юридически значимых обстоятельств. К ним, прежде всего, относится наличие подтвержденного факта фактического, открытого и добросовестного пользования спорным земельным участком на протяжении не менее пятнадцати лет. Данные обстоятельства можно обосновать как свидетельскими показаниями, так и документами, доказывающими произведенные расходы по содержанию участка. Ко всему прочему, важное значение в таких делах имеет установление того, что участок не находится в государственной или муниципальной собственности. Данное обстоятельство доказывается, как правило, сведениями из соответствующих реестров, в которых должно отсутствовать упоминание о спорной территории [4].

Закон связывает возможность реализации права на приобретение в собственность земельного участка (права

на приватизацию земельного участка) с решением органа власти, уполномоченного на его предоставление (органа исполнительной власти или местного самоуправления). Данные субъекты часто отказывают в передаче земли, ссылаются на [5] и действующие полномочия. На практике наибольшее число таких отказов вызвано непредставлением заявителем документов, необходимых для оформления права собственности. При этом, отсутствие бумаг зачастую обусловлено объективными причинами, не зависящими от воли заявителя. Документы могут быть утеряны, например, вследствие прекращения деятельности дачного товарищества, либо оказаться несохранными в архивах, либо просто не дойти до адресата. По данной причине, когда документы, свидетельствующие о праве, отсутствуют, но нет факта их недобросовестного сокрытия, обжалование отказа органа власти становится юридически нецелесообразным, ведь само решение, как правило, соответствует закону. Органы власти вправе отказать в передаче земли, если не представлены необходимые правоустанавливающие документы (что указывает на невозможность безусловной передачи участка конкретному лицу).

Когда возникает необходимость приобрести земельный участок в собственность, возникает закономерный вопрос: каким образом гражданин может реализовать данное право? Сложившаяся судебная практика показывает следующее: эффективным способом защиты в подобной ситуации является признание права собственности. В таких случаях истец обязан доказать наличие всех тех обстоятельств, с которыми закон связывает возможность приобретения указанного участка. При подтверждении данных юридически значимых фактов суд, ссылаясь на то, что гражданин вправе получить участок бесплатно через административную процедуру, выносит решение о признании за ним права собственности.

Однако уместно задаться и следующим вопросом: действительно ли в такой ситуации применим именно данный способ правовой защиты? Ответ на него следует искать в положениях ст. 12 ГК РФ, в котором признание права прямо указано как один из законных способов защиты нарушенного или оспариваемого права. В развитие данной нормы п. 1 ст. 59 ЗК РФ конкретизирует применение данного института именно в отношении земельных участков, подчеркивает, что защита реализуется исключи-

тельно в судебной форме. Вместе с тем, несмотря на наличие нормативной формулировки, в законодательстве отсутствуют специальные положения, раскрывающие механизм реализации признания права, что свидетельствует об очевидном правовом пробеле.

Отметим правовую позицию, изложенную в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа. В нем подчеркивается, что «отражение в судебном акте возникшего на законном основании права, наличие которого не признано кем-либо из участников правоотношений», и есть сущность признания права. Данный способ правовой защиты направлен не на устранение нарушения, а на юридическое закрепление уже существующего правового положения между сторонами [6].

В правовой доктрине существует несколько противоположных взглядов на правовую природу исков о признании права. Широко распространено мнение, согласно которому признание права допустимо при наличии спора, суть которого заключается в оспаривании или отрицании со стороны третьего лица субъективного правомочия истца. Данный подход определяет признание как средство констатации существующего права [7, с. 168].

Между тем, в научной литературе имеется и иная концепция, предполагающая, что признание права нередко носит не только подтверждающий, но и правообразующий характер. Приверженцы данной позиции допускают возможность, при которой в ходе судебного процесса формируется новое субъективное право, которое ранее юридически не существовало. Другими словами, суд своим решением создает правовое основание, наделяет истца соответствующим правом впервые [8, с. 518].

Если обратиться к действующим нормативным актам, можно прийти к следующим выводам. В соответствии со ст. 12 ГК РФ, признание права входит в число охраняемых законом способов защиты. В то же время, на основании ст. 3 ГПК РФ, к защите допускается только то право, которое является нарушенным, оспариваемым или не признанным. Применительно к признанию права это

означает, что основанием для обращения в суд служит наличие правового конфликта, при котором возникает сомнение в существовании определенного субъективного права. Несмотря на то, что в законодательстве отсутствует четкое определение содержания данного способа защиты, его практическое применение всегда предполагает наличие противоположных правовых позиций и завершение конфликта вынесением судебного акта, устанавливающего правовой результат.

Отметим, что в ряде норм законодатель прямо указывает на правоустанавливающий характер решений суда. К примеру, ст. 222 ГК РФ (в отношении самовольных построек), ст. 225 ГК РФ (в случае бесхозяйного недвижимого имущества), ст. 234 ГК РФ (в связи с приобретательной давностью) предусматривают, что именно судебное решение становится юридическим основанием возникновения соответствующих прав. Такое правовое регулирование соответствует общему положению ст. 8 ГК РФ, в котором закреплено, что акт суда может быть самостоятельным источником возникновения гражданских прав и обязанностей.

Таким образом, признание права собственности на земельный участок — это закрепленный законом способ защиты, важный инструмент установления правовой определенности. Его применение возможно лишь при наличии спора о праве, что обуславливает необходимость обращения в суд в порядке искового производства. Признание права собственности на земельный участок допускается в установленных законом случаях. Признание права может носить как правоконстатирующий, так и правообразующий характер (все зависит от обстоятельств дела). Эффективность применения рассматриваемого способа защиты напрямую связана с добросовестностью истца, полнотой доказательств и соблюдением установленных законом норм. Несмотря на отсутствие детальной регламентации механизма признания права собственности на земельный участок, данный способ защиты применяется на практике.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44. — Ст. 4147.
3. Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 29 (ч. 1). — Ст. 4344.
4. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 № 88–18107/2024 (УИД 50RS0046–01–2022–002821–72) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Апелляционное определение Московского областного суда от 11 декабря 2012 г. по делу № 33–26045/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление ФАС СКО от 22 мая 1998 г. № Ф08–749/97 // СПС «Консультант Плюс».
7. Закарян А. Г. Признание права собственности на земельный участок: вопросы судебной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 1–3(88). — С. 167–170.
8. Ахrameева М. А. Проблемы признания права собственности на земельный участок в судебной практике // Флагман науки. — 2025. — № 3(26). — С. 518–520.

Организация субботника на предприятии: правовые аспекты

Кононенко Маргарита Николаевна, преподаватель;

Елисеев Илья Викторович, студент

Старорусский политехнический колледж (филиал) Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

В статье рассматриваются правовые аспекты привлечения работников к участию в субботниках в Российской Федерации. Подчеркивается, что участие в субботнике является добровольным, а принудительный труд запрещен. Анализируются условия, при которых возможно привлечение к субботнику. Рассматриваются случаи работы в выходные дни и сверхурочно, а также категории работников, которых нельзя привлекать к такой работе. Особое внимание уделяется необходимости проведения инструктажа по охране труда и возможным рискам за нарушения трудового законодательства при организации субботников.

Ключевые слова: субботник, трудовое законодательство, привлечение к субботнику, оплата труда, охрана труда на субботнике, инструктаж, приказ о субботнике, выходной день, сверхурочная работа, ответственность за нарушения.

Субботники в нашей стране — это добрая традиция. Никому не нужно объяснять, что такое субботник. Это слово со времен Советского Союза, ассоциируется с благоустройством территорий, наведением порядка на участках около домов, улицах, в производственных помещениях.

В советское время участие в субботниках не обсуждалось: к ним подключались все, и никому в голову не приходило требовать за это вознаграждение. Сегодня отношение к общественно полезному труду другое — не каждый готов бесплатно убирать мусор после работы или в выходной день.

В законодательных документах понятия «субботник» не существует.

Как правило под этим понимают безвозмездный труд, чаще коллективные мероприятия, на благо других лиц, для проведения общественно полезных работ.

Согласно Конституции в Российской Федерации труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1].

Поэтому субботник — дело добровольное. Обычно на субботники люди выходят в свободное время исключительно по собственной инициативе.

Принудительный труд в нашей стране запрещен статьей 4 Трудового кодекса Российской Федерации [2].

Это принцип, который следует запомнить каждому руководителю. Так как нередко за отказ от участия в субботниках следуют санкции со стороны руководства. Руководитель не имеет права применять дисциплинарные взыскания к работникам, отказавшимся от участия в субботнике. (ч. 1 ст. 192 ТК РФ) [2].

К участию в субботнике можно привлечь только тех работников, у кого участие в субботнике и работы, проводимые во время него, входят в перечень трудовых обязанностей, указанных в трудовом договоре (ч. 2 ст. 57, ст. 60 ТК РФ) [2].

Обязательными условиями трудового договора являются место работы и трудовая функция, то есть работа по

должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы [2].

Запрещается требовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором [2].

Если такие обязанности закреплены можно привлечь работника к субботнику в выходной день или сверхурочно, но существуют законодательные запреты и ограничения для такой работы.

Выходной день — это время, когда работник отдыхает от своих трудовых обязанностей, и которое он использует по своему усмотрению. Поэтому законом установлены ограничения на работу в выходной (ст. ст. 106, 107, ч. 1 ст. 113 ТК РФ) [2].

В трудовом законодательстве предусмотрены случаи, когда работников можно привлечь к работе в выходной день (ч. 1 — 3, 5 ст. 113 ТК РФ):

— если необходимо выполнить заранее непредвиденные работы, от срочного выполнения которых зависит в дальнейшем нормальная работа организации в целом или ее отдельных структурных подразделений (в этом случае необходимо получить от работника согласие);

— исключительные случаи, когда согласие работника на работу в выходной день не требуется: для предотвращения катастрофы, производственной аварии либо устранения последствий катастрофы, производственной аварии или стихийного бедствия; для предотвращения несчастных случаев, уничтожения или порчи имущества работодателя, государственного или муниципального имущества; для выполнения работ, необходимость которых обусловлена введением чрезвычайного или военного положения, а также неотложных работ в условиях чрезвычайных обстоятельств, то есть при бедствии или угрозе бедствия (пожары, наводнения, голод, землетрясения, эпидемии или эпизоотии), и в иных случаях, ставящих под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего населения или его части;

— другие случаи, помимо перечисленных выше, когда нужно не только получить согласие работника на работу

в выходной день, но и учесть мнение профсоюза (при его наличии) [2].

Обязательно предоставьте работнику компенсации за работу в выходной день. Обычно в этом случае полагается оплата не менее чем в двойном размере либо по желанию работника оплата в одинарном размере и предоставление отгула.

Категории работников, которых ни при каких условиях нельзя привлекать к работе в выходной день, установлены законом:

— инвалиды, если такая работа запрещена им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением (ч. 7 ст. 113 ТК РФ);

— несовершеннолетние работники, кроме творческих работников или иных лиц, чья должность (профессия) предусмотрена Перечнем профессий и должностей творческих работников средств массовой информации, организаций кинематографии, теле- и видеосъемочных коллективов, театров, театральных и концертных организаций, цирков и иных лиц, участвующих в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений или выступающих, особенности регулирования труда которых установлены трудовым кодексом российской Федерации (ст. 268 ТК РФ)

— спортсменов, порядок привлечения к работе в выходные дни которых установлен коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором (ч. 3 ст. 348.8 ТК РФ);

— женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, если такая работа запрещена им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением (ч. 7 ст. 113, ч. 2 ст. 259 ТК РФ);

— матери и отцы, воспитывающие без супруга (супруги) детей в возрасте до 14 лет, если такая работа запрещена им по состоянию здоровья в соответствии с медицинским заключением (ч. 3 ст. 259 ТК РФ) [2].

Также запрещено законом привлекать к работе в выходные дни беременных женщин (ч. 1 ст. 259 ТК РФ) [2].

При проведении субботника необходимо провести с работниками инструктаж по охране труда.

В соответствии с Правилами обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда, учитывая обязательные требования, проводится целевой инструктаж со всеми работниками, которые участвуют в субботнике [4].

В ходе инструктажа поясните, например, как нужно применять выданные работникам средства индивидуальной защиты, что запрещается делать во время выполнения работ (например, разводить костер для сжигания мусора в не предназначенном для этого месте, находиться на субботнике в состоянии опьянения).

Инструктаж проводит непосредственный руководитель работ, которые организуются в рамках субботника [4].

По завершении инструктажа проводится проверка знаний требований охраны труда [4].

Целевой инструктаж проводится с работниками каждый раз, когда возникает необходимость привлекать их к субботнику [4].

Приказ о проведении субботника — необязательный документ. Но он позволяет урегулировать основные вопросы проведения субботника. С приказом ознакомьте под подпись всех ответственных лиц, указанных в нем.

Для привлечения работника к субботнику в обычный рабочий день необходимо заранее уведомить работника об этом мероприятии любым удобным способом. Можно вручить письменное уведомление. Это позволит работникам подготовиться к соответствующим работам на субботнике, принести для работы удобную одежду и обувь.

Возможные риски за нарушения, связанные с привлечением работников к участию в субботнике:

— принуждение к участию в субботнике влечет штраф до 50 000 рублей (ч.1 ст.5.27 КоАП РФ);

— нарушение правил техники безопасности во время проведения субботника влечет штраф до 80 000 рублей (ч.1 ст.5.27.1 КоАП РФ);

— неверная оплата труда сотрудников влечет штраф до 50 000 рублей (ч.6 ст.5.27 КоАП РФ) [3].

Таким образом, можно привлечь работников к участию в субботнике, если работы, проводимые на нем, входят в их трудовые обязанности. Если не входят, обязывать работников прийти на субботник нельзя. О проведении субботника рекомендуется издать приказ. Со всеми, кто трудится на субботнике, необходимо провести целевой инструктаж. Если субботник проводится в рабочий день, рекомендуется дополнительно уведомить участников субботника удобным способом. Если же это выходной день или субботник проводится после работы, необходимо оформить привлечение работника к работе в выходной или сверхурочно. В этом случае компенсируйте работу повышенной оплатой или дополнительным отдыхом.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020);
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024);
3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025);
4. Постановление Правительства РФ от 24.12.2021 № 2464 (ред. от 12.06.2024) «О порядке обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда» (вместе с «Правилами обучения по охране труда и проверки знания требований охраны труда»).

Проблемы административной ответственности за совершение правонарушений в области дорожного движения

Корнилов Виктор Алексеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье проводится изучение вопросов, связанных с законодательным регулированием и фактическим применением административной ответственности за нарушения правил дорожного движения. Путем критического рассмотрения существующих нормативных актов, предлагаются пути улучшения правовой базы в данной сфере.

Ключевые слова: административные правонарушения, правила дорожного движения, вопросы, улучшение законодательной базы, КоАП, ДТП.

Problems of administrative responsibility for committing traffic offenses

This article examines issues related to legislative regulation and the actual application of administrative liability for traffic violations. By critically reviewing existing regulations, the article proposes ways to improve the legal framework in this area.

Keywords: administrative offenses, traffic regulations, issues, improvement of the legislative framework, Administrative Code, and traffic accidents.

Масштаб и специфика ДТП на дорогах оказывают существенное влияние на общую картину смертности и ее изменение в глобальном масштабе. В России вопрос дорожной смертности представляет собой серьезную проблему, требующую особого внимания. В 2024 году Госавтоинспекцией было зафиксировано 132 тысячи аварий на автодорогах страны. В результате этих событий погибли 14 400 человек, а число получивших ранения достигло 164 700 [7].

Помимо трагических человеческих жертв, аварии на дорогах серьезно увеличивают число людей с инвалидностью. Это не просто «плата за развитие автомобильной индустрии» или «неотъемлемая цена прогресса», а сотни тысяч сломанных судеб и трагедий, затрагивающих целые семьи.

Несмотря на применение государством организационных, юридических и финансовых инструментов для укрепления безопасности дорожного движения, значительного прогресса в этой области пока не наблюдается.

Административная ответственность призвана играть ключевую роль в обеспечении безопасности на дорогах, выступая в качестве инструмента профилактики нарушений. Это достигается за счет установления строгих санкций и их неизбежного применения. В контексте общей профилактики, системы автоматической фиксации доказали свою эффективность. Что касается индивидуальной превенции, лишение водительских прав является важной мерой наказания.

Однако существующая система административной ответственности за нарушения правил дорожного движения сталкивается с определенными трудностями, препятствующими повышению ее действенности. Неустранение этих проблем делает невозможным улучшение безопасности дорожного движения в целом.

В российском Кодексе об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1] отсутствует классификация дорожных правонарушений, основанная на критерии наличия или отсутствия ущерба, за исключением случаев, когда это непосредственно связано с нанесением вреда здоровью граждан.

Например, если автомобилист проигнорировал красный свет, превысил допустимую скорость, не соблюдал правила при обгоне и стал причиной аварии с повреждением имущества, но без травм, его ждет административное наказание согласно действующему законодательству. В подобных ситуациях часто складывается образ закоренелого нарушителя, который абсолютно не понимает, какой риск его действия представляют для него самого и для других людей на дороге.

Несмотря на частые корректировки, глава 12 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации до сих пор не полностью согласована с требованиями, изложенными в Правилах дорожного движения [1].

В частности, не влекут за собой наказание ситуации, когда водитель не выполняет требования подпункта 2 пункта 10.1 ПДД, касающиеся уменьшения скорости вплоть до полной остановки при возникновении опасной ситуации. Также не наказываются нарушения, связанные с частью 4 пункта 10.5 ПДД, которая запрещает резкое торможение, за исключением случаев, когда это необходимо для предотвращения аварии. Помимо этого, освобождаются от ответственности нарушения, касающиеся пункта 8.12 ПДД, регулирующего маневрирование задним ходом.

Согласно исследованиям Е. А. Ляшенко, свыше 30 % дорожно-транспортных происшествий, в особенности в зимнее время, обусловлены игнорированием пунктов, прописанных в Правилах дорожного движения [6].

В российском законодательстве об административных правонарушениях (КоАП РФ) закреплена концепция, согласно которой владелец автомобиля считается виновным, если нарушение правил дорожного движения зафиксировано автоматизированной системой. Важно отметить, что, как следует из анализа существующих правовых норм, юридическое лицо также может выступать в роли владельца транспортного средства и, соответственно, нести ответственность за такие нарушения [1].

Однако при определении наказаний за нарушения, предусмотренные 12 главой КоАП РФ, законодатель не всегда принимает во внимание возможность того, что владельцем ТС является юридическое лицо, что может создавать определенные коллизии в применении административных санкций.

Регулирование процессуальных аспектов рассмотрения дел о нарушениях ПДД, наряду со сложностями определения виновных, также требует дальнейшей оптимизации.

Как правило, использование обеспечительных мер влечет за собой определенные ограничения прав и законных интересов граждан, и в административных делах это достаточно распространенная практика. Вместе с тем, действующее законодательство не предусматривает возможности обжалования в судебном порядке применение обеспечительных мер в рамках производства по делам об административных правонарушениях.

Нынешняя версия правил выполнения медицинского освидетельствования [4] исключает возможность отстранения от вождения транспортного средства до получения результатов анализов, что напрямую противоречит Кодексу об административных правонарушениях Российской Федерации.

Терминология, применяемая в Правилах дорожного движения, Федеральном законе № 196-ФЗ от 10 декабря 1995 года «О безопасности дорожного движения» [2] и Кодексе об административных правонарушениях РФ, имеет расхождения в описании состояния опьянения.

В примечании к статье 12.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) закреплён категоричный запрет на употребление психоактивных веществ, включая алкоголь, наркотики и психотропные препараты, которые способны вызывать состояние опьянения.

Пункт 2.1 статьи 19 Федерального закона № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» дополнительно регламентирует, что управление транспортными средствами

лицами, находящимися в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, строго запрещается.

Без единообразной терминологии указанные нормы снижают свою эффективность.

В контексте системного анализа действующего правового регулирования, закреплённого в главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), следует констатировать наличие существенных недостатков в структурировании и систематизации нормативного материала. В частности, наблюдается избыточная фрагментация правовых норм, что затрудняет их комплексное восприятие и применение. Более того, существующая регламентация не охватывает весь спектр потенциально опасных нарушений правил дорожного движения (ПДД), что создает пробелы в правовом регулировании и снижает эффективность правоприменительной практики.

Для повышения эффективности производства по делам об административных правонарушениях в сфере дорожного движения целесообразно:

1. Унифицировать терминологию, используемую в Правилах дорожного движения (ПДД), Федеральном законе «О безопасности дорожного движения» и Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), что обеспечит единообразие правоприменительной практики и минимизирует риск правовых коллизий.

2. Предусмотреть возможность судебного обжалования применения мер обеспечения производства по делу, что позволит защитить права и законные интересы участников дорожного движения, а также повысит прозрачность и справедливость административного производства.

3. Установить возможность выдачи медицинского заключения «установлено состояние опьянения» на основании результатов исследования концентрации алкоголя в выдыхаемом воздухе, что обеспечит объективность и достоверность медицинского освидетельствования, а также повысит эффективность выявления и пресечения правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

4. Отменить процедуру привлечения понятых и заменить её обязательным ведением видеосъемки процесса производства по делу, что повысит уровень доказательной базы, исключит возможность фальсификации доказательств и обеспечит прозрачность всех этапов административного производства.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.06.2025).
2. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения: 24.06.2025).

3. Постановление Правительства РФ от 19.09.2020 № 1502 «Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/74680240/> (дата обращения: 24.06.2025).
4. Приказ Минздрава РФ от 18.12.2015 № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (ред. от 25.03.2019) [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/71350220/> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 N 1090 Правила дорожного движения и Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 24.06.2025)
6. Ляшенко Е. А. Вопросы правового регулирования административной ответственности при нарушении правил дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. — 2018 — № 1 (1). — С. 271–276.
7. Статистические данные ГИБДД РФ [Электронный ресурс] — URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 24.06.2025)

Административная ответственность в области автомобильного транспорта и дорожного движения

Корнилов Виктор Алексеевич, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье проведен всесторонний анализ особенностей административной ответственности в сфере автомобильного транспорта и дорожного движения, а также исследовано современное состояние и динамика развития правового регулирования и научных разработок в данной области. Особое внимание уделено изучению специфических проявлений административной ответственности в контексте дорожного движения, что позволило выявить ключевые аспекты и тенденции.

Ключевые слова: автомобильный транспорт, дорожное движение, административная ответственность, правонарушение, управление, совершенствование законодательства.

Administrative responsibility in the field of motor transport and road traffic

The article provides a comprehensive analysis of the features of administrative responsibility in the field of road transport and traffic, as well as an examination of the current state and dynamics of legal regulation and scientific developments in this area. Special attention is given to the study of specific manifestations of administrative responsibility in the context of traffic, which allowed for the identification of key aspects and trends.

Keywords: road transport, traffic, administrative responsibility, offense, management, enhancement of the legislation.

Административная ответственность в сфере автомобильного транспорта и дорожного движения — это инструмент, который использует государство для того, чтобы предотвратить нарушения правил дорожного движения. Этот инструмент помогает избежать аварий и происшествий на дорогах, которые могут произойти из-за того, что участники дорожного движения не соблюдают правила.

Обеспечение безопасности дорожного движения является ключевой функцией государства в рамках поддержания правопорядка. В России сформировалась комплексная и логически выстроенная система правового регулирования в данной сфере. Однако, несмотря на свою

целостность, она сталкивается с проблемами, обусловленными высокой степенью сложности и относительной новизной нормативно-правовой базы, что затрудняет её эффективное применение на практике.

Анализ текущего состояния законодательства в области безопасности дорожного движения выявляет необходимость его не только модернизации, но и создания благоприятных условий для реализации. Центральным элементом этой системы является институт административной ответственности, который реализуется посредством применения административных санкций. Данный механизм, в сочетании с профилактическими мерами, иг-

рает решающую роль в предотвращении и пресечении правонарушений, связанных с использованием автомобильного транспорта и функционированием дорожной инфраструктуры.

Ввиду отсутствия в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) дефиниции административной ответственности как таковой, а также в контексте транспортного комплекса, в академической литературе наблюдаются значительные расхождения в интерпретации данного понятия применительно к исследуемой сфере. В частности, авторитетные источники указывают на наличие различных трактовок административной ответственности в транспортном законодательстве.

В контексте совершенствования системы государственного регулирования транспортной отрасли, А. Медведев предлагает рассмотреть вопрос о введении административной ответственности для автотранспортных предприятий и индивидуальных водителей. Предлагаемая мера предполагает применение санкций, предусмотренных Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации, а также законодательными актами субъектов Федерации, в случае нарушения технических норм и правил дорожного движения [7].

Д. В. Уткин, в свою очередь, рассматривает данную меру в контексте рынка транспортных услуг и определяет её как деятельность компетентных органов по привлечению к административной ответственности хозяйствующих субъектов, нарушающих требования транспортного законодательства. В частности, речь идёт о неисполнении или ненадлежащем исполнении норм, регулирующих качество и безопасность перевозок [8].

Рассматривая законодательные нормы, регулирующие применение института административной ответственности к автомобильным перевозкам, следует отметить их значительное количество и многообразие. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) включает более ста составов административных правонарушений, охватывающих широкий спектр деятельности автотранспортных предприятий и частных водителей. Данное разнообразие охватывает практически все аспекты использования автотранспортных средств, причем значительная часть этих норм не сосредоточена исключительно в главах 11 «Административные правонарушения на транспорте» и 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» [1].

К сожалению, в рамках данной статьи мы не можем всесторонне рассмотреть все составы административных правонарушений ввиду ограниченного объема. В связи с этим мы сосредоточимся на наиболее актуальных и проблемных аспектах административного правоприменения, требующих детального анализа и теоретического осмысления.

В соответствии со статьёй 12.31.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотрена ответственность за нарушение правил

обеспечения безопасности при перевозке пассажиров, багажа и грузов автомобильным и городским наземным электрическим транспортом. В первой части этой статьи указано, что административное наказание применяется к лицам, которые осуществляют перевозку пассажиров и грузов, не соблюдая профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к работникам. Во второй части статьи говорится об ответственности за перевозку пассажиров и грузов с нарушением правил проведения предрейсовых и послерейсовых медицинских осмотров водителей транспортных средств. Третья часть статьи касается административных санкций за перевозку пассажиров и грузов с нарушением правил предрейсового контроля технического состояния транспортных средств. Таким образом, законодательство в этой статье подразумевает необходимость соблюдения специализированных законов.

В соответствии с пунктом 20 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность, связанную с эксплуатацией транспортных средств, должны соблюдать определённые требования для обеспечения безопасности дорожного движения. Эти требования устанавливаются федеральным органом исполнительной власти, который отвечает за формирование государственной политики и разработку нормативно-правовых актов в сфере транспорта.

В то же время, в этой статье КоАП РФ не уточняется, кто именно должен отвечать за совершение подобных административных правонарушений. Вопрос о физических лицах, владеющих транспортными средствами и зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, которые занимаются грузовыми или пассажирскими перевозками лично, остаётся открытым. Неясно, будут ли они нести административную ответственность за такие действия.

В дополнение к этому, рассматриваемая статья Кодекса об административных правонарушениях не соотносит указанные составы с основной производственной деятельностью предприятий и не требует обязательного наличия факта осуществления определённого вида перевозок. В связи с этим, привлечение к административной ответственности в данной ситуации является неправомерным. Это подтверждает позиция, изложенная в постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2014 года № 67-АД14-2 [6].

Самое важное в этой ситуации — то, что часть 3 статьи 12.31.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) практически полностью повторяет содержание части 1 статьи 12.31 КоАП РФ. В этих статьях говорится о запрете на выпуск на линию транспортных средств, которые не зарегистрированы в установленном порядке или не прошли государственный технический осмотр или технический осмотр. Также в этих статьях говорится о запрете на выпуск на линию транспортных средств, которые имеют неисправ-

ности, с которыми запрещена эксплуатация, или были переоборудованы без соответствующего разрешения. Единственное различие между этими статьями заключается в формулировках одного и того же правонарушения.

В области, которую мы рассматриваем, административное законодательство направлено на то, чтобы предотвратить дорожно-транспортные происшествия и не допустить причинения вреда людям и ущерба организациям. Поэтому все положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которые касаются административных правонарушений на автомобильном транспорте, созданы для обеспечения безопасности участников дорожного движения [1].

Продолжая наше исследование, мы также хотим обратить внимание на противоречивость требований подзаконных актов, соблюдение которых в некоторых случаях может привести к административному правонарушению. Так, статья 5.63.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает ответственность за нарушение сроков согласования маршрутов движения транспортных средств, перевозящих тяжёлые и (или) крупногабаритные грузы, а также за несвоевременную выдачу специальных разрешений на такие перевозки или необоснованный отказ в согласовании маршрутов или выдаче разрешений. Эта процедура регламентируется Порядком выдачи специальных разрешений на движение по автомобильным дорогам транспортных средств, осуществляющих перевозки тяжёлых и (или) крупногабаритных грузов. Процедурные аспекты реализации этого нормативного акта определены соответствующим административным регламентом.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 24.06.2025).
2. Федеральный закон от 10.12.1995 N 196-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О безопасности дорожного движения» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8585/ (дата обращения: 24.06.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 19.09.2020 № 1502 «Об утверждении Правил учета дорожно-транспортных происшествий, об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/74680240/> (дата обращения: 24.06.2025).
4. Приказ Минздрава РФ от 18.12.2015 № 933н «О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического)» (ред. от 25.03.2019) [Электронный ресурс] — URL: <https://base.garant.ru/71350220/> (дата обращения: 24.06.2025).
5. Постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 N 1090 Правила дорожного движения и Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709/ (дата обращения: 24.06.2025).
6. Постановление Верховного Суда РФ от 31 марта 2014 года № 67-АД14–2 [Электронный ресурс] / СПС «Гарант». URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70528106/> (дата обращения: 24.06.2025). [Док. опубликован не был].
7. Медведев А. Государственная поддержка предприятий: как получить деньги из бюджета // Генеральный директор. 2015 № 10 С. 50–61.
8. Уткин Д. В. Административно-правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: дисс.... канд. юрид. наук. М., 2001 С. 66–67.

В общем и целом, когда речь заходит о проблемах административной ответственности на автомобильном транспорте, необходимо в первую очередь обратить внимание на источник этих проблем, который приводит к нарушениям установленных норм и правил. Специалисты, занимающиеся изучением этой области, единогласно утверждают, что ужесточение административных санкций и усиление контроля на дорогах не дали ожидаемых результатов.

Существует эффективный принцип: чем больше сотрудников ГИБДД будет работать на дорогах, тем больше административных протоколов они составят. В связи с этим требуется масштабная информационная работа и применение поощрительных мер [8].

Подводя итог проведенному исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Административная ответственность — это инструмент, который используется для предотвращения правонарушений и наказания за них в сфере автомобильного транспорта и дорожного движения. Он играет важную роль в поддержании общественного порядка.

2. Для классификации административных правонарушений в сфере транспорта используются такие параметры, как цели перевозок, уровень их организации, частота, а также характеристики используемых транспортных средств.

3. Из-за того, что в КоАП РФ не указаны конкретные лица, которые должны нести административную ответственность за нарушения правил дорожного движения, связанные с отдельными статьями, невозможно привлечь нарушителей к ответственности за эти административные правонарушения.

Нововведения в сфере регулирования банковской деятельности

Кравцов Глеб Игоревич, аспирант

Научный руководитель: Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В июле 2024 года Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе» претерпит весьма значительные изменения. Как разъясняли авторы законопроекта о внесении изменений в закон, это делается для дополнительной мотивации банков усилить безопасность и контроль за совершенными операциями. Такое стремление законодателя, скорее всего, было вызвано значительным увеличением случаев хищения денежных средств граждан со счетов в банке.

В настоящее время в большинстве внутренних нормативных документах различных банков предусмотрено, что правом на распоряжение денежными средствами, находящимися на счете, обладает клиент как лично, так и через своих представителей.

Также исходя из положений статьи 847 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что остатком на счете или счетах может распоряжаться не только клиент банка, но и другие лица, действующие от его имени и в его интересах, по его поручению, полномочия которых оформлены надлежащим образом.

В силу статьи 5 Федерального закона N 161-ФЗ «О национальной платежной системе», оператор по переводу денежных средств осуществляет перевод денежных средств по распоряжению клиента (плательщика или получателя средств), оформленному в рамках применяемой формы безналичных расчетов.

Безакцептное списание (без распоряжения клиента) денежных средств со счета клиента может быть в следующих случаях:

- по решению суда;
- в случаях, прямо оговоренных в отдельных законодательных актах;
- в случаях, когда такое право банка предусмотрено договором между банком и клиентом.

В соответствии с п. 2 ст. 854 ГК РФ без распоряжения клиента списание денежных средств, находящихся на счете, допускается по решению суда, а также в случаях, установленных законом или предусмотренных договором между банком и клиентом.

В силу Положения Банка России N 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» процедура приема к исполнению, отзыва, возврата (аннулирования) распоряжений о переводе денежных средств и порядок их выполнения включает в себя удостоверение права распоряжения денежными средствами.

То есть, правом на распоряжение денежными средствами, которые находятся на счете, обладает сам клиент или другие лица, действующее от его имени на основании доверенности, за исключением ряда случаев безакцепт-

ного списания, которые установлены законом или договором. Для совершения операции по переводу денежных средств необходимо проверить полномочия лица, которое желает ими распорядиться. Если данные полномочия будут надлежащим образом подтверждены операция банком будет совершена. Но законодатель считает, что данная система не предоставляет достаточных гарантий сохранения денежных средств клиентов банка, поэтому он намерен внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ.

Вносимые изменения возлагают на банки обязанность осуществить проверку наличия признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента, до момента списания денежных средств клиента (в случае совершения операции с использованием платежных карт, перевода электронных денежных средств или перевода денежных средств с использованием сервиса быстрых платежей платежной системы Банка России) либо при приеме к исполнению распоряжения клиента (при осуществлении перевода денежных средств в иных случаях).

Данные признаки будут определяться Банком России и размещаться на его официальном сайте. На текущий момент данные признаки уже были определены приказом Банка России от 27 сентября 2018 года N ОД-2525. Это порождает ряд вопросов, первое это конечно нет конкретного понимания будет ли Банк России расширять действующими перечень или же оставит его в неизменном виде. Так же есть вероятность того, что текущий перечень утратит силу и будет разработан совершенно новый. Данная неопределенность значительно усложняет деятельность банков. Сейчас нет единого понимания по каким именно критериям будут выявляться определяться операции по переводу денежных средств без добровольного согласия клиента.

Помимо Банка России, сам оператор по переводу денежных средств будет обязан разработать процедуру выявления операций, соответствующих признакам осуществления переводов денежных средств без добровольного согласия клиента. Это дополнительные искусственные преграды, которые будут негативно сказываться на оперативности гражданско-правового оборота.

Также согласно новой редакции закона, проверку совершаемой операции будет проводить не только банк, из которого были направлены денежные средства, как это происходит сейчас, но и банк, который данные денежные средства получил. Данный многоступенчатый механизм проверки совершаемой расходной операции значительно усложнит и замедлит переводы денежных средств. Согласно Указу Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии

тегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» из-за стремительного развития различных цифровых сервисов государством была сформирована политика направленная на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов [2]. Одной из главных особенностей цифровой экономики является её высокая мобильность. Эта тенденция нашла яркое проявление и в современной национальной платежной системе в виде стремления трансформации традиционных платежных услуг по переводу денежных средств в новый, цифровой формат [3].

Тенденция к цифровизации экономики заставила все банки, которые сейчас существуют на рынке, создавать и развивать клиентские электронные услуги по переводу денежных средств или как их часто называют на практике услуги по предоставлению дистанционного банковского обслуживания (далее — ДБО). Сервисы ДБО, благодаря своей простоте, удобству и оперативности, обрели значительную популярность среди потребителей банковских услуг. При рассмотрении ДБО можно опираться на банковскую практику, а также на письмо Банка России от 26 октября 2010 г. N 141-Т «О Рекомендациях по подходам кредитных организаций к выбору провайдеров и взаимодействию с ними при осуществлении дистанционного банковского обслуживания», в котором системой ДБО предлагается считать совокупность установленных

в кредитной организации (ее филиалах, представительствах и внутренних структурных подразделениях) аппаратно-программных средств, с помощью которых осуществляется ДБО. Но новая редакция Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ стремится наложить на банковскую систему дополнительные издержки, которые выражаются в виде обязанности банка в случае хищения денежных средств со счета клиента компенсировать похищенные деньги.

По нашему мнению, новые механизмы все равно не смогут значительно снизить количество совершаемых в отношении клиентов банка мошеннических действий. Это лишь заставит все банки весьма кардинально усложнить механизм по переводу денежных средств, что в первую очередь негативно отразится на самих потребителях банковских услуг. В нынешних условиях банки при малейшем подозрении того, что операция совершается без добровольного согласия клиента, будут приостанавливать данные транзакции на два дня или же если они были совершены с использованием платежных карт, перевода электронных денежных средств или перевода денежных средств с использованием сервиса быстрых платежей платежной системы Банка России отказывать в совершении соответствующей операции.

Данные обстоятельства значительно замедлят развитие и популярность сервисов ДБО, так как они будут лишены своего основного преимущества: оперативности и мобильности.

Литература:

1. Федеральный закон от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе»;
2. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»;
3. Хоменко Е. Г. От традиционных переводов денежных средств в национальной платежной системе к цифровым: особенности правового регулирования // Предпринимательское право. 2019. N 3. С. 17–22;
4. Положение Банка России N 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств»;
5. Письмо Банка России от 26 октября 2010 г. N 141-Т «О Рекомендациях по подходам кредитных организаций к выбору провайдеров и взаимодействию с ними при осуществлении дистанционного банковского обслуживания».

Доказывание по обособленным спорам

Кремер Александра Алексеевна, студент;

Карамышев Илья Олегович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена анализу института доказывания по обособленным спорам в делах о банкротстве, акцентируется внимание на его уникальной роли и особенностях. Особое внимание уделяется Постановлению Пленума ВАС РФ № 35, которое устанавливает повышенный стандарт доказывания в делах о банкротстве, требующий от сторон представления доказательств «вне разумных сомнений». В работе подчеркивается, что в отличие от общих правил доказывания, где косвенные доказательства могут играть значительную роль, в деле о банкротстве предпочтение отдается прямым доказательствам.

Ключевые слова: обособленные споры, банкротство, доказывание, стандарт доказывания.

Институт доказывания является значимым не только для сферы несостоятельности (банкротства), но и для всего арбитражного процесса в целом. При судебном банкротстве установлены некоторые особенности доказывания, которые раскрывают особый статус данной категории дел. Так, в Постановлении Пленума ВАС РФ № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» говорилось о необходимости доказывания обстоятельств по делу, даже в случае признания должником или управляющим требований, т.е. закреплялся повышенный стандарт доказывания. Применительно к обособленным спорам, Ю. Д. Подольский говорил о том, что проявление повышенного (квалифицированного) стандарта доказывания в обособленных спорах подразумевает представление доказательств «вне разумных сомнений», подтверждающих обоснованность предъявленных требований. Так, для включения требования кредитора в реестр будет недостаточно предоставить только расписку или квитанцию, нужно также подтвердить личную финансовую возможность выдачи кредитором займа. По большей части арбитражный суд в делах о банкротстве основывает свои выводы не на косвенных, а на прямых доказательствах. Такое положение вещей некоторые юристы связывают с «продолжниковским» подходом судов, исходя из которого любые косвенные доказательства будут толковаться в пользу должников, поэтому кредиторам для удовлетворения своих требований необходимо более тщательно формировать доказательственную базу.

Приведем несколько примеров из практики, в которых показан высокий стандарт доказывания по обособленным спорам.

В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 5 октября 2022 г. N Ф05–426/17 по делу N А40–123684/2015 рассматривалась жалоба на действия (бездействие) арбитражного управляющего, выразившееся во введении кредиторов в заблуждение относительно повестки дня на собрании кредиторов 29.03.2021 и нарушении срока на включение в ЕФРСБ сообщения, содержащего сведения о решениях, принятых собранием кредиторов 29.03.2021 [1]. Суд указал, что в таких делах бремя доказывания должно распределяться следующим образом: кредитор обязан доказать наличие незаконного, недобросовестного или неразумного поведения арбитражного управляющего и нарушение данным поведением прав и законных интересов кредитора, а арбитражный управляющий обязан представить доказательства отсутствия его вины в этом поведении или обосновать соответствие его действий требованиям закона, добросовестности и разумности. Основываясь на этом, суд проанализировал следующие факты:

— Собрание кредиторов должника состоялось 29.03.2021. Сообщение об указанном собрании было опубликовано конкурсным управляющим 05.04.2021 (Сообщение ЕФРСБ N 6453402). Согласно абзацу 10 пункта 7 статьи 12 Закона о банкротстве сообщение, содержащее сведения о решениях, принятых собранием кредиторов, или сведения о признании собрания кредиторов несостоявшимся, подлежит включению арбитражным управляющим в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ) в течение пяти рабочих дней с даты его проведения, а в случае проведения собрания кредиторов иными лицами — в течение трех рабочих дней с даты получения арбитражным управляющим протокола собрания кредиторов. Таким образом, исходя из анализа указанных выше положений, судами сделан обоснованный вывод о том, что публикация сообщения о результатах собрания кредиторов 05.04.2021 г. **осуществлена в пределах сроков, установленных п.7 ст.12 Закона о банкротстве.**

— Конкурсный управляющий на сайте ЕФРСБ в порядке, предусмотренном действующим законодательством, опубликовал сведения о проведении собрания кредиторов должника с указанием повестки дня (Сообщение от 10.03.2021 г.), при этом, как следует из доводов жалобы, в наименовании должника допущена опечатка, а именно указано: ООО «Полипласт» вместо: ООО «ДДГ Юнит» при этом судами установлено, что информация от 10.03.2021 г. была опубликована конкурсным управляющим в карточке должника ООО «ДДГ Юнит», в качестве места проведения собрания кредиторов было указано местонахождения ООО «ДДГ Юнит».

— Кроме того, как следует из информации, опубликованной на ЕФРСБ 10.03.2021 г., Сообщение о проведении собрания кредиторов ООО «ДДГ Юнит» содержало информацию для связи с конкурсным управляющим. Из приведенных фактов видно, что суд полно изучил доводы сторон, исследовал представленные доказательства, на основании чего пришёл к выводу о том, что отсутствуют основания для удовлетворения жалобы собрания кредиторов.

В следующем примере [2] Арбитражный суд Московского округа не согласился с определением суда первой инстанции и постановлением суда апелляционной инстанции относительно того, что сделки, совершенные должником необходимо признавать недействительными, так как они были сделаны, по их мнению, с намерением причинить вред имущественным интересам кредиторов. Суд округа отметил, что, принимая обжалуемые судебные акты, судами не были учтены следующие обстоятельства:

— Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица. Вместе с тем, суд округа обращает внимание, что в рас-

— Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал или в результате совершения сделки стал отвечать признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества и сделка была совершена безвозмездно или в отношении заинтересованного лица. Вместе с тем, суд округа обращает внимание, что в рас-

смаатриваемом случае суды пришли к выводу о неплатёжеспособности должника, сославшись лишь на требование единственного кредитора (ООО «Дортехинвест»), обязательства перед которым, по мнению судов, возникли с 01.06.2018. Однако суды не учли доводы ответчиков о том, что, после совершения оспариваемых сделок должник продолжал исполнение принятых на себя обязательств.

— Также судами не дана правовая оценка возражениям ответчиков о том, что долг перед ООО «Дортехинвест» возник в связи с расторжением договоров подряда в претензии от 20.03.2020, последствием расторжения договоров с 24.03.2020 и явилось взыскание неотработанного аванса (решение суда от 09.08.2022 по делу N А40–98387/20).

— Вместе с тем, суды фактически не исследовали указанные обстоятельства, не учли и не оценили указанные доводы ответчиков.

— Более того, суд округа обращает внимание, что в своем ходатайстве возражениях ООО «Дортехинвест» указывает, что «в виду специфики правоотношений, а также сроков, предусмотренных соглашением по приемке работ и предъявленных претензий, до 20.03.2020 кредитор к должнику претензий не имел, требований о возврате аванса не направлял». При этом ООО «Дортехинвест» указал на то, что работы по договорам подряда были завершены должником 31.05.2018 и 31.08.2018.

— Также суд округа учитывает, что в судебном заседании представитель конкурсного управляющего долж-

ника подтвердил, что общество после выплаты дивидендов продолжало осуществлять хозяйственную деятельность.

— Между *тем судами не учено*, что в силу положений статьи 2 Закона о банкротстве наличие у должника на момент заключения либо совершения оспариваемых сделок задолженности перед отдельным кредитором само по себе не свидетельствует о наличии у него признаков неплатежеспособности, не образует презумпцию наступления имущественного кризиса

С учетом изложенного, суд округа приходит к выводу об отмене судебных актов, **поскольку суды не исследовали фактические обстоятельства по спору, не учли доводы ответчиков, суды не установили, кому конкретно из кредиторов общества был причинен вред в результате выплаты дивидендов ответчикам** (в отношении каждого платежа как отдельной сделки), чьи требования уже существовали на дату совершения оспариваемых сделок и впоследствии включены в реестр требований кредиторов.

Таким образом, из анализа приведенных примеров можно увидеть, что суды разных инстанций одинаково ответственно подходят к анализу предоставленных сторонами доказательств, придерживаются упомянутого ранее высокого стандарта доказывания, что способствует вынесению объективных решений. На мой взгляд, такая тенденция является несомненно правильной, так как исход дела по обособленному спору оказывает непосредственное влияние на непосредственное признание должника банкротом.

Литература:

1. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 октября 2022 г. N Ф05–426/17 по делу N А40–123684/2015 Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 октября 2024 г. N Ф05–11445/24 по делу N А40–152774/2021 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Сравнительный анализ процедуры внесудебного банкротства в России и в зарубежных странах

Кремер Александра Алексеевна, студент;

Карамышев Илья Олегович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Статья посвящена институту внесудебного банкротства, который является новым явлением не только для России, но и для других стран, таких как Англия, Казахстан и Новая Зеландия. Проводится анализ правовых механизмов и требований, регулирующих процедуры упрощенного банкротства в этих государствах, а также выделяются ключевые особенности, которые отличают их подходы. Основная мысль статьи заключается в том, что внесудебное банкротство может стать эффективным инструментом для управления финансовыми проблемами граждан, однако каждая страна применяет свою, отличающуюся правовую регламентацию этого процесса.

Ключевые слова: внесудебное банкротство, должник, доверительный управляющий.

Институт внесудебного банкротства является новым не только для нашей страны, но и для всего мира. На

данный момент помимо Российской Федерации его вне-
дрили Англия, Казахстан, Новая Зеландия.

Для начала рассмотрим какие особенности есть в правовом регулировании процедуры упрощенного банкротства в Новой Зеландии. В соответствии с подразделом 4 Закона о банкротстве Новой Зеландии должник должен обратиться в Trustee Service (Службу Доверительного управления), где оно передается конкретному доверительному управляющему [1]. Для того чтобы реализовать предоставленную государством возможность, гражданин Новой Зеландии должен соответствовать следующим требованиям:

1) Первый критерий аналогичен с требованиями к банкротам в Российской Федерации, так должно быть установлено что у гражданина отсутствует возможность погасить долги, нет активов которые подлежат реализации. Интересно, что к ним не относят машину, стоимость которой меньше 6 500 \$, есть мнение что это связано с особенностями транспортной инфраструктуры данной страны.

2) Здесь так же есть свой диапазон задолженности- не менее 1,000 \$ (91 544,9 руб.) и не более 50,000 \$ (4 577 244,95 р.);

3) Гражданин не должен ранее признаваться банкротом

4) Нужно проверить не будет для кредитора существенно лучше проводить упрощенную процедуру чем обычную, чтобы избежать его неосновательного обогащения

Далее аналогично нашей процедуре доверительным управляющим уведомляются кредиторы о начале процедуры банкротства, новость об этом публикуется в специальных издательствах, например, в New Zealand Gazette, и делается отметка в реестре.

Следует обратить внимание, что в отличие от РФ процедура упрощенного банкротства в Новой Зеландии регулируется доверительным управляющим, что позволяет сократить вероятность недобросовестного поведения со стороны должника. Например, в одну из его функций входит прекращение процедуры, в случае, когда выясняется, что должник скрывал активы и (или) улучшение своего финансового положения. В РФ это выясняется на этапе прекращения исполнительного производства и рассмотрения заявления в МФЦ, приставы-исполнители не всегда имеют ресурсы для получения достоверной информации относительно имущественного положения должника.

Также отличается и срок процедуры упрощенного банкротства, в Новой Зеландии он в два раза больше, чем российский и составляет 12 месяцев.

Ещё разнятся и некоторые последствия банкротства, так если в России при взятии нового кредита гражданин должен уведомлять кредитную организацию в течении 5 лет, о своем статусе банкрота, то в Новой Зеландии это не обязательно если кредит берётся на сумму до 100 долларов. С одной стороны можно сказать, что российские последствия более серьезные, однако важно упомянуть что в Новой Зеландии существует запрет на взятие кредита банкротом на сумму от 1000 долларов, а в случае несоблюдения данного правила гражданина могут привлечь к уголовной ответственности.

Далее рассмотрим, как во внесудебном порядке стать банкротом в Англии. С 2009 в этой стране можно получить приказы об облегчении долгового бремени или если кратко — (DRO). Законодательно DRO были закреплены в качестве поправок к Закону о несостоятельности 1986 года и в приложении к Закону о трибуналах, судах и принудительном исполнении 2007 года. Также как и в других странах гражданин должен подходить под определенные критерии, чтобы получить право на участие в вышеупомянутой процедуре:

001) должник не должен быть в состоянии погасить свои долги

002) Верхний лимит задолженности не должен превышать 30 000 фунтов стерлингов (3 510 929,94 руб.)

003) Сумма имеющихся активов не должна быть больше 2000 фунтов стерлингов. В связи с этим собственники жилых домов не могут подать на банкротство, так как их стоимость всегда превышает указанный лимит. В связи с этим стоит сказать, что в России наличие жилого дома в собственности не будет ограничением, потому что существует правило, которое не позволяет обращать взыскание на единственное жилье гражданина. Такое сравнение позволяет сделать вывод о более гуманной стороне российского банкротного законодательства.

004) Также учитывается ежемесячный доход гражданина, который не должен превышать 75 фунтов стерлингов (8 777,32 руб.)

005) В отношении гражданина не должно было проводиться процедуры DRO в течении 6 лет. А также не должно одновременно проводиться другого альтернативного банкротства.

006) Далее назовем критерий, которого не было в двух предыдущих странах, он устанавливает, что гражданин, который хочет стать банкротом должен проживать в Англии и Уэльсе или вести на данных территориях бизнес на протяжении 3 лет.

Процедура и сами последствия DRO почти аналогичны с российскими. Однако срок их действия не такой долгий и составляет один год. Так, гражданин ставший банкротом, в течении 12 месяцев после подписания приказа не может взять кредит на сумму более 500 фунтов стерлингов, не уведомив кредитора, также он ограничен в создании и управлении компаниями. Также есть такие последствия, которые напрямую не ухудшают положение гражданина, но могут повлиять на его деловую репутацию, например в течении всего срока действия приказа и трех месяцев после, информация об этом будет размещена в реестре неплатежеспособности, также это может стать ограничением для поступления на определенные государственные должности, так как, к сожалению, во многих структурах, банкротство является признаком неблагонадежности.

Но более всего на российскую похожа процедура внесудебного банкротства Казахстана. 30 декабря 2022 года Главой государства подписан Закон РК «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики

Казахстан». В данном нормативно- правовом акте содержится следующее определение «процедура внесудебного банкротства» — процедура, осуществляемая в отношении должника во внесудебном порядке с целью прекращения обязательств перед банками второго уровня, филиалами банка — нерезидента Республики Казахстан, организациями, осуществляющими отдельные виды банковских операций, организациями, осуществляющими микрофинансовую деятельность, или коллекторскими агентствами в соответствии с настоящим Законом. В данном законе

урегулированы полномочия должника и кредитора в процедуре внесудебного банкротства, взаимодействие участников процедур внесудебного банкротства.

В целом, можно сказать, что институт внесудебного банкротства только начинает своё развитие, и несмотря на то что не так много стран его ввели, из приведенных ими статистик видно, что его популярность возрастает с каждым годом всё больше и больше. В связи с этим, остальные страны, беря во внимание опыт своих коллег, захотят внести изменения и в свои банкротные законодательства.

Литература:

1. Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года № 178-VII «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями от 20.08.2024 г.) Доступ из справ. — правовой системы «КонсультантПлюс»

Понятие и признаки обособленного спора в делах о несостоятельности и банкротстве

Кремер Александра Алексеевна, студент;

Карамышев Илья Олегович, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье рассматривается понятие обособленного спора в сфере банкротства, его правовая природа и особенности. Анализируются различные подходы к определению этого института, в том числе доктринальные определения ученых и нормативные положения, закрепленные в судебной практике и законодательстве РФ. Особое внимание уделяется разграничению обособленного спора от иных процессуальных вопросов, связанных с делом о банкротстве, а также обсуждению его искового характера и практических аспектов применения. В статье также освещаются типичные виды обособленных споров.

Ключевые слова: обособленный спор, банкротство, несостоятельность, правовая природа, судебная практика, законодательство РФ.

Несмотря на развитие института обособленного спора в сфере несостоятельности (банкротства), на данный момент законодатель легально не закрепил, что следует понимать под обособленными спорами. В связи с этим ряд ученых вывели доктринальные определения, которые нашли отражения в их научных работах. Так, профессор Ю. Д. Подольский видел обособленный спор как факультативное гражданское дело, требующее разрешения спора о субъективном праве, имеющее взаимную юридическую связь с процессуальным правоотношением по урегулированию несостоятельности должника, в котором с участием определенного законом круга субъектов (участников дела о банкротстве) устанавливается самостоятельный предмет доказывания [1]. А другой автор раскрывал обособленный спор через его правовую природу как требования одного лица (лиц) к другому, вытекающее из неразрывно связанного с делом о банкротстве материального правоотношения и основанное на определенных юридических фактах. Стоит отметить, что сама правовая категория обособленного спора была раскрыта в Постанов-

лении Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» [2], но это не означает, что до этого момента суды не сталкивались с обособленными спорами, так, еще раньше определение обособленного спора встречалось в постановлении ФАС Уральского округа от 15.12.2011 г. № Ф09–8748/11 по делу № А50–18092/2011 [3] и постановление ФАС Уральского округа от 23.12.2011 г [4].

Интересно отметить, что некоторые авторы, описывая по сущностным признакам обособленный спор, используют иную терминологию. Например, Е. Е. Укусова оперирует в своей работе такими понятиями как «мини-спор» и «мини-производство». Однако приставка мини воспринимается многими как малый количественный признак чего-либо, в связи с этим может сложиться ложное представление, что такие споры уступают по своим характеристикам основным. Но из анализа обособленных споров можно увидеть, что они не особо отличаются от основного дела по количеству лиц участвующих в деле, количеству заявленных и разрешаемых требований, количе-

ству допустимых средств доказывания и доказательств, а иногда, наоборот, содержат более сложный состав.

Важно отграничивать обособленный спор от решения отдельных процессуальных вопросов, таких как отсрочка исполнения судебного акта, приостановление исполнительного производства и т. д. Такое разграничение связано с тем, что обособленный спор является полноценным иском производством, по которому впоследствии выносится итоговый судебный акт, а факультативный спор, который хоть и может быть связан с основным банкротным делом не выделяется в отдельно производство. Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 20.03.2014 N 664-О [5], высказался о том, что рассмотрение судом требования о взыскании судебных расходов не является самостоятельным имущественным требованием, осуществляется в рамках гражданского дела, по которому судом уже принято решение по существу и поэтому не составляет.

Некоторые ученые опровергают искомой характер обособленного спора, ссылаясь на то, что, часто кредитор обращаясь за уточнением своих требований к должнику не всегда имеет возражения по самому спору, а лишь хочет установить их размер и, соответственно, отсутствует спор о праве как таковой. Но противники данной точки зрения считают, что отсутствие возражений по предмету обособленного спора в отдельно взятом конкретном случае не может служить достаточным обоснованием отсутствия спора о праве. Необходимость рассмотрения обособленного спора в рамках искового производства подтвержда-

ется в п.26 ПП ВС № 35 от 22.06.2012 года, где сказано что в силу пунктов 3–5 статьи 71 и пунктов 3–5 статьи 100 Закона о банкротстве проверка обоснованности и размера требований кредиторов осуществляется судом независимо от наличия разногласий относительно этих требований между должником и лицами, имеющими право заявлять соответствующие возражения, с одной стороны, и предъявившим требование кредитором — с другой стороны. При установлении требований кредиторов в деле о банкротстве судам следует исходить из того, что установленными могут быть признаны только требования, в отношении которых представлены достаточные доказательства наличия и размера задолженности. С практической точки зрения содержательная часть заявления по обособленному спору не отличается от искового заявления по основному спору о банкротстве, так как оно также содержит конкретное требование к суду, которое подкрепляется правовым обоснованием.

Для более полного понимания сущности обособленного спора следует сказать о том, что на практике к нему относятся: предъявление имущественных и неимущественных требований к должнику; обжалование действий и бездействия арбитражного управления; оспаривание сделок должника; разрешение разногласий между участниками производства; привлечение контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности (взыскание убытков); установление признаков криминального банкротства и другие.

Литература:

1. Подольский Ю. Д. Обособленные споры в банкротстве: монография / Ю. Д. Подольский. Москва: Статут, 2020. С. 9.
2. Постановлении Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
3. Постановление ФАС Уральского округа от 15.12.2011 г. № Ф09–8748/11 по делу № А50–18092/2011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
4. Постановление ФАС Уральского округа от 23.12.2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20.03.2014 N 664-О Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Исполнительная надпись: инструмент защиты или обход закона?

Кремер Александра Алексеевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

В статье проведён анализ того, какие существуют проблемы, связанные с совершением исполнительной надписи, и как они решены на данный момент.

Ключевые слова: исполнительная надпись, задолженность, добросовестное исполнение.

Одной из основных проблем является отсутствие установленной формы исполнительной надписи. Е. А. Борисова в одной из своих работ указала на необходимость дополнить ст. 92 Основ законодательства о но-

тариате перечнем требований к форме, мерами принудительного исполнения и способами их реализации [1, с. 480]. Такое уточнение внесло бы ясность не только для взыскателя и должника, но и для пристава-исполнителя,

так как это более тщательно регламентировало бы его работу.

Также необходимо отметить, что уведомление должника, как необходимое условие для совершения надписи, имеет ряд недостатков. Так, Ю. А. Фокина справедливо заметила, что законодатель не требует предоставления документа, подтверждающего, что должник был ознакомлен с уведомлением о задолженности [2, с. 79]. Это может повлечь негативные последствия не только для должника, который вынужден будет оспаривать уже совершенную надпись, но и для кредитора, так как у последнего нет точного понимания о готовности обязанной стороны выплатить долг во внесудебном порядке. Стоит отметить, что на практике встречаются случаи, когда можно спутать претензию кредитора с исполнительной надписью, однако, как правильно отметил Восьмой Кассационный суд, претензия не содержит однозначной воли банка об обращении к нотариусу. [3] А. Сперанский обратил внимание на то, что в уведомлении отсутствует информация о том, к какому нотариусу планирует обратиться кредитор, в связи с этим у должника возникают трудности с тем, чтобы «удержать» его от совершения исполнительной надписи [4]. Также можно частично решить эту проблему, если увеличить десятидневный срок для оспаривания исполнительной надписи до 1 месяца, тогда многие граждане смогут более эффективно защищать свои права, даже несмотря на отсутствие некоторых данных в уведомлении.

Также нотариус обязан уведомить должника об уже совершенной исполнительной надписи, но на практике последний узнает о ней уже после начала процесса принудительного взыскания. Однако такое незнание должника не связано с недобросовестным исполнением нотариусом своих обязанностей, а сформировано из-за недостоверной информации о фактическом месте жительства, регистрации ответчика. Таким образом, необходимо дополнить ст. 91.1 Основ законодательства о нотариате положениями, которые бы конкретизировали не только форму уведомления о задолженности, но и процедурный порядок его доставления должнику.

Более серьезной проблемой является использование исполнительной надписи для отмывания доходов, полученных преступным путем. Раскрывая её суть, обратимся к письму Федеральной службы по финансовому мониторингу от 01.03.2018 года, в нем сказано, что «исполнительные надписи нотариусов могут использоваться в целях легализации операций по «обналичиванию» денежных средств, совершения «транзитных» переводов на счета третьих лиц в цепочке транзакций, направленных на вывод средств в теневой оборот и др.». [5] Один из вариантов такого мошенничества с помощью исполнительной надписи раскрыт в статье [6] адвоката Максима Иванова, в ней он подробно рассказывает, как на зарубежные счета принадлежащие фирмам однодневкам поступают денежные средства, которые были взысканы по исполнительной надписи у фирм-жертв. На данный момент законодатель, решая эту проблему, в ч. 2. ст. 48 Основ законодательства о нотариате закрепил, что нотариус легально может отказывать в совершении исполнительной надписи, если у него будут основания полагать, что она может быть использована для вышеуказанных целей. При этом в упоминаемом ранее письме Росфинмониторинга содержатся рекомендации, как нотариусу определить сомнительную операцию, в том числе имеющую цель отмывания доходов. Ему советуют использовать для проверки лиц сервисы Федеральной налоговой службы и Федеральной службы судебных приставов, различные информационные агентства, а также по возможности запрашивать у клиентов дополнительные сведения по денежным операциям. Однако адвокат коллегии адвокатов Pen&Pareg выразил обеспокоенность тем, что если «нотариусов обяжут проверять реальность обязательств, то они крайне неохотно будут совершать исполнительные надписи, что затруднит использование добросовестными участниками этого правового инструмента» [7]. Поэтому трудно не согласиться, что на данный момент решения этой проблемы пока не найдено, и, как отмечали А. Е. Пийтер и О. С. Лиликова [8, с. 36], остается надеяться на профессионализм и добросовестность каждого отдельно нотариуса.

Литература:

1. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Под ред. Е. А. Борисовой. — М.: Юстицинформ, 2016. — 480 с.
2. Фокина Ю. А. Исполнительная надпись нотариуса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 8. — С. 79–82
3. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.03.2023 N 88–4502/2023// КонсультантПлюс: справ. правовая система. Электрон. дан. М., 2023. Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та
4. Сперанский А. Взыскание задолженности по кредитным договорам на основании исполнительной надписи нотариуса // Бухгалтерия и банки. -2016. -№ 9. -С. 27..
5. Информационное письмо Федеральной службы по финансовому мониторингу от 1 марта 2018 г. «О повышении внимания нотариусов к отдельным операциям клиентов» // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Электрон. дан. М., 2023. Доступ из локальной сети Науч. 6-ки Том. гос. ун-та.;
6. Иванов М. Н. Исполнительная надпись нотариуса как инструмент хищения активов у бизнеса // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://slovoidealolaw.com/news/advokat-maksim-ivanovispolnitelnaya-nadpisnotariusa-kak-instrument-khishcheniya-aktivov-u-biznesa/> — (дата обращения: 17.09.2023)

7. Роман Пархоменко комментирует схемы обналичивания средств через нотариусов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pen-paper.ru/novosti/pressa-o-pen-i-paper/roman-parxomenko-kommentiruetsxemyi-obnalichivaniya-sredstv-cherez-notariusov/> — (дата обращения: 24.09.2023)
8. Пийтер А. Е., Лиликова О. С. Некоторые аспекты нотариальной защиты прав предпринимателей. // Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права. —2020.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 26 (577) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 09.07.2025. Дата выхода в свет: 16.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.